Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА
И
РЕВОЛЮЦИЯ

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОЙНА
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ОСОАВИАХИМА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
К. Е. ВОРОШИЛОВА, И. С. УНШЛИХТА, С. С. КАМЕНЕВА,
А. С. БУБНОВА, М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО, Р. П. ЭЙДЕМАНА

1927

№ 12 ДЕКАБРЬ № 12

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Главлит № А—3326. Тираж 1.300.

Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

КАПИТАНЬ

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В РУМЫНСКОЙ АРМИИ

В мировую войну Румыния вступила со своими, румынскими, уставами и наставлениями. Эти наставления, как и наставления остальных участников мировой войны, были созданы на случай маневренной войны. Основываясь на этих наставлениях и их доктрине маневренной войны, румыны проделали первый этап своей кампании: наступательное движение через Карпаты в Трансильванию (Семиградию), бои в Трансильвании, отступление к Карпатам, бои в Карпатах при обратном движении и, наконец, арьергардные бои вплоть до выхода на линию реки Серет.

Во втором этапе кампании румыны были вынуждены перейти к позиционной войне. Для ведения этой войны союзники стали снабжать Румынию необходимыми боеприпасами и средствами (автоматическими ружьями, пулеметами, гранатами и средствами для ведения газовой войны). Французы послали в Румынию свою военную миссию, которая должна была передать румынам опыт, накопленный французами за два года позиционной войны на Западе. Таким путем Румыния уже довершила свою кампанию не по своим, а по французским доктринам.

После поражения германской коалиции в конце 1918 года румынам опять представилась возможность ведения маневренной войны по своим доктринам, а именно — совершить вторжение в Венгрию, а впоследствии, в 1919 г., вести войну против красной армии Венгерской советской республики.

Покончив с войной против Венгрии, румыны стали обосновывать свою доктрину для будущей войны. В 1920 году вышло в свет румынское наставление по обучению пехоты, составленное на основании собственного опыта.

В 1921 году инспектор румынской кавалерии издал директивы для обучения кавалерии, также основанные на собственном, румынском опыте. По этим директивам кавалерия, в противовес французским доктринам, мыслится как настоящая кавалерия, действующая преимущественно в конном строю.

Из сказанного вытекает, что после мировой войны Румыния пробовала итти по собственным путям. Однако, это продолжалось недолго. В 1922 году французы навязали румынам свою доктрину, и румынская армия была реорганизована в 1922/23 г. по французскому образцу. Все без исключения французские тактические наставления стали руководящими и в румынской армии. Румынам было дано „право“ пе-

ревода французских наставлений на румынский язык, при чем их дозволялось видоизменять наставлений и уставы лишь в части, касающейся процесса обучения (распределения новобранцев, ступени учебного года), приспосабливая их к румынским условиям. Румынская артиллерия получила даже право иметь собственное наставление для обучения... верховой езде.

Румынских офицеров стали командировать во Францию для прохождения курса военной академии, военных школ и курсов и в самую французскую армию, с целью более глубокого усвоения французских доктрин и их распространения в румынской армии.

Мыслящие круги румынской армии не могли безоговорочно согласиться с проделываемым опытом, потому что они отдавали себе отчет в том, что потребности и условия Румынии совсем не те, что во Франции.

После реорганизации армии по французскому образцу и после выхода новых „румынских" наставлений, широко рекламированных как собственные (хотя они являют собою дословный перевод с французского, за исключением порядка обучения), в румынской военной литературе началась кампания против применения французских взглядов в румынской армии.

Когда в 1923 году румынская кавалерия была подвергнута сокращению с целью выравнивания соотношения родов оружия согласно французским требованиям, тогда в дискуссию военных специалистов вмешались и невоенные люди. Страх перед конницей Буденного был слишком велик, чтобы, в угоду военным кругам Франции, отказаться от сильной кавалерии. Победа осталась, наконец, на стороне поборников сильной конницы: в 1925 году опять начали восстанавливать сокращенные в 1923 году кавалерийские полки.

В настоящее время румынские военспецы делятся на три лагеря. Одна часть — франкофилы, состоящие преимущественно из офицеров, получивших образование во французских военных школах и бывших в прикомандировании к французской армии. Эта часть отстаивает шаг за шагом французские наставления. Другая часть — самая малочисленная — стремится освободиться от французского влияния, чтобы пойти по собственному, „национальному" пути. Третья — половинчатая группа — хотела бы, базируясь на французскую мысль, приспособить ее применительно к румынским условиям. Эта самая многочисленная часть находит поддержку о большей или меньшей степени и со стороны официальных кругов.

Румынским военным специалистам то и дело приходится „сдвигать ножницы", образуемые французской доктриной, с одной стороны, и румынскими условиями, с другой.

Именно это положение находит отклик в статьях, появляющихся в специальной периодической литературе. Полемика группируется

вокруг известных вопросов, ясность в которых должна быть достигнута, прежде чем приступить к переработке уставов или к реорганизации самой армии, при чем исходной нитью остается: приспособить французскую мысль к собственным потребностям.

В настоящей статье мы хотим ближе познакомить наших читателей с этими актуальными вопросами.

Характер будущей войны: позиционная или маневренная война?

Первейший и, несомненно, самый важный вопрос, которым задаются румынские военспецы, это вопрос о характере той войны, которую будет вести Румыния. От решения вопроса о том, будет ли это позиционная или маневренная война, зависит все остальное.

Каковы же взгляды французов на сей счет?

Мнения французов насчет позиционной или маневренной войны изложены в предисловии к их „наставлению о тактическом применении крупных соединений". В основном, они выражены в следующих словах:

> „Гигантские, вызванные к жизни всеобщей воинской повинностью, массы, с одной стороны, союзы с дружественными державами, с другой, создали в минувшую войну сплошные фронты таких протяжений, что окрыление (охват) стало уже невозможным.
>
> Так как на ряду с возрастающей действительностью огня в дальнейшем будет также возрастать и сила оборонительных сооружений, нужно полагать, что подобные положения создадутся и в будущем.
>
> Однако, состояние современного вооружения в Европе допускает предположение, что к началу войны противостоящие друг другу силы будут состоять из армий ограниченной численности, предназначенных для того, чтобы прикрывать собственную массовую мобилизацию или же помешать мобилизации противника. Эти армии должны будут прибегать к маневренному способу ведения войны.
>
> Маневренная война полностью будет иметь место и в случаях, когда, путем выведения из строя сил противника, в его сплошном фронте образуются такие промежутки, что действия в открытом поле станут возможными. Поэтому командованию крупных соединений должны быть знакомы не только пути и способы ведения боя против сплошного фронта, но также таковые для маневренной войны".

Таким образом, согласно взглядам французов, надо ожидать, что в начале войны появятся временно небольшие армии прикрытия, которые будут вести бои с открытыми флангами, а потом, когда мобилизация всего населения закончится, опять вырастет, по всей веро-

ятности, сплошной вал из живых человеческих тел времен 1915—18 гг., на долю которого выпадет решение главной задачи войны. Лишь после растраты сил одного из противников и после прорыва мощного вала, фронты, возможно, опять раздвинутся и вместе с этим подвижная война опять завоюет свое значение.

Во французских наставлениях позиционная война трактуется, как главный вид будущей войны, а маневренная война рассматривается только под углом зрения ведения боя с примкнутым флангом. Термин „охват" встречается на страницах наставления только один раз, и то при трактовке боя самой крупной единицы — армии.

Что же по этому поводу говорят румыны?

Их рассуждения можно резюмировать так. В будущем для Франции возможна война только с Германией. Протяжение общей границы Германии — Франции равно 302 *км*. К этой границе Франция, имеющая 37 миллионов населения (без колоний), может двинуть около четырех миллионов солдат, из коих три миллиона найдут непосредственное применение на фронте, в узком смысле этого слова. Итак, Франция в состоянии создать сплошной фронт с примкнутыми флангами, что является основной предпосылкой для позиционной войны.

Каковы же соотношения для Румынии?

Общее протяжение границ Румынии — около 2550 километров, из коих угрожаемыми считаются:

Граница с СССР	500	км
„ „ Венгрией	320	„
„ „ Болгарией	530	„
Морская граница	400	„
Итого	1.750	км

При населении в 17,5 миллионов, Румыния в состоянии мобилизовать 1,5—2 миллиона человек. В силу недостатка средств вооружения может быть двинут на фронт максимум один миллион солдат, причем Румыния должна их распределять по трем фронтам. Для создания сплошного фронта в Румынии, таким образом, сил не хватит. Отсюда речь может итти только о маневренной войне, отнюдь не о позиционной.

Как же мыслится румынами ход этой маневренной войны? В журнале „România Militară" описывается будущая война против СССР, вероятнейшего и сильнейшего противника Румынии, следующим образом:

„Румыния, достигшая своих естественных границ, далека от мысли о какой бы то ни было наступательной войне, она будет держаться оборонительной политики, из которой логически вытекает и оборонительная стратегия." (Ссылка на Клаузевица: „Война есть продолжение политики..." Отсюда никак не вытекает, что п о л и т и к а о б о р о н ы

должна быть, непременно продолжена стратегией обороны. К.) „Можно с уверенностью исходить из того положения, что русские собираются наносить нам решительный удар превосходными силами, подобно шлиффеновскому плану удара против Франции".

„Имей Румыния на своей стороне численное превосходство, будь она в состоянии развернуться раньше русских, смогла бы ли она решиться на наступление, с целью навязать свою волю противнику? К чему привело бы нас такое наступление? Разве такое наступление не привело бы румын к распылению своих сил на безграничном пространстве, а противник мог бы отходить до тех пор, пока не собрал бы превосходные силы, или же отходил бы вглубь своей страны туда, куда румыны не смогли бы дальше следовать за ним? Авантюра Наполеона еще, ведь, не забыта.

Результаты подобного наступления оказались бы отрицательными, ибо главный об'ект — армия противника оставалась бы не разбитой. Наличие германских офицеров в рядах русской армии дает нам право предполагать, что русские окажутся верными учениками своих германских организаторов и дадут действовать в духе немецкой доктрины, рассчитывая, прежде всего, на свое численное превосходство".

Как же должна Румыния защититься от русского нападения?

„Под прикрытием войск, назначенных для прикрытия стратегического развертывания, представляющих собою не что иное, как стратегические передовые отряды, Румыния должна на большом расстоянии от противника совершить свое стратегическое развертывание в сторону одного из флангов последнего.

Линия, на которой мы решили окончательно остановить противника, должна являться последним рубежом нашего отступления. На этом рубеже мы должны сосредоточить все наши новейшие средства истребления, дабы заменить нашу численную слабость такой силой огня, которая напомнила бы русским Дунаец 1915 года.

Таким образом, будущая битва должна разыграться между Днестром и Прутом или же между Прутом и Карпатами.

Войска прикрытия смогут только путем маневра выходить из-под решительного удара.

Бо́льшая часть армии (предназначенной для решительного удара) будет состоять, преимущественно, из резервистов. Отдаленность от противника линии, куда будут сосредоточены резервы, даст нам возможность выиграть необходимое время для освежения знаний наших резервистов.

Мы должны будем одновременно вести войну на два, возможно, на три фронта; поэтому мы будем вынуждены маневрировать преимущественно по внутренним линиям.

Метод борьбы немцев, устоявших против превосходных сил противника, благодаря своей большей способности маневрировать,

этот метод должен и для нас стать примером, достойным подражания".

Примерно в таком же духе, но более подробно, останавливается на вопросе о будущей войне Румынии инспектор румынской кавалерии. В своем журнале „Revista Cavalerici" он рассуждает:

„Возьмем лучший случай — Румыния в союзе с Польшей, а Болгария и Венгрия пока соблюдают нейтралитет. Мы должны определенным образом исходить из того, что на нас нападут; обратное положение трудно предположить. Наша восточная граница открыта и слабо укреплена. Наш будущий театр военных действий представляет собою местность, хотя мало пересеченную, с редкими населенными пунктами, но с возвышенностями, весьма удобными для подвижной войны. На важнейших направлениях имеется лишь несколько шоссейных и железных дорог, остальные — естественные дороги. Между численностью армии и протяжением фронта имеется большая диспропорция, к тому же этот фронт подвержен охватам с обоих флангов, а также не защищен с тыла, т.-е. с запада и юга.

Как нам в таком положении обороняться?

Прежде всего мы должны иметь сильную систему прикрытий, прикрывающих главную линию сопротивления, куда армия сосредоточивается с тем, чтобы с этой линии быть готовой действовать по обстановке. Однако, ни система передовых прикрытий, ни сама главная линия сопротивления не могут представлять собою сплошного фронта, так как армия по отношению к протяжению фронта слишком малочисленна. Мы должны будем сосредоточит максимум сил на вероятнейших путях наступления противника; в промежутках же между этими путями останутся участки фронта, занятые незначительными силами и средствами.

Как же мыслится нам наступление противника?

Противник двинет свои силы по определенным направлениям, имея в кулаке позади сильную подвижную конную массу. Будучи более сильным на тех направлениях, где он предполагает форсировать наступление, противник набросится одновременно на всю нашу систему прикрытия. И коль скоро он убедится, что ему удалось достаточно связать наши силы прикрытия, он нацелит свою конную массу в одном или нескольких направлениях на слабо защищенные участки нашей системы прикрытия. Эти массы, обладающие достаточной подвижностью и огневой силой, в состоянии будут опрокинуть наши войска прикрытия, и, минуя наши более сильные узлы обороны, устремятся на наши коммуникации, избирая себе в нашем тылу об'ектами своих действий узлы коммуникации, политические центры, склады, мосты и т. п. Действуя таким образом, т.-е. разрушая наши коммуникации, эти конные массы попутно постараются задержать подход резервов, перерезать пути подвоза к нашим обойденным передовым узлам обо-

роны, вызвать революционные выступления населения в нашем тылу. Одновременно с этим, противник, действующий против уцелевших передовых участков нашей обороны, возобновит усилия, с целью сломить наше сопротивление на этих участках.

Чтобы все это проделать, противнику может и не понадобится много времени; возможно, достаточно будет лишь одной недели.

Мы же сможем улучшить свое положение лишь на главной линии сопротивления, когда большая часть армии уже будет сосредоточена. Однако, и главная линия, возможно, будет иметь те же недостатки, что и наша передовая система, ибо мы не можем быть одинаково и достаточно сильны на всем ее протяжении. И здесь будут сильно укрепленные, упорно обороняемые зоны и более слабые промежутки".

Автор заканчивает свои рассуждения следующими словами:

„Во всяком случае, по сравнению с французами, нашим войсковым соединениям придется вести борьбу на более широком фронте. Насыщенность числа по отношению к пространству у нас меньше, к тому же в нашем распоряжении не имеется такого количества средств, как у французов.

Что касается противника, то нет сомнений, что организация его армии должна отвечать основной ее цели. Противник ведь обладает подвижной, хорошо вооруженной и обученной, способной маневрировать и знающий себе цену конницей."

Соотношение родов оружия.

Следующий по важности вопрос, который должен быть решен в Румынии иначе, чем во Франции, это вопрос о соотношении родов оружия.

Необходимость для румын искать иного решения этого вопроса вытекает:

1) из разного характера войны: маневренная — в Румынии, позиционная — во Франции;

2) из крайне слабой румынской отечественной промышленности и тяжелого финансового положения страны; задача — „машинизировать" армию — на многие годы еще останется для Румынии задачей неразрешимой.

3) из географических особенностей румынского театра войны: широкие пространства, мало естественных преград, слабая заселенность, мало дорог, культурная отсталость населения, — все это характеризует румынский театр войны, как полную противоположность французскому театру.

Пехота. Румыны все настойчивее отстаивают мысль о том, что им необходимо изменить организацию пехоты в сторону увеличения числа пехотных полков в дивизии с трех на четыре. По мнению румын, трехполковая пехотная дивизия, вместо прежней четырехполковой, есть продукт позиционной войны.

В 1916 году французы и немцы, переходя к организации трехполковой дивизии, преследовали одинаковую цель — экономить людские ресурсы. Заменив в окопах человека техникой, оба противника получали возможность черпать людской материал из старых дивизий, выкраивать себе все новые резервы, что имело решающее значение для позиционной войны. В будущем Францию ожидает то же самое, с чем она столкнулась в минувшую войну, когда людские запасы в окопах быстро таяли.

Иначе обстоит дело в Румынии. Здесь, прежде всего, недостаток в технических средствах борьбы не позволяет иметь дивизию с сокращенным числом бойцов и с одинаковой с прежней дивизией огневой силой. К тому же необходимо учитывать известное нам положение что участок румынской дивизии будет значительнее участка, занимаемого французской дивизией, при чем, румынам придется прибегать к такому расположению своей дивизии в глубину, которое давало бы возможность подвести задние эшелоны дивизии к передовым частям по достаточно свободному для маневра пространству. За подобную реорганизацию высказываются еще потому, что румынская дивизия должна будет часто вести бои самостоятельно, не рассчитывая на помощь артиллерии и резервов более крупных соединений из глубины. Румынская дивизия должна обладать умением самостоятельно вести бои гораздо более продолжительное время, нежели французская дивизия. За ее спиной не будут стоять боевые силы более крупных соединений.

Так как Румыния не в состоянии тягаться с другими государствами в увеличении техники (бездорожье, финансовое положение и т. п.), то остается лиш один путь — усиление пехоты в дивизии.

Конница. Румыны, в противовес своим учителям-французам, все настойчивее высказываются за сильную конницу. В подтверждение этого они приводят следующие доводы:

1. Вероятнейший и сильнейший противник — СССР обладает многочисленной и хорошей конницей:

2. Театр военных действий, по своему рельефу, допускает широкое применение конницы; протяжение фронта тоже не стеснить ее действий.

3. Стратегическим положением Румынии обусловливается широкое ведение операций по внутренним линиям, для чего конница весьма пригодна.

Таким образом, все доводы говорят за увеличение конницы, но румынам приходится учитывать дороговизну этого рода оружия, что ставит предел непомерным желаниям, если не искать выхода в способе укомплектования конницы „Cuschimbul", т.-е. призывать кавалериста со своим конем в мирное время на короткий срок обучения, а в военное время обязать его также явиться с собственным конем,

В то время, как поборники увеличенного состава пехотных дивизий пока не могут похвастаться реальными результатами, ибо пехотные дивизии так и остались трехполковыми, конники своей кампанией уже добились заметных результатов, выражающихся в следующем.

В 1922 году румыны имели 2 кавдивизии и 7 бригад „Калараш"[1]). Кавдивизия состояла из 6 полков „Рошиор"[2]), кавбригада из 2 полков „Калараш". Итого в 1922 году имелось 12 полков „Рошиор" плюс 14 полков „Калараш" и 1 кавполк королевской охраны. Всего вместе 27 кавполков. Желание подражать французам привело румын в 1923 году к тому, что 7 полков „Калараш" были расформированы.

После длительных споров, в 1925 году начало торжествовать новое веяние. Прежде всего был вновь сформирован один полк „Калараш". Все полки „Калараш" получили назначение стратегической конницы (до этого времени они значились войсковой конницей — корпусной и дивизионной). Таким путем стратегическая конница получила в свой состав еще одну кавдивизию, и вместо двух дивизий стало три. Кроме того, [illegible] была создана одна отдельная бригада „Калараш".

В ближайшем будущем румыны имеют в виду, путем формирования четырех новых полков „Калараш", создать еще четвертую кавдивизию.

Назначение крупных соединений.

Задачи, возлагаемые на крупные соединения румынской армии, гораздо сложнее задач соответствующих французских соединений.

С началом войны крупным соединениям румынской армии придется решать следующие задачи.

Одни должны будут обеспечить командованию армии свободу действий, другие — сосредоточиться и изготовиться к нанесению решительного удара главным силам противника.

Первые будут вести операции на широком фронте, имея меньшую часть своих сил в передовых линиях с задачей замедлить продвижение противника, в то время как большая их часть — главные силы, пользуясь подвижностью и соответственной группировкой, будут набрасываться на неприятельские колонны.

Широкие пространства будут способствовать маневру этих сил в их стремлении выиграть фланг противника. Разумеется, что в таком случае рекомендуемая французами норма участка (2—3 *км* для дивизии, 4—6 *км* для корпуса) соблюдена не будет. Также не сможет быть соблюдена французская норма в отношении продолжительности боя дивизии—2—3 дня, корпуса—4—6 дней.

---

[1]) „Калараш"— бывшая корпусная и дивизионная конница.
[2]) „Рошиор"— бывшая стратегическая конница.

Другая часть крупных соединений, предназначаемая для решительных действий против важнейшей группировки противника, должна будет прежде всего сосредоточиться в определенное время на определенных рубежах. Выполнив эту задачу, некоторые из них будут направлены с задачей — искать соприкосновения с противником, другие займут известные промежутки фронта, чтобы участвовать в завязке боя, наконец, третьи будут использованы для нанесения противнику главного удара.

Соединения, предназначенные для решения первых двух задач, т.-е. войти в соприкосновение с противником и участвовать в завязке боя на определенных участках, будут несомненно действовать на довольно широком пространстве. Главная же группировка, предназначаемая для решительного удара, должна быть крайне подвижна, чтобы, отыскав слабое место противника, не упустить время и ударить именно в эту сторону. Хотя эта главная группа будет вести свой удар на более узкой полосе фронта и будет действовать стремительнее и решительнее остальных соединений, все же размеры ее полосы и норма времени ее действий не будут отвечать тем нормам, которые предписаны французскими наставлениями. Задачи, которые румыны должны будут ставить отдельным мелким отрядам, будут подчас значительнее тех задач, которые по французским уставам даются пехотной дивизии. Раз это так, то эти отряды должны, на ряду с самостоятельностью, обладать еще и подвижностью для совершения своего маневра.

Очевидно, что дивизиям прикрытия, обеспечивающим свободу действий всей армии, а также дивизиям, предназначаемым разведать противника, и, наконец, дивизиям, имеющим задачей завязку боя, в большинстве случаев придется решать задачи такого масштаба, которые по французским наставлениям не даются даже армейскому корпусу. В известных случаях румынская дивизия будет стратегической единицей, в то время, как у французов таковой является лишь армия. Армейские корпуса в Румынии — это, в большинстве случаев, стратегические единицы, вроде армии во Франции. Прикрывать известные направления, вести наступательную операцию в известном направлении самостоятельно — вот задачи румынского армейского корпуса.

Что касается румынских армий, то на их долю выпадут задачи, которые, по французским масштабам, доверяются только армейским группам, но не армиям. Они будут решать самостоятельную задачу на одном фронте, в то время как другие армии будут заняты на других фронтах.

Маневр и огонь.

Румыны отзываются о маневре, в толковании французских уставов, как о действии, имеющем своей целью направить мощные средства к пунктам предполагаемого прорыва.

Согласно французским наставлениям, элементами боя являются: огонь, боеспособность войск, инженерные сооружения для усиления местности и состояние дорог. Сила огневых средств — газы, дымовые завесы и мины. Румыны же считают, что за элементом огонь должен следовать элемент маневр, ибо они не мыслят будущую войну иначе, как маневренной.

Слово „маневр" румыны понимают иначе, чем французы, у которых оно обозначает движение на фронте с примкнутыми флангами, где не имеется промежутков в самом фронте, где возможность удачи целиком зависит от количества имеющихся в распоряжении средств боя. В слово маневр румыны вкладывают совсем другое содержание: это — движение к слабым флангам противника, к открытым внутренним флангам в прерывчатой линии фронта; маневр — это действие, удача которого зависит от искусства начальника, а победа дается в результате удара во фланг и тыл.

На поле боя должны иметь одинаковое значение огонь и движение пехоты и огонь и движение колесами артиллерии, в то время, как французы придают главенствующее значение лишь роли огня.

По французским уставам пехота не что иное, как беспомощный род оружия, который без огневой поддержки сильной артиллерии и танков совсем наступать не будет, а артиллерия, по этим же уставам, так неподвижна, что кажется, будто, у нее отнялись колеса.

По духу французских уставов полагается перед каждым наступлением остановиться для подтягивания огневых средств и введения их в действие, чтобы обеспечить себе огневое превосходство, а с дальнейшим продвижением пехоты до пределов возможной артиллерийской поддержки необходимо вновь и вновь прибегать к остановкам для того, чтобы выдвинуть вперед артиллерийские средства для прокладывания пути пехоте. Этим страшно замедляется темп наступления.

Румыны отказываются от такого замедленного темпа и методичности наступления. Румынские пространства требуют стремительного удара. Итак, румыны хотят обосновать свою тактику на маневре и подвижности, расходясь с французами и в этом вопросе.

Назначение и тактика конницы.

В вопросе применения конницы румыны также расходятся со своими учителями. Французы предопределяют роль конницы в начале войны действиями в составе войск, прикрывающих границу. При отходе этих войск прикрытия от границы кавалерия не найдет возможностей действовать маневром в конном строю, ибо она должна будет, отступая пядь-за-пядью, сдерживать продвижение противника. Характер местности и узость пространства не дают коннице возможности размахнуться, и скорее подсказывают кавалеристу принимать бой в пешем строю. Действия в конном строю будут явлением весьма редким и для

мелких подразделений кавалерии. С выходом кавалерии за главную линию сопротивления она собирается в пунктах, куда ей легче всего отходить, или перебрасывается по жел. дороге в тыл, откуда она вновь получает узкую задачу, по обстоятельствам, либо „штопать дыры", либо удлинять участок фронта. До того момента, пока кавалерия получит кавалерийскую задачу—проскочить через промежуток использовать успех прорыва и броситься преследовать противника,—она давно уж будет израсходована как подвижной резерв или будет пригвождена к месту, расходуя людской состав в окопах в пехотном бою.

Инспектор румынской кавалерии, генерал Сынеску, сопоставляя возможности для конницы на театрах Западной Европы и в Румынии, задает вопрос: „Не лучше ли будет для Румынии избавить армейскую конницу от службы в пограничной охране и держать ее компактной массой для действий против конницы противника, которая, несомненно готовится к глубокому вторжению, которая не побоится проникнуть в тыл главным силам прикрытия, чтобы появиться перед фронтом главной линии сопротивления? Условия предстоящих боев в приграничной полосе и малочисленность нашей румынской конницы требуют замены армейской конницы в пограничной службе конными граничарами и войсковой конницей".

Как же мыслятся действия слабой румынской кавалерии против сильной конницы противника? Они мыслятся только на основе сочетания движения и огня. Румынская конница, будь это мелкая единица или крупное соединение, не должна давать приковать себя на известном рубеже, ибо она скоро окажется охваченной с флангов или обойденной и, в лучшем случае, спешно уйдет в тыл под защиту своей пехоты.

Оказавшись позади главной линии сопротивления, конница не должна оставаться в качестве огневого резерва на сильных участках; наоборот, ее нужно сосредоточить в одну или две группы и держать за слабо защищаемыми промежутками, где ей скоро представится случай — парировать своим маневром второстепенные удары противника или, пользуясь легким выигрышем фланга противника, самой переходить к активным действиям. Одним словом, румыны считают, что своей кавалерии они должны ставить чисто кавалерийские задачи. Итак, раз существует большая разница в применении и тактике конницы на западе и на востоке, то должна быть и разница в соотношении ее к другим родам войск, разница в организации, в уставах и воспитании. Генералу Сынеску и другим поборникам сильной конницы приходится отвоевывать позиции у франкофилов шаг за шагом. Стремясь преподнести свое вольнодумство в приемлемой для франкофилов форме, они предлагают лишь расширить ст. 306—308 ч. II французского кавалерийского устава и взять их за основу для румынского устава.

В этих статьях французский устав, останавливаясь кратко на различном характере западного и восточного театров, соответственно при-

знает, что на востоке кавалерийскому начальнику часто представится случай вести бои в конном строю.

Исходя отсюда, румынские конники предлагают следующие основные положения для будущего кавалерийского устава.

Во Франции.	В Румынии.
а) Конница маневрирует на коне, бой своим огнем.	а) Кавалерийскому начальнику часто представиться случай ввязаться в бой в конном строю.
б) Главный способ, огонь.	б) Главный способ действия — бой комбинированный, где огонь и движение одинаково ценны.
в) Бой в конном строю применяется эскадроном. когда противник захвачен врасплох.	в) Крупные единицы могут прибегать к конному бою; как правило, конный бой принимается по-эскадронно или же по-дивизионно.

Артиллерия.

В большинстве случаев французская пехотная дивизия совершает наступательный марш двумя колоннами, при чем одна колонна состоит из двух, другая из одного пехотного полка. Двухполковая колонна обыкновенно имеет в авангарде — два батальона, однополковая — один батальон. Артиллерия авангардам не придается, зато при главных силах артиллерия двигается эшелонами. Обыкновенно назначается один дивизион для поддержки обоих авангардов. Вся масса артиллерии дивизии остается в руках начальника артиллерии дивизии.

Такой способ распределения артиллерии опять годится лишь для французов, но не для румын. Французская дивизия при наступлении занимает полосу 3—4 *км*, румынская—6—8 *км*. Учитывая это положение, румынские военспецы высказываются за включение артиллерии в состав авангарда, а именно: придавать авангарду главной колонны — один дивизион, авангарду второй колонны — одну батарею. Эта артиллерия дивизии не должна при наступательном марше оставаться в подчинении командира артиллерийской бригады, а должна подчиняться начальникам авангардов.

Согласно французским уставам артиллерия пех. дивизии в бою разделяется на „группы непосредственной поддержки“ и „группы общего назначения“. Все группы остаются в руках командира артбригады, который управляет всей артиллерией дивизии.

В этом вопросе румыны также хотят освободиться от французского шаблона. Они говорят: что̀ для французской дивизии, при 3—4 *км* ширины участка, возможно и целесообразно, то невозможно и нецелесообразно для румын. Румынская дивизия получает, обыкновенно, участок 6—8 *км*, в известных условиях даже 10—14 *км*; кроме того, необходимо иметь в виду, что предельная дальность румынской артиллерии меньше дальности французской артиллерии.

Централизованное управление огнем всей артиллерии дивизии невозможно также и потому, что румынам не достает средств связи, без которых централизованное управление неосуществимо. Отсюда румыны делают вывод о необходимости децентрализации управления артиллерией. Французы осуществляют централизацию, благодаря возможности маневра огнем; румыны же должны маневрировать материальной частью.

Вывод — нужна подвижная, децентрализованная артиллерия.

Ночные марши. Контр-удары. Газовая война.

Жалуются румыны еще на то, что французский устав не дает никаких отправных данных относительно ночных маршей. Румынам нужны ночные марши для внезапного появления перед противником и для лучшей защиты от неприятельской авиации.

Румыны утверждают, что в мировую войну ими достигались тактические успехи, преимущественно, благодаря контр-ударам, предпринимаемым ими в момент, когда наступающий противник, нацелив свои силы, уже подходил к румынской оборонительной позиции. Высказывается пожелание, чтобы вопрос о применении такого рода контр-ударов был подробнее освещен в будущем румынском уставе.

Учитывая условия маневренной войны, румыны предполагают, что газобалонные атаки на румынском театре вряд ли могут иметь место; зато широкое применение найдет стрельба химснарядами.

Организация службы тыла.

Французская служба тыла построена на основе позиционной войны, применительно к условиям страны, богатой дорогами и средствами транспорта. Эти наставления совсем не пригодны для румынских условий. В отношении и службы снабжения и подвоза румыны окончательно эмансипировались от французских шаблонов.

Румынская организация службы тыла разработана одним офицером генерального штаба бывшей австро-венгерской армии. Этот офицер, руководя этапной службой во время мировой войны в Австро-Венгрии, собрал ценный опыт и изложил его в румынском наставлении об организации снабжения. Систематизированный опыт австро-венгерской армии вполне пригоден для Румынии, ибо театры военных действий Румынии и бывшей Австро-Венгрии одинаковы.

Румынская армия переживает период борьбы за свою собственную военную доктрину, в основе своей противоположную французской. Несомненно, что эта борьба завершится значительным изменением в господствовавших ранее оперативных и тактических взглядах румынского командования, отчего армия только выиграет.

ПАУЛУС

ОПЕРАТИВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ФИНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

(Применительно к войне с СССР)

ФИНСКАЯ военная литература весьма бедна материалами, по которым можно было бы выявить оперативные взгляды, господствующие среди финского командования. Из таких материалов наибольшего внимания заслуживает небольшой труд бывшего начальника финского генерального штаба ген. Энкеля, в котором он пытается выявить стратегическую доктрину малого государства [1]). Хотя этот труд и не является официальным изложением финской оперативной мысли, но, сравнивая его с официальным введением к проекту реорганизации обороны Финляндии, мы можем найти очень много общего между ними, и в основных вопросах оба источника друг от друга не отличаются.

Все это, вместе взятое, дает право считать, что основные положения упомянутого труда усвоены финским командованием. Поэтому изложение этих взглядов представляет для нас некоторый интерес.

Общие положения.

Назначение стратегии — разрешение тех задач, которые ей ставит политика. Задачи же могут быть по своему характеру или позитивные, или негативные. В первом случае стратегии поручается сломить волю противника, подавить его сопротивление и добиться для себя того выгодного положения, при котором политическое руководство может диктовать противнику свои условия. Во втором случае стратегии поручается только лишь препятствовать неприятелю добиться упомянутого выше выгодного положения. Решающими факторами, обусловливающими принятие того или иного характера действий стратегии, являются политическая обстановка и соотношение сил при данной обстановке. Эти факторы составляют основу, на которой строится план войны, на основании которого военное командование, в свою очередь, составляет план операций.

Важнейшей частью плана операций является план стратегического маневра, основой которого служит изучение театра военных действий и особенностей противника. Путем сравнения различных операционных направлений определяются важнейшие для себя и противника на-

---

1) Труд этот вышел в 1925 г. под названием „Проблема обороны малых государств"

правления, при чем, одновременно с этим, исследование железнодорожной сети противника, расположения, числа и длины его разгрузочных платформ, сети грунтовых дорог, расположения и величины складов, а также изучение его стратегической доктрины даст ценное указание на вероятные операционные направления противника. Вторым моментом составления плана стратегического маневра является изучение соотношения сил и времени, потребного для выполнения маневра как со своей стороны, так и со стороны противника, ибо „масса и быстрота являются основами стратегического маневра и стратегическая операция основывается на том, чтобы по истечении определенного времени в распоряжении данной стороны была бо́льшая масса против важного для прот... ..ка пункта".

Значение массы особенно выявляется и должно быть принято во внимание при распределении сил на главнейшие и второстепенные операционные направления. „Это означает, что на главнейшем операционном участке или направлении должны быть сосредоточены все то количество сил, какое может там действовать. Если в распоряжении командования нет такого количества сил, то на второстепенных участках должно быть поставлено минимальное количество войск, остальные — на важнейшем участке, где будет решаться участь войны и страны; эти максимальные силы, как только противник начнет чувствовать давление стратегического маневра, должны быть еще увеличены за счет сил второстепенных участков".

Общее положение, что активность является лучшим видом стратегического маневра, приемлемо только при условии благоприятного соотношения сил и времени. Значение силы в данном вопросе играет решающую роль, и сочетание соотношения трех основных факторов силы: воли начальника, моральной силы войск и материального обеспечения, — в сильной степени влияет на характер стратегического маневра. Для той стороны, которая во всех или только в материальном отношении уступает противнику, наилучший способ — это выигрыш времени, или, другими словами, стратегическая оборона с последующими активными действиями. Но и это допустимо только в известных пределах, так как сильное преимущество противника в материальном отношении может привести к поражению или в период обороны, или же в момент перехода к активным действиям. В этом случае единственное спасение для слабого — это использовать фактор времени, другими словами, — взять инициативу и на каком-либо важном участке превосходными силами разбить значительную часть противника, пока он не успеет на этом участке устранить неблагоприятное для него соотношение сил".

Следовательно, при одинаковых условиях операционных направлений, более слабый в материальном отношении противник может избрать или стратегическое наступление, или стратегическую оборону

с последующими активными действиями. Первый случай может быть при условии преимущества во времени, воле и моральном состоянии второй случай (оборона) — при противоположных условиях соотношения сил. „Сильно уступающая в материальном отношении сторона не может выбирать, она должна наступать. Наступление может быть удачно, если она имеет преимущество во времени, и к тому же имеет значительную волю и моральную силу. В противном случае она потерпит неудачу".

Характер операций.

С точки зрения финского командования, военно-политическое положение Финляндии складывается таким образом, что наиболее вероятным и даже единственным противником является СССР, во много раз превосходящий Финляндию своей мощностью. При рассмотрении вопроса, какая же стратегическая доктрина более подходит к Финляндии, необходимо отбросить тот случай, когда Финляндия будет вести войну в союзе с какой-нибудь державой, которая или равна, или сильнее СССР, так как никакой особой доктрины в этом случае не понадобится. Поэтому необходимо взять тот случай, когда Финляндия или одна будет бороться против СССР, или даже в союза с другой великой державой, но помощь которой на некоторое время запоздает, и Финляндии первое время придется воевать одной.

Конечно, в этом случае военному командованию не может быть поставлена цель сокрушения противника. Цель должна быть ограничена отражением противника до тех пор, пока не прибудет помощь извне, не подвергая вместе с тем свои силы опасности разгрома. Поэтому при составлении плана войны должны быть учтены как внешние силы, которые могут своей помощью обеспечить страну, так и те силы, которые найдутся внутри страны, и время их прибытия.

Составление плана операций для такой малой страны, как Финляндия, представляет значительные затруднения, так как командование должно привести в равновесие два основных противоречия: с одной стороны, не дать противнику захватить некоторые важные пункты или районы, из которых первые могут быть вблизи границы, а вторые иметь весьма значительную глубину, с другой стороны — сохранить свои живые силы, пока не поспеет помощь извне или не подоспеют новые формирования из тыла. В то время, как первое условие требует не уклоняться от решающих боев, второе условие требует как-раз обратного. Кроме того, экономическое состояние страны влекущее за собой необходимость содержать в мирное время весьма незначительные кадры войск, короткий срок службы, слабая военная промышленность, — все это ставит Финляндию в такое положение, что в начале войны довольно продолжительное время, возможно несколько месяцев, соотношение сил будет в пользу противника.

Что же финны в данном случае выбирают: стратегическую оборону или наступление? Исходя из указанных выше соображений, стратегическая оборона в двух ее формах — оборона с последующим переходом в наступление и стратегическое отступление — одинаково невыгодна. В первом случае слабая сторона подвергается значительной опасности быть разбитой, а второй случай кроме невыгодного соотношения между выигрышем времени и потерей пространства, является мерой временной и только затрудняющей положение более слабого. Кроме того, стратегическая оборона вообще подвергает тяжелому испытанию моральные силы войск и страны. Поэтому остается последнее — стратегическое наступление.

Вполне ясно, что противник, обладающий численным превосходством, поведет стратегическое наступление на всем протяжении границы. Если слабая сторона разбросает равномерно свои силы вдоль всей границы, впоследствием, естественно, явится прорыв центра с обходом одного или обоих флангов; если же слабая сторона держит свои силы сосредоточенно, но пассивно, логическим следствием явится сперва стратегическое, а затем и тактическое окружение. В случае, если слабая сторона атакует центр противника, то он может перейти на этом участке к обороне и даже частичному отступлению, одновременно обходя фланги наступающего. Наконец, если слабая сторона поведет наступление на один из флангов, противник может, обороняясь в центре, резервами охватить один или оба фланга наступающего. Но все эти выгоды для противника находятся в прямой зависимости от длины границы и условий местности по обе стороны ее. Наиболее невыгодными являются случаи, когда при длинной границе имеется только несколько удаленных друг от друга проходов или когда граница коротка и при этом идет вдоль естественных препятствий и преград.

Следовательно, при выгодных для противника условиях местности (т.-е. длинная и всюду доступная граница), слабая сторона ни в коем случае не должна разбрасывать свои силы вдоль границы, но и не должна, сосредоточив их, держаться пассивно. Она должна перейти в наступление. Здесь она должна использовать затруднения противника — медленность сосредоточения сил на длинном фронте к одному из флангов. **Внезапный удар сильным кулаком по одному из флангов — наилучший образ действий слабой стороны.** Для этого необходимо выполнение трех основных условий: во-первых, наступающие части должны быть настолько сильны, чтобы противник и его ближайшие резервы данного участка не смогли нейтрализовать наступающего и, воспользовавшись этим, продолжать вести наступление остальными силами; во-вторых, расчет времени должен быть таков, чтобы успеть разбить неприятеля прежде, чем он успеет резервами восстановить равновесие сил на данном участке; в-третьих, удар дол-

жен быть так нацелен, чтобы неприятель своим наступлением не свел его к удару по пустому месту, поэтому наступление должно вестись по флангу и по тылам противника одновременно. В случае успеха этот маневр может иметь настолько решающее значение, что противник будет вынужден приостановить на долгое время свое наступление и, таким образом, предоставить слабой стороне столь необходимый ей выигрыш времени.

При условии, что местность по обе стороны границы не везде доступна для войск, в значительной степени затрудняется для противника использование его материального превосходства и тем сильнее, чем реже проходы между естественными препятствиями (граница севернее Ладожского озера). Наиболее беспомощен противник будет в тот момент, когда его силы втянутся в эти проходы, чем и должна воспользоваться более слабая сторона. Способ действий — поочередно разбивать раз'единенные колонны противника, выбирая из них наиболее опасную в данный момент. Другими словами — маневр по внутренним операционным линиям, чтобы подвижностью восполнить недостаток материальных сил.

Третий случай, когда протяжение границы настолько мало или пограничная полоса обладает такими свойствами местности, что для слабой стороны оборона ее не представляет никаких затруднений (Карельский перешеек). Здесь слабая сторона, если она упреждает противника в сосредоточении, может вполне свободно вторгнуться на территорию противника, чтобы затем, по выполнении задачи, отойти обратно за границу. В противном случае наиболее выгодной формой ведения войны будет стратегическая оборона с последующим переходом в наступление.

Итак, как видно из вышеуказанного, характер войны слабого государства против сильного противника выльется, за некоторым исключением, в стратегическое наступление, форма которого будет зависет от обстановки.

Все это требует наличия двух основных условий: способности быстрого маневрирования и наличия достаточно сильной маневренной группы. Первое их этих условий опирается на хорошо развитый железнодожный или автомобильный транспорт. Экономически Финляндия может опереться, главным образом, на железнодорожный транспорт. Автомобильный же транспорт будет служить только как бы продолжением железнодорожного, примерно, на 100—150 км от железнодорожной станции. Это зависит не столько от наличия автотранспорта (автомобилей в стране свыше 26 000), сколько от сети грунтовых дорог. Второе условие требует для слабой стороны крайней экономии

в распределении средств на второстепенном участке фронта. Вспомогательными средствами здесь являются: 1) инженерная техника, имеющая целью усилить сопротивление обороняющегося или задержать наступающего противника путем различных препятствий на его пути или расстройства его тыла; 2) партизанская война в самом широком об'еме. Целью последней является внесение беспорядка и смятения в тылу противника. В соединении с авиацией партизанская война явится наилучшим видом пассивного инженерного искусства при действии по тылам противника.

Активная инженерная техника является самым ценным союзником слабой стороны в ее борьбе с более могущественным противником. Прибегать к этому средству можно только постольку, поскольку оно обеспечивает успех предпринимаемого маневра или служит укрытием в случае неудачи. Главной задачей является обеспечение сосредоточения и оперативного развертывания армии вблизи границы. Не имея в мирное достаточно сильных частей прикрытия, финны вынуждены соорудить укрепленную полосу или на самой границе (в 6—8 км от нее), или на некотором расстоянии от нее, или в обоих указанных местах, в зависимости от плана развертывания. Назначение этой полосы состоит в том, чтобы быть районом, где развернувшаяся армия встретит противника, или исходным пунктом для начала стратегического маневра, или же щитом, за которым армия будет собираться в случае постигшей ее неудачи. Построенная финнами на Карельском перешейке укрепленная полоса имеет как-раз первые два назначения. Второй задачей является, в виду сравнительной малочисленности финской армии, предоставление возможности собирать с второстепенных участков фронта войска для нанесения в другом пункте удара противнику.

Партизанская война, как и инженерная техника, имеет целью задержать продвижение крупных неприятельских сил, но только при условии широкого размаха партизанских действий. Финны предполагают использовать партизанские действия в двух направлениях: 1) для расстройства мобилизации и сосредоточения неприятельской армии на участках, где население настроено к ним (группам) дружелюбно, и 2) для действия по тылам противника на тех участках, где его коммуникационные линии редки и длинны и проходят по лесистым малонаселенным районам.

Прикрытие операции.

Всякая операция, особенно в тех условиях, в каких предполагают действовать финны, требует особенно тщательной скрытности и быстроты. Принцип внезапности требует, кроме скрытности и быстроты, еще сосредоточения войск для маневра возможно ближе к пункту намеченного удара. Отсюда весьма важное значение прикрытия подго-

товки операции. Прикрытие в основном распадается на два вида: 1) в начале войны (прикрытие мобилизации и сосредоточения армии) и 2) во время войны.

В первом случае, в виду особых условий, в которых находится малое государство, основные особенности прикрытия будут заключаться в следующем: 1) задачами частей прикрытия является осведомление командования о передвижениях противника, его группировке и задержание его, не подвергая себя опасности уничтожения; 2) мобилизованные части ни в коем случае не должны употребляться для усиления отступающих частей прикрытия и 3) прикрытие сосредоточения должно основываться на удалении от противника.

В случае небольшого протяжения границы, все части прикрытия занимают заблаговременно устроенную укрепленную полосу и здесь отражают появляющиеся неприятельские части. Но можно организовать прикрытие таким образом, что легкие подвижные части (в Финляндии самокатные батальоны и кавбригады) занимают самую границу, а прочие части укрепленную полосу. Как в том, так и другом случае следует всегда иметь в виду, что части прикрытия помощи ни откуда не получат, и поэтому во избежение всяких случайностей всегда необходимо район сосредоточения выбирать на соответствующем обстановке удалении от границы, не останавливаясь в некоторых случаях перед потерей части территории.

Те же принципы в основном остаются и в том случае, когда приходится прикрывать сосредоточение войск во время войны для какого нибудь маневра. Разница будет только в том, что части прикрытия должны будут упорно оборонять при помощи активной инженерной техники свои позиции. Удаление районов сосредоточения будет зависеть от силы натиска противника и упорства прикрывающих частей

Таковы, в самом сжатом виде, оперативные взгляды финского командования. В основном они сводятся к следующему: 1) Финляндия в СССР видит своего единственного противника, с которым она когда-нибудь неминуемо столкнется; 2) Финляндия не предполагает воевать с нами одна, а в союзе с какой-нибудь великой державой; 3) первое время, в течение нескольких месяцев, она рассчитывает вести войну одна до прибытия помощи извне; 4) характер операций — стратегическое наступление, иногда стратегическая оборона с последующим переходом в наступление; 5) форма операций — действия по внутренним операционным линиям в соединении с инженерной техникой и партизанскими действиями.

К. ПЕТРОВИЧ

МНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛЬСКИХ АВТОРИТЕТОВ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ С СССР

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ количество польских авторов в своих трудах и статьях высказывается о характере будущей войне в условиях нашего западного театра военных действий. Взгляды эти представляют для нас, по вполне понятным причинам, большой интерес. На основании польской военной литературы, в которой разбросаны мнения разных авторов по этому вопросу, можно установить некоторую картину польских взглядов на характер предстоящей войны и операций. В данной статье нами сделана попытка ознакомить читателей с частью наиболее интересных польских взглядов на этот вопрос. Разумеется, статья не охватила всей литературы и не дает исчерпывающей системы польских взглядов. Тем не менее, и эти краткие выдержки, разбитые по отдельным вопросам, дают некоторые представление о работе польской военной мысли в этой области, а потому не лишены интереса для командного состава Красной армии.

Цели войны и характер стратегии.

Прежде всего посмотрим, как поляки смотрят на вопрос о **целях войны** с СССР.

Профессор Домбровский в своем труде „Польша и будущая война"[1]) говорит: „На востоке прочной границей Польши может быть только Днепр или Буг". Карл Поморский[2]), касаясь вопроса а целях войны 1918—1920 гг., говорит, что в Польше цель войны видели в „оттеснении России возможно дальше на восток, за границы 1772 года". Что в Польше сознают невозможность постановки себе более широких задач, можно судить из книги того же автора (К. Поморский), который говорит: „можно разбить русскую армию, но, в виду огромных пространств, почти нет способа парализовать средствами, доступными войне, ее государст[illegible]ат, заставить его капитулировать". Полковник Малышко, касаясь способов осуществления целей польской стратегии, пишет[3]): „Переходить Пинские болота, идя на восток, очень опасно: величайшие вожди за это заплатили поражением".

---

[1]) Книга вышла в Польше в 1923 г.; отзыв о ней дан в польском военном журнале „Bellona", т. IX, книга 1, за 1923 г.

[2]) Это, очевидно, псевдоним какого-то видного польского автора, состоящего в лагере, враждебном Пилсудскому. Книга Поморского „Юзеф Пилсудский как вождь и историк" вышла в начале 1926 г. в Варшаве.

[3]) Полк. Малышко—„О 1920 годе", Варшава 1925 г.

Но, стремясь оттеснить СССР за границу 1772 г., в Польше борются два направления. Одно из них видит в этом увеличение безопасности границ Польши, другое, федералистское, мечтает о создании между Польшей и СССР целого ряда мелких государств, которые бы возглавлялись Польшей. Карл Поморский в своей книге говорит об этом последнем направлении в войне 1918—1920 гг. так: „Правительство представляло так называемое федеративное направление, стремящееся к созданию на землях, бывших у Польши, союза стран во главе с Польшей, как наиболее зрелой в культурном отношении".

Поляки считают СССР и Германию своими основными противниками. Следовательно, план обороны страны должен предусматривать случай борьбы с каждым из противников в отдельности и тот случай, когда придется вести борьбу одновременно. Профессор Домбровский в упомянутой выше книге „Польша и будущая война", исходя из политических и экономических предпосылок, приходит к заключению, что в случае необходимости бороться против СССР и Германии главные силы будут направлены против Германии, а против СССР „будет вестись лишь наблюдение, задерживающее марш противника". В самом деле, столица Польши — Варшава — находится ближе к Германии, чем к СССР, к Германии близко прилегают районы, важные в экономическом и военном отношении, да, кроме того, из Германии к Польше подходит втрое больше железнодорожных путей, чем из СССР, а также много хороших грунтовых путей, весьма удобных для переброски войск и военных грузов. Вследствие этого, конечно, в первый период войны Германия явится более опасным противником Польши, чем СССР.

Остальные соседи Польши или отделены от нее трудно преодолимыми перпятствиями, или не представляют собою опасного противника, или находятся с нею в дружественных отношениях. Польша, учитывая свои экономические и политические преимущества, старается себя обеспечить союзными договорами, соглашениями и военными конвенциями для того, чтобы не попасть в условия борьбы при невыгодном для себя соотношении сил.

Генерал Фалевич, рассуждая о задачах польской стратегии, утверждает [1]): „Наиважнейшей задачей умной стратегии является ведение войны, во чтобы то ни стало, за границами своей страны". Профессор Домбровский в цитированном выше труде говорит по этому поводу следующее: „Развязка в войне Польши с Россией должна наступить у Березины или Днепра, или же нужно будет принять бой на своей территории и опять совершить поход на восток".

К этим чертам польской стратегии дабавим еще один штрих, который мы находим у майора генштаба польской армии Старжинского[2]).

---

[1]) „Газета Варшавска" № 19, 1925 г.
[2]) „Вневойсковая подготовка вооруженного народа"—„Bellona" за апрель 1927 г.

Последний говорит так: „Используя огромные пространства России, которые затрудняют ей мобилизацию, а также теоретическое разоружение Германии, мы должны решиться в первые дни войны на решающие удары. Чтобы это было возможно, мы должны максимум сил вложить в первый удар".

В заключение о характере польской стратегии приведем мнение виднейшего польского генерала Рыдз-Смиглы [1]): „Наша тактика и стратегия должны иметь отчетливый характер подвижности, предприимчивости и гибкости".

О характере будущей войны, безотносительно к тому, с кем она будет вестись, ген. Ромер полагает: „В начале война будет носить маневренный характер. Там, где местность позволит, как, например, у нас, война будет носить типовой маневренный характер; там, где мало пространства, как на западе, война часто на продолжительное время примет характер позиционной войны". Существенной переоценки роли и значения отдельных родов войск он не предвидит. „Наступление будет,— говорит он,— необходимым условием победы. Истощение противника не приведет к победе. Без наступления нет средств для его истощения. Без наступления сам противник может регулировать степень своего ослабления. Операции будут иметь наступательную тенденцию: военные расходы, во всестороннем понимании, создадут тенденцию к возможно быстрому окончанию войны на своей территории и перенесению ее на территорию противника. Цена проигрыша войны заставит напрягать последние усилия, поэтому война будет, вероятно, продолжительной". Есть основание предполагать, что приведенное мнение генерала Ромера, являющегося одним из виднейших польских авторитетов, отображает взгляды всего руководящего командного состава польской армии.

Направление главного удара.

Переходя к вопросу о выборе **направления главного удара** в 1920 году, мы находим следующие точки зрения на этот вопрос.

Пилсудский в своей книге „1920 год" [2]) пишет: „Начиная в апреле месяце наступление на южном фронте, на Украине, я старательно рассчитывал, каким образом смогу оказать помощь северному фронту в случае, если бы он был атакован". Неизвестный автор книги „Кампания 1920 года при свете правды" (книгу эту приписывают лицу, очень близко стоявшему к генералу Разводовскому, который в 1920 г. был начальником польского генштаба) пишет: „Непонимание главной цели Киевской операции, которая должна была единственно и исклю-

[1]) „Bellona", декабрь 1924 г.
[2]) Ю. Пилсудский —„1920 год". Перевод с польского Петрусевича. Издательство Военный Вестник", Москва, 1926 г.

чительно разгромить все силы противника, находящиеся на правом берегу Днепра, а не оккупировать какие-либо районы, привело к слишком продолжительному ангажированию значительных польских сил в несоответствующем направлении". Карл Поморский говорит по этому же вопросу следующее: „Наступление на Украину, с целью уничтожения неприятельских армий для получения маневренной свободы на севере, было бы вполне правильным и неизбежно вело бы к быстрой победе.

Р. Умястовский, в своем военно-географическом труде [1]), оценивая пространства, лежащие по обе стороны Полесья, указывает на важность операционных направлений: „Через северное пространство лежат пути из Варшавы в Москву и Петербург, дороги, соединяющие столицы государств; через южное — лежат ближайшие пути в питающие черноземные губернии и к Криворожским и Донецким разработкам, а в обратную сторону, в Польшу — в район наибольшей плотности населения страны, в ее район нефти, в тылы страны. Судьбы столиц Польши и России решатся в северном районе, но судьба войны, возможность ее ведения решается на путях к югу от Припяти".

Таким образом, мы видим, что польские военные авторитеты указывают два основных направления для нанесения главного удара.

Трудно определенно сказать, какое направление польское командование выберет для нанесениия главного удара. Надо полагать, что решающее слово по этому вопросу скажет обще-политическая обстановка, о влиянии которой проф. Домбровский говорит: „Внешняя ситуация эволюционно изменяется, в виду этого оперативные планы непостоянны".

При решении вопроса о выборе направления главного удара большое значение имеет оценка географических особенностей различных районов театра. По этому поводу интересными представляются следующие мнения польских авторов.

Р. Умястовский определяет Полесье, как район неблагоприятный для действия крупных войсковых масс. Дальше он говорит: „Недостаток хороших дорог является причиной того, что в Полесье может лучше всего действовать пехота, хорошо снабженная автоматическим оружием и небольшими орудиями на вьюках... Возможность маневра ограничена. Артиллерия постоянно страдает от недостатка наблюдательных пунктов... Движение артиллерии затруднено, тяжелые калибры не могут отходить далеко от жел. дороги... Возможности для действия конницы невелики; лишь во время морозов она имеет более широкое поле для своей работы. Новейшее оружие имеет мало применения. Аэропланы мало увидят сквозь растительный покров; чувствуется

---

[1]) Роман Умястовский — „Военная география Польши и сопредельных стран". Варшава 1924 г. Издание Военно-Научного Издательского Института.

недостаток мест для аэродромов. Танки найдут применение в редких случаях. На Припяти могут применяться мониторы".

Ген. Сикорский, в одной из своих статей [1]), разобрав значение местности к востоку от Польши, говорит: „Ныне, как и в прошлом, Польше нужны на востоке три командующих армиями, действующих самостоятельно на трех различных стратегических фронтах. Полесский участок, по важности второочередной, но как центральный сыграет роль не только, как связывающий северный и южный фронты, но также как наиболее устойчивый и обеспечивающий фланги главных театров боевых действий". И в войне 1918—1920 гг. польское командование искало экономию живой силы в овладении болотистыми пространствами. Так, Пилсудский в своей книге „1920 год" говорит: „Я искал возможности включить в свой фронт самое большое количество болотистых пространств, дающих экономию живой силы при занятии передовой линии и облегчающих увеличение резервов".

Из изложенного можно видеть, что по мнению польских военных авторитетов, наибольший размах получат операции по обе стороны Полесья. Полесье и прочие болотистые пространства рассматриваются как районы, где ослабевает размах операций, за счет чего облегчается возможность увеличения резервов для районов большей активности.

Для выявления последовательности оперативных действий поляков в условиях нашего западного театра военных действий обратимся к рассмотрению плана войны 1920 г., как его себе представлял генерал Пискор, бывший в то время „генеральным ад'ютантом, а значит помощником и наблюдателем творческой работы маршала Пилсудского". План состоял из двух последовательных операций: первая — „это молниеносное нападение и поражение группировки неприятеля на Украине, чем достигалось там на некоторое время спокойствие и возможность извлечения сил на север". Вторая —„предварительная переброска сил, на север, т.-е. перед окончанием концентрации неприятеля, чтобы не допустит там удара сосредоточенных советских армий по слишком кордонно раставленным дивизиям Литовско-Белорусского фронта"[1]).

Так как Пилсудский в своем труде не обмолвился о своем плане действий в 1920 году и так как приведенный выше план, как его себе представлял ген. Пискор, мало расходится с мнением других приближенных Пилсудского, то можно, повидимому, считать, что этот план дает некоторое понятие о последовательности будущих операций на нашем фронте.

[1]) „Полесье, как стратегический узел восточного фронта Польши"—„Bellona" за январь 1924 г., том I, кн. 1.

[2]) Цитируется из книги К. Поморского „Юзеф Пильсудский, как вождь и историк".

Подготовка театра.

Коснемся вопроса о подготовке театра. На первом месте здесь стоят сообщения, в первую очередь жел. дороги.

По данным польской прессы и военной печати видно, что в настоящее время пропускная способность польских жел. дорог значительно усилена. В Польше идет систематическое исправление, обновление и увеличение количества дорог. Относительно использования дорог и средств транспорта мы находим следующие заявления в польской военной печати [1]: „В виду слабо развитой жел.-дорожной сети и большого протяжения фронтов, автомобильный транспорт будет иметь и у нас большое применение и может оказать колоссальные услуги". Там же у этого автора говорится: „На восточном фронте автомобильный транспорт будет иметь две главные задачи: а) дополнение или замена жел. дор. транспорта, так как известно, что жел.-дорожная сеть здесь мало развита. Нужно, однако, помнить, что малое количество хороших дорог не всегда позволит использовать нормальный автомобильный транспорт; б) мы будем вынуждены в большом масштабе пользоваться автомобильными колонами для перевозки войск на поле боя, даже в том случае, если бы неприятель не пользовался этим видом транспорта, так как никогда не будем иметь возможности располагать столь многочисленной конницей как большевики; в виду этого вытекает необходимость усиления нашей конницы придачей к ней подвижных отрядов. В первую очередь это будут отряды бронированных автомобилей (или легких современных танков), а затем пехота с тяжелыми пулеметами и, вероятно, артиллерия на автомобилях".

Касаясь обеспечения тех направлений, где поляки не хотели бы вести активных действий и где нет трудно преодолимых естественных преград, интересно остановиться на следующих мнениях. Ген. Ромер по этому вопросу говорит так: „Прикрывающие войска будут пользоваться не только укреплениями, но и препятствиями в виде искусственных разливов вод (для чего в некоторых местах страны имеем благоприятные условия), а также отравлением местности О. В". Другие военные авторы предлагают усиление обороноспособности лесов. Лес, покрывающий огромные пространства в пограничной полосе, предлагается использовать для оборудования пассивных участков театра военных действий. Так, капитан польской службы Стеблевский[2]) рекомендует в приграничных лесах для прикрытия мобилизации и оборонительных действий иметь пулеметные блокгаузы на расстоянии 3—4 км один от другого.

---

[1]) „Bellona", январь 1927 г. Капитан Савчук — „Использование автомобильных колонн для перевозки сражающихся частей".
[2]) „Bellona", июль 1924 г. Статья „Лесные форты".

Другие авторы [1]) рассматривают все леса с точки зрения их удобства для обороны. Удобными для обороны считаются: а) все леса, лежащие на западных берегах рек и речных долин, идущих с севера на юг; б) леса у дорог; в) леса, могущие прикрыть тыл выгодных оборонительных рубежей и т. п. Некоторые авторы рекомендуют издать особый закон, который бы предусматривал, по согласованию с соответствующими ведомствами, разведение и поддержание лесов, признанных полезными для оборонительных действий, и уничтожение лесов, вредных для хода оборонительных действий.

В заключение отметим, что польские военные уставы пропитаны наступательным духом. Польский полевой устав (1926 г.), равно как и „Временная инструкция по полевой службе артиллерии" (1925 г.), говорят о маневренном характере предстоящих операций и о необходимости всемерно развивать активность войск.

В частности очень интересны мнения об использовании и характере действий конницы, которой отводится большая роль и для которой как устав, так и военная литература рекомендуют максимальную инициативу и смелость.

---

1) Ген. Неселовский в статье „Вопросы долговременной фортификации („Bellona", апрель 1927 г.) и кап. Василевский в статье „Охрана лесов с военной точки зрения". (там же, май 1927 г.).

В. ТРИАНДАФИЛЛОВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЗАДАЧИ НА ШТАБНУЮ ВОЕННУЮ ИГРУ

НИЖЕ помещены материалы (задание, вводные данные, перечень работ и календарь руководителя) на штабную военную игру, которая проводилась 18 октября в Штабе РККА.

Учебные цели игры указаны в самом задании.

Особенности организации игры:

Руководитель занятия одновременно выполнял и обязанности наштадива. Поскольку учебной целью ставилась тренировка отделов штаба дивизии, такое совмещение обязанностей руководителя и наштадива совершенно правильно и себя оправдало. Руководитель может непосредственно учить отделы штаба, не разбрасывая своего внимания и на наштадива.

Следующий этап игры — играет и наштадив.

Руководитель одновременно выполняет и роль комдива.

На этой игре были представлены все отделы штадива. Руководство такой игрой очень сложно.

Для войсковых штабов можно начать или с тренировки каждой части отделения штаба дивизии отдельно, или сначала оперативной части и разведывательного отделения, а потом к ним прибавить и связь.

Отделение по устройству тыла нужно тренировать и на такого рода играх (совместно с другими отделениями штадива, как это сделано на предлагаемой игре), но большею частью его надо связывать со службами и поэтому оно должно участвовать, главным образом, на тыловых военных играх.

Предлагаемый материал надо рассматривать, как примерный. Он поможет войсковым работникам разобраться в методе организации игры, в характере руководства игрой, в масштабе той подготовительной работы, которую должен проделать руководитель.

Все руководство осуществлялось одним человеком.

Играли: четыре начальника отделов штаба дивизии и один помощник начальника оперативной части.

Игра длилась 2 часа 30 мин. (с разбором).

ЗАДАНИЕ НА ШТАБНУЮ ВОЕННУЮ ИГРУ

Карта 2 вер. Р. XXXI, л. 22 — 23. Р. XXXII, л. 22 — 23.

I. Красный корпус в составе 1 и 2 стр. див., отходя под давлением превосходных сил синих, с 9 августа обороняет фронт (см. прилагаемую схему): 1-й дивизией — Климентовичи (8 км сев. м. Шепе-

товка), м. Шепетовка вкл., 2-й дивизией—Городище, Мокеевцы, Четырбоки вкл. Левее на фронте Ленковцы — Губча обороняются части II красного корпуса, имея на правом фланге 3 стр. дивизию.

К утру 11 августа в районе Хролин, Траулин, уроч. Медведовка, х. Малеванка (4 *км* сев.-вост. Хролин) походом и жел. дорогой сосредоточилась 5 стр. дивизия и поступила в распоряжение комкора I.

Расположение частей 1 стр. дивизии.

13 стр. полк с 1 артдивизионом 5 арт. полка и сапротой—Траулин.

14 стр. полк — Хролин.

15 стр. полк с 2 и 3 артдивизионами 5 арт. полка — Третьяки (2 *км* сев. Хролин)—уроч. Медведовка.

Продовольственный транспорт и арт. парки в лесу сев. Хролин.

Див. госпиталь и эвакоотряд — Хролин.

Штадив с ротой связи на сев. окраине Хролин.

К 18 час. 11 августа со всеми частями дивизии и штакором (г. дв. Хролин) — телефонная связь.

К началу игры — нанести на карту (чисто и аккуратно) все данные обстановки.

На занятиях иметь с собой: положенные, согласно „Наставления по полевой службе штабов“, полевые книжки и журнал поденной записи распоряжений.

Начало игры — 15 час., вторник 18 октября, в помещении клуба.

Учебные цели военной игры:

Тренировка отделов штаба дивизии в совместной работе:

а) распределение работы внутри штаба,

б) работа каждого отдела штаба дивизии,

в) совместная работа отделов штаба дивизии.

ВВОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ПЕРВОГО ПОХОДА

1. Для начальника оперативной части:

Комдивам 2,5. Копия: Комкору II, Наштарму 3.

Хролин. 11.8.27. 20 час. 40 мин.

Сегодня после 13 час. противник крупными частями внезапно атаковал наши части на фронте Мокеевцы — Четырбоки — Хутора Сульжинские и отбросил их к востоку. Левофланговые части 2 див. около 16 час. вели бой в районе Мокеевцы — Ленковцы — Белополь.

Для восстановления положения 5-я див. с рассветом 12 августа атакует прорвавшегося на стыке 2 и 3 див. противника в направлении Белополь — Ленковцы — Вербовцы. 2-я див. — левофланговыми частями атакует от Мокеевцы на Четырбоки.

Разграничительные линии: Серединцы — Мокеевцы — Четырбоки — Лещаны, все для 2 дивизии включительно.

Комкор 1 *(подпись)*. Наштакор *(подпись)*.

2. Для начальника отдела по устройству тыла.

„Дивизии может быть предоставлено:

Продовольствие — одна дача утром 13 августа.

Огнеприпасов:

Наименование	Количество	
	Вечером 11 VIII	Вечером 12 VIII
Винт. патронов	200.000	250.000
Снарядов 3″	4.000	5.000
Снарядов 48‴	800	1.200

Нач. отдела по устройству тыла штаба корп. NN".

СВЕДЕНИЯ

о состоянии носимых и возимых запасов продовольствия и огнеприпасов в частях 3-й стрелковой дивизии.

Наименование частей	Продов.			Снаряды				Винт. патроны						
				На батарее		В парке			Возимые запасы					
									В полку			В див. парке		
	Носим. запас	Воз. в полку	В див. трансп.	3″	48‴	3″	48‴	Носим. запас.	На винтовку	На станк. пул.	На ручн. пул.	На винтовку	На станк. пул.	На ручн. пул.
13-й стр. полк .	1	1	—	120	—	—	—	120	40	2000	800	—	—	—
14-й „ „ .	2	1	—	150	—	—	—	120	60	2500	1000	—	—	—
15-й „ „ .	1	1	—	110	—	—	—	120	80	2200	850	—	—	—
Артполк.	2	2	—	160	84	48 [1])	30	—	—	—	—	—	—	—
Див. руж.-пул. парк.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	4000	2000
Див. продтрансп. .	—	—	1½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ВВОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ВТОРОГО ХОДА.

1. Для оперативной части.

а) От делегата в штадив 2 (в 22 часа по телефону через штакор).

„Последние сведения такие:

Противник в 16 ч. 20 м. ворвался в Макеевцы с востока и юга. Там идет бой. Результаты неизвестны. На помощь 5 полку посланы

[1]) Считая и полковые дивизионы.

2 роты 4 полка, которые находились у фл., что 1 *км* северо-западнее Серединцы.

Штаб дивизии собирался переходить Белокриничи.

Белополь горит. Серединцы обстреливались тяжелой артиллерией со стороны Волковчики.

Из 3 дивизии никаких сведений нет. Штаб 2 дивизии послал раз'езд на Саверцы, но от него сведений нет. У Белополь взяты были пленные 33 пехотного полка. Их теперь в штабе допрашивают.

Что прикажете дальше делать?"

б) В 22 часа 30 мин.— по телефону из штакора.

„Я начоперчасти штакора. Только-что назад вернулся мой помощник из штаба 2 дивизии и доставил следующие сведения о положении дел на левом фланге дивизии. Противник начал артподготовку по району 2-го батальона 5 стр. полка, занимавшего Четырбоки, в 12 ч. 45 м. Одновременно сильный артогонь велся по Мокеевцы, Белополь и Ленковцы. Стреляло до 12 — 15 батарей, из них четыре тяжелых. Артиллерия стреляла из района Пиляи — Нечаевка и Вербовцы и леса, что сев.-зап. этой деревни. Атака началась около 14 часов. Весь 2-й батальон и две роты 3 батальона 5 полка частью уничтожены, частью взяты в плен. В 17 ч. 15 м. противник занимал фл., что в 1 *км* южнее Мокеевцы, и высоты восточнее его. Наши части занимали Белополь. Из района Саверцы сведений нет".

в) Расположение частей 2-й дивизии:

4 полк — Городище — Пашуки — К. Гуска; 5 полк уцелевшими частями — западную и южную окраину Мокеевцы; 6 полк (сильно потерпевший в контр-атаках) — Белополь. Артиллерия — один дивизион в лесу у Городище; остальная в расположении 5 и 6 полков. Сведений о ней нет. Одна батарея артдив. 5 полка попала в плен.

Против 5 полка действовали части 35 и 33 пех. полков противника.

г) Порядок движения полков:

13 стрелковый полк: головной отряд (авангард)—1 пех., 1 пул. роты 1-го батальона и полковой артдивизион — выступил 23 ч. 30 м.

Главные силы в следующем порядке: 2 батальон; 1 и 3 артдивизионы; 3 батальон; 2 рота 1-го батальона — выступили 0 ч. 30 м.

Штаб полка в голове главных сил.

14 стрелковый полк: авангард — 1-й батальон и 1 батарея полкового артдивизиона — время выступления с южной окраины Хролин в 23 часа. Задача: Решневка Косая.

Главные силы: 2 батальон, 2 артдивизион, 3 батальон — 24 часа. Задача: Березна-Татарская.

15 стрелковый полк: авангард — 1-й батальон с южной окраины Третьяки в 23 часа.

Главные силы: 2 батальон, 1 батарея, 3 батальон — с того же пункта в 24 часа.

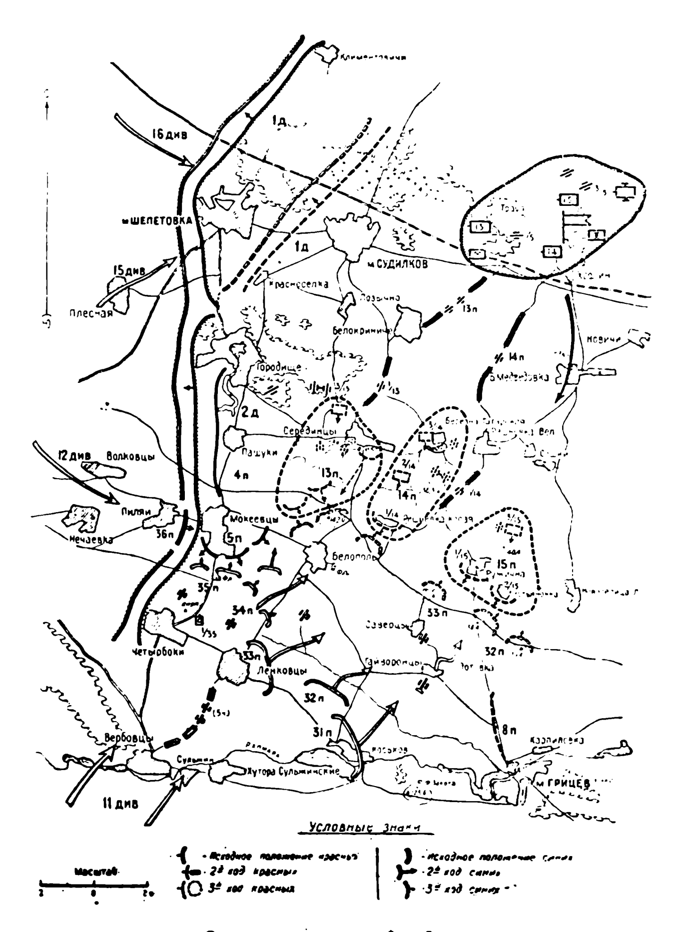


Схема расположения и действий сторон.

2. Для разведывательного отделения.

Из разведывательного отделения штакора.

„До вчерашнего дня перед фронтом корпуса были зарегистрированы 16, 15, и 11 пехотные дивизии противника: 15 и 16 пех. див. действовали на Шепетовском направлении; правый фланг 15-й див. был у Жилинцы; против левого фланга 2 див. до Веребовцы включительно действовала 11 пех. див. противника.

В сегодняшних донесениях 2 див. говорится о том, что в районе Четырбоки действуют части 35 пех. полка противника.

Эти сведения являются неверными, так как 12 див., в состав которой входит этот полк, по сведениям штарма находится на юге.

Вообще все сведения о противнике, которые сегодня поступают из войск, слишком преувеличены.

Наши части просто проспали противника. Они были очень растянуты, стык охранялся слабо и поэтому фронт легко прорван.

Надо полагать, что кроме 11 див. противника в районе Четырбоки—Ленковцы никого нет.

Бой имеет чисто местное значение.

Состав 11 дивизии по данным на 9 августа.

Наименование частей	Офицеров	Рядовых	Легких пулемет.	Тяжелых пулемет.	Орудий	Район действий
31 пех полк	90	2.900	42	33	1	Волковчики-Пилии
32 „	58	2.100	58	28	2	Лес Веребовцы
33 „	62	2.300	54	32	1	Веребовцы (предположительно)
Артполк	50	1.480	—	18	34	Штаб Лещаны

Состав 15 дивизии, примерно, около 11 тыс. людей, 6 тыс. лошадей, 120 ручных и 84 легких пулемета, 153 тяжелых пулемета и 48 орудий, из них 8 тяжелых. Подробных сведений по полкам нет“.

ВВОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ХОДА.

I. Для оперативной части.

а) От командира 13 стр. полка (в 6 час. 05 м. письменно).

„В 4 часа 20 мин. 1-я рота вместе с пул. ротой 1-го батальона сменили на выс. 142,0 части 6-го пех. полка и готовились к наступлению, ожидая подхода наших сил.

В 5 ч. противник перешел в наступление, отбросил наши части на север и занял выс. 142,0.

По донесениям ком. роты 1 крупные силы противника наступали на Решневка Косая, которую они и заняли.

2-й батальон получил задачу наступать через безымянную выс. в $1^1/_2$ *км* южнее Серединцы, на высоту 142,0.

3 батальон задержан в лесу у кирпичного завода.

Там же 1 и 3 артдивизионы.

Полковой артдивизион на позиции: одна батарея у г. дв. Серединцы, другая—в лощине в 1 *км* юго-западнее первой.

Штаб полка выс. 147,0".

б) От командира полка (в 6 час. 05 мин. письменно).

„Распределение артиллерии: 1 и 3 артдив. действуют с 13 стр. полком, 2-й артдив. с 14 стр. полком. Сведений о расположении и действиях артдивизионов не поступало.

По данным полкового артдивизиона 14 стр. полка, имеющего наблюдательный пункт на выс. 136,3 (2 *км* южнее Березна-Татарская), противник крупными силами наступает от выс. 142,0 на Серединцы. Дивизион ведет огонь по этому противнику".

в) От делегата в 3 дивизию (в 6 час. 15 мин—.устно).

„Штаб 3 див. ночевал в м. Грицев.

Положение на участке дивизии. Вчера в 13 час. противник после артиллерийской подготовки атаковал выдвинутые к фл. Стен две роты 7 полка и быстро занял этот фольварк и выс. 135,8. После этого он перешел в атаку более крупными силами, вышел в тыл 8 стр. полка, занимавшего Хутора Сульжинские, и к вечеру занял Коськов.

На ночь полкам поставлена задача:

8 полку занять для обороны Гайворонцы — выс. 125,7 и далее на юг до р. Хомора;

7 полку—ф. Закота, выс. 123,6 и далее до выс. 128,6, что 2 *км* юго-восточнее Коськов.

6 полку—зап. опушку большого леса, что сев.-зап. Губча, до фл. Залесье включительно.

Артиллерия распределена между полками.

Против 8 полка действовали части 11 див. противника, против 7-го—части 13 див. противника.

Командир дивизии ожидал подхода корп. резерва (24 стр. полк), который к 4 часам должен был притти в район Вел. Шкаровка, после чего предполагал перейти в контр-атаку на Коськов.

На обратном пути я встретил 3 батальон 15 стр. полка, который двигался от фл. Сошки по лощине по направлению на Ружична".

г) От 14 стр. полка (в 6 час. 15 мин. с конным).

„1-й батальон 14 полка в 3 ч. 30 м. сменил в Решневка Косая третий батальон 6 полка и с рассветом начал выдвижение к деревне Белополь с целью ее разведки.

В 5 ч. противник сам перешел в наступление со стороны Белополь и вынудил наши части отойти к Решневка Косая. На южной окраине этой деревни теперь идет бой.

Расположение частей полка: 1-й батальон — Решневка Косая: 2-й батальон—в лощине зап. отм. 124,3—во втором эшелоне; 3-й батальон — на южной окраине Березна-Татарская — в третьем эшелоне.

Полковой артдив. на позиции у Березна-Татарская поддерживает 1 батальон. Наблюдательный пункт — выс. 136,3.

2 артдив. 5 арт. полка становится на позицию юго-зап. Решневка Вел.

У Решневка Косая взят в плен пех. патруль противника в составе 5 человек. Пленные принадлежат к 34 пехотному полку противника. В штаб полка они еще не доставлены.

Противник ведет сильный артогонь из двух батарей из района к северу от Ленковцы и четырех из района Саверцы и хут. в 2 км западнее этой деревни.

Наштаполка N".

д) От делегата, направленного на высоте 142,0 (в 6 ч. 30 м., устно).

„Я был в 5 ч. 30 м. на безымянной высоте, что в 1 км сев.-зап. 142,0. Занимается она стр. и пул. ротой 1 батальона 13 полка. Обе роты вытянулись в тонкую линию и ведут огонь по противнику, занимающему выс. 142,0.

Видно было как со стороны Серединцы по лощине, идущей от г. дв. на юг, двигались части 2 баталиона 13 полка. Наступление шло очень медленно. Командира батальона я нашел на кл. Серединцы. Он не имеет ни с кем связи и ожидал прибытия артиллерийских наблюдателей.

Сильный нажим противник производит от Белополь на Мокеевцы, по которому стреляет из Мокеевцы артиллерия с запада и юга; большое количество раненых идут на Серединцы. Много людей уходит в беспорядке на север. Повидимому 5 полк очищает Мокеевцы".

е) От летчика (вымпел).

„В 5 ч. 10 м.—наблюдал передвижение одной батареи от Ленковцы по дороге на Белополь. Голова на мосту через безымянную речку.

В 5 ч. 30 м.—большая колонна из всех родов войск на всем протяжении дороги между Ленковцы и Вербовцы.

Колона пехоты (в 6 час.) вытягивалась из Коськов по направлению из Гайворонцы. Размеры не проследил.

Батареи на позиции—у Саверцы и у хут. в 1 км сев.-зап. Саверцы.

Большое скопление войск в лощине к северу от Ружична.

У Саверцы и Гайворонцы наши войска отступают".

ж) От командира 15 стр. полка (в 6 ч. 40 м. по телефону).

„В 6 час. 1 батальон выдвигался из южной окраины длинной лощины по направлению на Ружична, 2 баталион от выс. 140,4 на Устьяновка; 3 батальон — у безымянного озера южнее Сошки.

Артдивизион — на позиции в лощине сев. выс. 146,4.

Ружична занимается вторым батал. 6 полка. Батальон понес большие потери и небоеспособен. В Устьяновка сборные части 6 и 8 полков.

В настоящее время ведется огонь артиллерии противника и по Ружична, и по Устьяновка. Обнаружены: одна батарея у хут., что 1½ км сев.-зап. Саверцы, две батареи южнее Саверцы, одна батарея у фл. Гайворонцы и еще одна, тяжелая, южнее Гайворонцы. Ружична и Устьяновка горят.

Связи влево нет".

з) Из Штаба корпуса (в 6 час. 30 мин., мотоциклом).

„Комдиву 5, копия начарткору, начвоенхозснабу, начсанкору и начветкору.

12 августа 1927 г. 6 час. Хролин.

Сегодня в 4 часа противник атаковал части 1 див. у м. Шепетовка и вынудил их к отходу; м. Шепетовка занята противником. Части 1 див. устраиваются на новых позициях в районе м. Судилков—Красноселка.

Комкор приказал сегодня же базирование дивизии перенести на ст. Полонное.

Наштакор N".

Решение Комдива.

а) Ближайшая задача: 13 и 14 стр. полки наступают на 142,0—Белополь; 15 стр. полку подчинить себе части 6 и 8 полков, действующих в районе Ружична, и наступать на Саверцы—Лотовка.

б) Узнать что, будет делать 2 див.

в) Еще раз делегата (или радио) в 3 див.

2. Для разведывательного отделения.

а) От 13 стр. полка. (В 6 ч. 10 м., письменно).

„Сегодня противник занял большими частями Мокеевцы и Белополь. С утра он при поддержке сильной артиллерии атаковал и занял выс. 142,0.

Более подробных сведений не поступало".

б) От раз'езда № 2. (В 6 ч., письменно. Ординарец долго искал опер. часть дивизии).

„12 августа 1927 г. 1 ч. 40 м. Новоселица-Лабунская.

В 1 час я достиг с ядром раз'езда Новоселица-Лабунская. Здесь расположены обозы 8 пех. полка и госпиталь 2 дивизии. Строевых частей нет.

Отправил два конных патруля: один на Ружична и другой на Лотовка. Левый раз'езд достиг деревни Лотовка и нашел ее свободной от противника".

в) От раз'езда № 2. (В 6 ч. 30 м., письменно).

„12 августа 1927 г. 4 ч. Устьяновка.

Ружична занимается двумя ротами 6 пех. полка, командир батальона на выс. 140,4; Устьяновка двумя пулеметными взводами и сап. взводом 8 пех. полка.

Части ни с кем связи не имеют. Патронов нет.

По сведениям командира саперного взвода противник занимает Лотовка и Саверцы. Вчера наступало очень много пехоты, численностью до трех батальонов.

Раз'езд, посланный на Лотовка, вернулся, так как противник встретил его пулеметным огнем.

Я перехожу Новоселица Лабунская и буду разведывать на юг.

Комвзвод №«.

г) От 14 стрелкового полка (в 6 ч. 15 м., письменно).

„Опрошенные в штабе полка трое пленных 5 роты 34 пех. полка противника показали:.

34 пех. полк входит в состав 12 пех. див., которая прибыла походом 9 августа в Изяславль, а 10 выступила на позицию Волковчики—Пиляи, где в ночь на 11 августа сменила части 33 пех полка.

В наступление дивизия перешла днем 11 августа. В первой линии наступал 35 полк, который атаковал Четырбоки. 34 пех. полк находился в резерве. Когда 35 полк занял Четырбоки, нас отправили на дер. Белополь. Наш батальон сегодня ночевал в Белополь.

О других частях дивизии сведений дать не могли.

По их сведениям полк по дороге получил пополнение, и роты имеют 150—180 человек.

Вывод: Устанавливается действие против полка частей 12 пех. дивизии противника, 34 полк которой занимает Белополь.

Наштаполка №«.

д) От 15 стрелкового полка (в 6 ч. 20 м.).

„12 августа 1927 года". 5 ч. 30 м., выс. 140,4.

Войсковая разведка установила, что выс. 137,6 и 138,4 занимаются пехотой и пулеметами противника.

В Саверцы и Лотовка большие пехотные части противника неустановленной численности.

Артнаблюдением установлено: одна батарея (легкая пушечная) у хут., что 1½ *км* сев.-зап. Саверцы, одна (гаубичная) на сев. окраине Саверцы, одна (пушечная легкая) в лесу ½ *км* юго-зап. Саверцы и одна тяжелая пушечная батарея у Гайворонцы.

Наблюдательные пункты на выс. 137,6 и 138,4 (с высоты 140,4 видны стереотрубы).

По сведениям от частей 6 пех. полка, занимавших сегодня Ружична, вчера против них действовал 32 пех. полк противника.

Выводы: В районе Саверцы—Лотовка большое скопление пехоты и артиллерии противника. Предположительно — 32 пехотный полк.

Наштаполка №«.

Разыгрывается	Указания начальника штаба	Р[illegible]			
		Нач. оперативн. части	Нач. развод. [illegible]д.	Нач. связи	Нач. устройства [illegible]
		1-й ХОД			
1. **Подготовка к выступлению дивизии:** а) организация разводки и установление связи с соседями; б) предварительные распоряжения войскам; в) соображения о тыле.	По получении приказа по корпусу начальник штаба приказывает: 1. **Опер. и разв.** а) Связаться со своими соседями и получить информацию. б) Разведка: На Середиицы - Белополь — Лонковцы и на Решиевка Вел.—Ружична—Саверцы—Коськов. 2. **Опер.** Главные силы дивизии к 4 ч. переходят в район Середиицы—Решиевка-Вел. — Решиевка-Косая. Исполнение предварит. распоряжений. 3. **Связь.** К 4 ч. штадив перейдет в Середиицы или Решиевка Вел. К этому времени связь 2 и 3 дивизии со штакором. 4. **Устройство тыла.** Доложить состояние тыла (запас). Предварительные распоряжения тылам. Базироваться на ст. Хролин.	1. Делегатов в штадивы 2 и 3. Более детальная ориентировка у штакора. 2. **Задачи разведке.** а) Кто находится Мосеевцы — Белополь, что делает? б) То же—Саворцы—Гайворонцы. 3. **Расчет.** Когда выступать частям дивизии (около 12 часов). 4. **Забота об артиллерии** (с какой колонной она пойдет). 5. Формулировка предварительных распоряжений. 6. Вызвать делегатов для связи. (Задание нач. связи).	1. Организация разведки на Белополь, на Коськов. (командирские разъезды). Расчет, когда и где можно получить первые донесения. 2. Ориентировка у штакора (разв.). 3. Какая завтра будет авиационная разведка (у штакора).	1. Как связаться с разъездами (обеспечение своевремен. получения от них донесений). 2. Задания на устройство связи с соседями. Расчет, когда будет готово. 3. Распоряжения о выступлении роты связи.	1. Как пополнить к началу боя огнеприпасы в 13 и 14 п.п. 2. Общая схема организации тыла на 12 августа. 3. Предварительные распоряжения. Надо иметь на 12 августа огнеприпасов: Части / Винт. п. / На станк. пул. / На 3" оруд. / На 48" оруд. 13 полк / 150 т. / 10 т. / 212 / 150 14 полк / 150 „ / 10 „ / 212 / 150 15 полк / 120 „ / 8 „ / 190 / 90 На 13 и 14 авг. — 75% и 50% этой нормы.

Разыгрывается	Указания начальника штаба	РАБОТА			
		Нач. оперативн. части	Нач. развед.	Нач. связи	Нач. устройства тыла
2-й ХОД					
Получение первых сведений об обстановке (по штабной линии и через делегатов), изучение и доклад их. **Окончательное решение.** **Отдача распоряжений.**	**Решение. 23 ч. 20 м** **13 стр. полк двумя арт. див. на Серодинцы.** **14 стр. полк с 1 арт. див. на Березна Татарская.** **15 стр. полк на Решневка Вол — Ружичпа.** **13 и 14 полкам к 5 ч. быть готовыми перейти в наступление: одному от выс. 142,0, а другому от Решеневка Косая на Белополь.** **15 стр. полк обеспечивает это наступление со стороны Саверцы.**	**22 ч. 40 м. Ориентировка из штакора о положении на фронте к 18 ч.** **(Бой на южной окр. Мокеевцы, и юго-зап. Белополь, от 3 див. сведений нет).** **22 ч. 50 м. От делегата из 2 див. по телефону через штакор.** **(Мокеевцы удерживаются. Белополь очищен. Что собирается делать 2 див? Что прикажете дальше делать?)** **Сведений от 3 див. нет.** **Разработать совместно с нач. связи — схему связи.** **Разведка.** **Организовать дополнительную разведку. Установить, в каком порядке двигаются полки (по-**	**1. Изучение сведений о противнике.** **а) Дополнительная информация от штакора.** **б) Разведывательные сведения из общей ориентировки делегата во 2 див.** **2. Организация дополнительной разведки.** **а) Характер действий противника.** **б) Новый разъезд (командирский) на Поповелица — Лабунская выс. 138,4 и 139, 4.**	**1. Как помочь розыску штадива 3 (радио).** **2. Схема связи на 12 августа. Расчет средств.** **3. Распоряжения.**	**1. Общая схема организации тыла.** **3. Распоряжения.**

3-й ХОД

Завязка боя. 1. Изучение данных обстановки. 2. Доклад начальнику штаба.		**Получает:** 6 ч. 05 м. сводку от 13 стр. полка, 6 ч. 05 м. сводку арт. полка. 6 ч. 10 м. сводку от 14 стр. полка, 6 ч. 10 м. донес. от делегата 3 див. 6 ч. 15 м. вернулся делегат от выс. 142,0. 6 ч. 20 м. сводку от 15 стр. полка, 6 ч. 20 м. донесение от авиации (вымпел). 6 ч. 30 м. приказание из штакора о перемене базирования.	**Получают:** 6 ч. 05 м. сводку от 13 стр. полка, 6 ч. 05 м. донесение от разв. отр. № 2. 6 ч. 10 м. донесение от разв. отр. № 2, 6 ч. 10 м. сводка 14 стр. полка. 6 ч. 15 м. информации от нач. разведки 2 див.	**Сведения, где будет командный пункт.** *Дополнительная связь.*	Приказание о перемене станции базирования.
		Выполняет: а) Доклад начальнику штаба. б) Предложения о действиях войск.	**Выпо:** : а) Доклад начальнику штаба. б) Предложение о дополнительной разведке.	**Выполняет:** а) Схему дополнит. связи с ком. пунктом. б) Связь со ст. Полонное.	**Выпо:** а) Расчет и порядок перемены базирования на ст. Полонное.

КАЛЕНДАРЬ РУКОВОДИТЕЛЯ.

I ХОД — по игре 21 час 11 августа.

1. Вручить приказ корпусу. На указания начальника штаба: оперативной части отделениям: разведывательному по устройству тыла связи . . .	5 минут
2. Работа отделов штаба: Оперчасть и развед. отделение.	
а) Обдумывание задач оперчастью и разведотделением	5 минут
б) Совместный доклад их начальнику штаба	5—8 "
в) Распоряжения: предварительные по телефону . . . вызов делегатов от полков указания делегатам (устно) . . . . распоряжения по разведке (письменно)	10—15 минут
Итого . .	20—30 минут
Выслушать начальника отделения связи. а) Когда и куда выступит рота связи б) Какие работы начать немедленно . . . . в) Где центральная дивизия . . . . Выслушать начальника отделения по устройству тыла. а) Сколько имеется всего продовольствия . . . . б) Сколько имеется на единицу оружия огнеприпасов . . . . . в) Сколько огнеприпасов может быть подано в продолжении 12 августа (Хватит ли этого? Сколько нужно?) . . . . . г) Схему тыла — разработать и доложить	15 минут
Выслушать распоряжения. а) Н-ка разведыват. отделения . . . . б) Н-ка по устройству тыла (оба при н-ке опер. части)	5 минут
Всего . . .	50—60 минут

II ХОД — по игре 22 часа 11 августа.

1. Вручить: первую вводную данную опер. части	22 ч. 5 мин.
вторую " " " "	22 " 15 "
одну вводную данную развед. отд.	22 " 15 "
то же н-ку отделения по устройству тыла	22 " 15 "
На обдумывание и нанесение на карту новых данных	5 "
Доклады: Начоперчасти . . . . Н-ка развед. отделения	10 мин.
Спорные вопросы: Мокеевцы заняты или нет? Силы противника (есть ли 12 дивиз. или нет?) Правилен ли состав 11 дивизии? Правилен ли состав 25 дивизии?	
2. Решение комдива	5 минут

Отдача распоряжений (устно делегатам от полков):

а) Ориентировка.

б) Задача дивизии.

в) Состав колонн, время выступления, полосы движения, задача ближайшая, дальнейшая.

г) Куда переходит штаб дивизии.

3. Работа:

Оперативной части: а) проверить, как и в каком порядке выступают полки (править ошибки 13 стр. полка);

б) проверить совместно с н-ком отделения связи схему связи.

Разведывательного отделения: а) проверить, где передовые части противника,

б) проверить насчет д. Моксевцы.

Просмотреть самому схему связи.

Просмотреть и дать указания по схеме тыла.

Всего . . . 40—50 минут

III ХОД.— по игре 7 часов 12 августа.

1. Последовательно вручить начоперчасти и н-ку развед. отделения заготовленные вводные данные о ходе боевых действий и о противнике.

Обсудить: а) Какой противник против дивизии.

б) Какая его группировка.

в) Какие точно пункты он занимает (перекрестное вручение документов, расчет времени).

г) Что надо выправить в действиях своих войск.

д) Окончательное решение на атаку (высота 142,0 и Белополь).

е) Мероприятия по связи в соответствии с дальнейшим ходом боя.

ж) Распоряжения о дополнительной разведке.

2. Вручить приказ о перемене базирования (в начале хода).

Выслушать доклад начальника устройства тыла о перегруппировке тылов.

Дать указания н-ку отд. устройства тыла.

Выслушать его распоряжения.

Всего . . 40 минут

3. Разбор.

М. БОНЧ-БРУЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Можно считать крупным достижением, если удастся в каждой войне не повторять ошибок предшествующих войн, особенно войн недавнего прошлого. Но в переживаемую нами эпоху, начавшуюся после мировой войны 1914—18 гг. и после великих событий 1917—21 гг., этого недостаточно, потому что опыт войны и революции дал такой толчок развитию военного искусства и техники в других странах, что и нам обойтись одним пониманием ошибок прошлого и учетом их для будущего совершенно недостаточно.

Не умаляя важного значения глубокого понимания ошибок прошлого и стремления избегать их в будущем, необходимо для успеха в будущей войне проникнуть в область военного творчества наших вероятных противников, найти в себе творческие силы противостоять всяким новинкам, которые они проявят в будущей войне, и самим творчески поработать над созданием главнейших основ собственного военного искусства и, в частности, над выработкой основ оперативного руководства, разумея под этим руководство действиями крупных сил: армий, групп армий (или, как говорят, — фронтов), вытекающими из плана войны.

Дать себе отчет в этой области необходимо тем более, что в наследство от прошлого остались неустойчивые основы, искажаемые разного рода доктринерами и, до некоторой степени, поколебленные по существу опытом, как мировой войны 1914—18 гг., так и революции 1917 г.

План войны и план операции.

Современная война заключается в борьбе столкнувшихся сторон как в области чисто военной — на театрах военных действий и на полях сражений, так и в областях экономической и политической. Успех войны достижим только при гармоническом сочетании действий и усилий во всех этих трех областях, направленных к единой общей цели войны.

Средствами для достижения цели войны являются все ресурсы государства, вступившего в войну, включая сюда: усилия всего населения, приспособление всего народного хозяйства и промышленности к удовлетворению потребностей войны, финансы и проч.

Борьба армий и групп армий (фронтов) на театрах военных действий, имея в основе достижение цели войны, начинается и

развивается по определенному плану войны, который разрабатывается заблаговременно и охватывает вооруженные действия всей армии данного государства против армий вероятных противников.

План войны включает в себя следующие вопросы:

а) характер предстоящей войны против определенного противника; здесь возможны различные варианты: разные сочетания противников, война наступательная, оборонительная — против одного, против другого противника и проч.;

б) определение сил и средств, необходимых для достижения целей войны по каждому варианту;

в) создание исходного положения, из которого войска должны начать свои действия; иначе говоря, разработка стратегического развертывания главной армии, т. е. главных вооруженных сил государства, а также общие задачи армии прикрытия, назначаемой для действий, обеспечивающих сосредоточение главной армии, — и все это по каждому предусмотренному варианту.

Таким образом, план войны по каждому варианту определяет все подготовительные действия: мобилизацию армии прикрытия и главной армии, формирование стратегического резерва, стратегическое развертывание сил, перевозку войск и военных грузов в соответствии с развертыванием, подготовку театров военных действий в инженерном отношении, пути сообщения, обеспечение армии продовольствием и всякого рода снабжением, а также общую цель (цели) войны, задачи армии прикрытия — в общем виде, замыслы первых операций главной армии на всех театрах военных действий.

Все отделы плана войны должны быть согласованы с государственными органами, которые ведают вопросами экономики и политики — внешней и внутренней. Кроме того, план войны должен быть согласован с результатами изучения вероятных противников, предполагаемых в данном варианте плана, а также со свойствами театров военных действий, намечаемых в плане.

Отсюда ясно, что план войны, а следовательно и вытекающие из него подготовительные действия и распоряжения подлежат постепенным изменениям и дополнениям, в зависимости от перемен тех условий, для которых план разрабатывается.

Итак, в плане войны, среди прочих вопросов, предусматриваются замыслы первых частных операций на каждом театре военных действий или, иначе говоря, основные идеи частных операций с указанием для каждой из них:

какие силы назначаются для исполнения — группа армий, отдельная армия, отдельный корпус, отряд меньшей силы;

развертывание этих сил в исходное положение для начала операции;

основания устройства тыла, без чего никакая операция невозможна;

основания организации снабжения — главным образом, распределение запасов по фронту и в глубину;

общие соображения по подготовке района операции в инженерном отношении;

пути сообщения — их свойства и возможное усовершенствование;

свойства местности в районе операции (военная география и статистика);

свойства вероятных противников и расположение их сил.

Замысел каждой первоначальной частной операции, указываемый планом войны, должен быть увязан с общею целью войны; кроме того, все замыслы частных операций должны быть увязаны между собою тем, чтобы они взаимно дополняли друг друга.

По вступлении в командование силами, назначенными по плану войны для данной первоначальной операции, каждый командующий (армии, группы армий, отдельного корпуса) организует разведку и на основании ее уточняет, как самый замысел операции, так и всякого рода вышеуказанные ориентировочные данные, относящиеся к этому замыслу. На основе этих уточненных данных вырабатывается план операции, в котором выявляется личное военное творчество командующего.

План операции не может носить характера расписания действий на будущее время; он дает подчиненным командирам лишь отправные точки для их действий в соответствии с основным замыслом всей операции и наличною обстановкою, которая к началу операции сложилась в сфере действий каждого из них. Отсюда ясно, что каждый подчиненный командующий и командир имеет полную возможность, а потому и должен проявить всю силу своего военного творчества в пределах поставленной ему задачи и всегда в соответствии с наличною обстановкою, подробно и непрерывно изучаемою каждым из них.

План операции включает следующие вопросы:

а) Точное изложение цели действий оперирующего соединения; цель должна быть выражена реально, т.-е. приурочена к определенному противнику, учитывая его группировку, и к определенной местности, с указанием времени в мере необходимости (например, начало действий, достижение определенных рубежей и проч.).

б) Сведения о противнике: его группировка, численный состав, количество артиллерии по ее видам, авиосилы, свойства командующих и подчиненных им войск и т. п., то-есть все, что известно и характеризует боевую силу противника, а по возможности и ее вероятные действия.

в) Сведения о своих соседних войсках: поставленные им цели действий, их достижения в разведывании и в действиях (если последние уже начались); взаимодействия, на которые соседние войска рассчитывают; насколько возможно, — расчеты времени, относящиеся к действиям соседних войск и проч., что может быть рассчитано по времени.

г) Частные оперативные цели (задачи) частям, непосредственно подчиненным командующему, вытекающие из общей цели действий данного соединения.

После разработки частных целей (задач) всем непосредственно подчиненным частям, командующий должен мысленно и по карте сообразить, приведет ли достижение всех поставленных им частных целей к достижению общей цели действий, выработанной на основании замысла операции. Этот обратный (синтетический) поверочный прием может обнаружить просчеты и даст возможность ввести некоторые поправки в редакцию частных целей.

д) Устройство тыла: разграничительные линии для частей, непосредственно подчиненных командующему; военные дороги; охрана тыла и вообще меры обеспечения тыла от воздействий противника — с суши, с моря, с воздуха; тыловые сооружения укрепления, переправы, дороги и проч.

д) Организация снабжения всем необходимым, понимая под этим не только систему накапливания запасов в войну, но и систему своевременного и распределения с таким расчетом, чтобы каждый красноармеец во-время мог получить все ему положенное.

ж) Всякого рода эвакуация.

з) Санитарная и ветеринарная часть.

и) Всякого рода особые действия, вытекающие из особенностей противника, населения, местности, времени года и проч.

к) Обеспечение исполнения плана операции. Лучшим обеспечением успеха каждой операции является искусное, целесообразное и энергичное его проведение; но тем не менее, всякого рода непредвиденные обстоятельства со стороны противника, местности, времени, внезапных явлений природы, неожиданного воздействия местного населения и проч. могут поставить под сомнение даже отлично задуманную и успешно проводимую операцию. Поэтому командующий должен принять меры оперативного обеспечения операции, не допуская, однако, такой затраты сил и средств на это, которая могла бы ослабить силы и энергию в достижении общей и частных целей операции.

К таким мерам относятся: выделение некоторой части сил в оперативный резерв для решения частных задач, которые невозможно было предусмотреть в плане операции; назначение некоторой части сил только для наблюдения или для действий на флангах (фланге) опера-

рующих сил; в иных случаях — назначение части сил для обеспечения тыла оперирующих сил, меры обеспечения против десанта с моря, во фланг и в тыл; обеспечение со стороны воздействия воздушных и химических сил противника.

Разработанный план операции передается на исполнение соответствующим исполнителям посредством всякого рода распоряжений (директива, приказ, наставление, отдельные распоряжения).

По мере развития операции может измениться как ее общая цель, так и частные цели.

Общая цель может быть изменена или даже поставлена новая высшим командующим, если прежняя цель изжита или сам высший командующий получил новые указания свыше.

Точно так же и частные цели могут изменяться и заменяться новыми, если изменилась или заменилась общая цель операции, или если частная цель достигнута, или изжита иным путем; в последнем случае частный начальник должен задаться новою целью или применить прежнюю цель по собственному п о ч и н у, если нет распоряжения от вышестоящего командующего.

Во время операции ни у одного командующего, ни у одного командира не может быть ни одной минуты, когда он не имел бы ясного представления о цели действий подчиненных ему войск.

В соответствии с изменениями о б щ е й и ч а с т н ы х целей командующий и подчиненные ему начальники (командиры) должны и з м е н я т ь п л а н ы с в о и х д е й с т в и й. Могут быть и такие случаи, когда не только изменится общая цель, но может быть изменен и сам основной замысел операции, из которого вытекает ее общая цель.

Во всех этих случаях, т. е. при выработке новых з а м ы с л о в, новых или измененных ц е л е й, а затем и при разработке плана дальнейшего развития операции, должно быть обращено серьезное внимание на то, чтобы эти процессы не затягивались и чтобы после них оставалось достаточно времени для отдания и передачи войскам распоряжений, для исполнения перегруппировки сил и всех подготовительных действий—до отдания подробных распоряжений войскам, до исполнения ими необходимых передвижений и перегруппировки тылов включительно.

Всегда все командующие и командиры должны твердо помнить, что всякая, даже самая ограниченная, операция и всякое боевое действие состоит из подготовки и исполнения, а также и то, что во многих случаях качества, своевременность и планомерность подготовки заранее определяют те результаты, которые могут быть достигнуты исполнением.

Весьма часто случается, что неудовлетворительная подготовка заранее обрекает на неудачу операцию, как будто и талантливо задуманную.

С другой стороны, слишком медленная, хотя бы и систематическая и глубоко продуманная подготовка также может создать при исполнении операции критическое положение, вследствие опаздывания и потому несвоевременности действий.

Таланты комадующего и каждого подчиненного начальника должны найти здесь золотую середину.

Между прочим, правильно организованная и энергично исполняемая разведка облегчает работу командующего и каждого начальника и в этом отношении.

Из всего высказанного здесь относительно плана операции ясно, что план операции должен быть гибким, живым, способным перерождаться.

Расположение и распределение сил и средств, достигнутое предыдущими действиями, являются исходным положением при разработке нового плана и для дальнейших действий войск.

Исполнители плана операции.

Все цели во время развития операции достигаются об'единенными усилиями всех частей оперирующего соединения и всех родов войск, входящих в них: наземных, водных, воздушных, подводных. Но для того, чтобы эти цели были достигнуты, необходимо, чтобы действия всех вооруженных сил государства направлялись главнокомандующим действующей армией, который передает свою волю войскам через командующих группами армий, через командующих отдельными армиями и флотом (морским и воздушным) и, наконец, через командиров корпусов, дивизий и т. д.

Все промежуточные командующие и командиры, исполняя поставленную им свыше цель действий, рукодствуются оперативным планом (планом действий), всегда соответствующим изучаемой всеми ими обстановке; их планы и действия подчиненных им войск тем совершеннее, чем успешнее будет организованная ими разведка и чем полнее все их действия будут ограждены искусно организованной контр-разведкой.

Главнокомандующий ни в каких случаях не может вмешиваться в политику; он руководит боевыми действиями и должен подчиняться тем решениям политики, которые указываются ему высшими органами государственной власти по его подчиненности. В случае явного противоречия указываемых главнокомандующему требований и новых целей действий оперативным возможностям, сложившимся на театре военных действий, он обязан немедленно представить высшей государственной власти, поставившей требования и цели, свои обоснованные соображения по этому поводу. Если после такого представления высшая государственная власть, обсудив дело, все-таки остается

при своих решениях,— эти решения становятся обязательными для главнокомандующего.

К лицам, которым вверяется высшее командование, современная война пред'являет весьмо сложные требования.

На ряду с основательным общим и военным образованием они должны обладать высшим боевым воспитанием, так как им приходится обдумывать положения и решаться на вполне определенные действия при исключительно сложной обстановке современных войны и боя, трудно доступной пониманию и повергающей в безмерные колебания психику и в частности волю человека.

Надо иметь в виду, что на войне и в бою приходится решаться на предприятия, часто, невзирая на вероятность их достижения, только потому, что в данных условиях ничего лучшего сделать нельзя; решимость никогда не должна покидать высший командный состав, потому что если бы она сменилась отчаянием или даже растерянностью, то всякое здоровое размышление прекратилось бы именно в то время, когда оно нужнее всего и когда, повидимому, все против нас. Но наш боевой опыт свидетельствует, что часто именно в такие минуты колебания между решимостью и отчаянием решается вопрос: „победа или поражение".

В таких случаях, обычных в современной войне и в бою, побеждает тот, кто удержал в себе решимость. В такие минуты нет ничего худшего, как ни на что определенное не решиться. Если в таких случаях даже расчет подсказывает, что вероятность успеха против нас, не всегда следует считать боевое предприятие невозможным и безрассудным; оно благоразумно, если ничего лучшего сделать нельзя, если решившийся применит наилучшим образом все силы и средства, имевшиеся в его распоряжении, и если он сумеет во-время воспользоваться всеми ошибками противной стороны.

Все, что необходимо исполнить на войне и в бою, не может считаться рискованным, лишь бы эта необходимость действительно с неизбежностью возникала из сложившейся обстановки.

Высшему командному составу надо воспитать в себе убеждение, что совершенно недопустимо вводить в практику современных войн и боя: азарт игрока, шаблоны действий, измышленные в мирное время; пренебрежение к физическому и моральному состояниям войск, предназначенных для данных действий; пренебрежение к основам теории военного искусства и проч. Все это противно природе современных войн и боя. Покоящиеся на таком пренебрежении действия высшего командного состава являются авантюристическими и подлежат строжайшему осуждению.

Дабы в тяжелые минуты современных длительных операций не лишиться спокойствия и твердости, являющихся основами

решимости, т.-е. таких качеств, которые война и бой всегда стремятся поколебать и которые часто бывает трудно сохранить, но без которых самые блестящие способности ума становятся бесполезными,— необходимо наперед свыкнуться с мыслью, т.-е. выработать в себе *решимость — погибнуть честно, если это нужно для победы*. Без этой высокой решимости ничего крупного на войне и в бою сделать не удастся даже в самой счастливой обстановке, а в тяжелой и подавно...

Углубившимся в теорию военного дела надо не забывать, что она учит достижению боевых целей с возможно меньшими усилиями и потерями, поэтому она как бы предостерегает против всего того, что требует чрезвычайных усилий и значительных потерь; в этом заключается односторонность теории. На практике, т.-е. на войне и в бою, когда в дело вступает решимость, теоретическое учение обращается в решение вопроса: как достигнуть цели, невзирая ни на какие усилия и потери.

Вот тут-то и сказывается особенность *ума*: ум, по существу своему,— сила робкая, оглядывающаяся; он, правда, дает всестороннее знание, без которого на войне и в бою обойтись невозможно, но одни только знания, для большинства людей, предрасполагают к колебаниям и нерешительности.

Отсюда ясно, что высший командный состав, которому нужна *решительность*, должен обладать не только развитым умом, но и *волею*, развитою в такой же степени, если не выше, ибо, вообще, военное дело — скорее волевое, нежели умовое. Подбор людей с таким равновесием дело нелегкое.

Кроме *умовых* и *волевых* качеств, высший командный состав должен пользоваться *доверием* красноармейской массы, которое в решительные минуты должно доходить до степени *веры* в своего вождя. Красноармеец пойдет за тем, кто вместе с ним переносит *труды и лишения*, кто заботится о его *нуждах*; в того верят, кто ведет и посылает войска *куда нужно*, а не на убой; кто *бережет* вверенные ему войска.

При всех этих качествах высший командный состав должен уметь поддерживать в войсках, в штабах и в тылах строжайшую *дисциплину*. Если дисциплина не установлена разумно и не применяется твердо—армии нет, а есть толпа, более опасная государству, чем неприятелю. Чем дисциплина строже, тем армия способнее на великие дела.

Тяготящиеся строгостью дисциплины — люди не военного склада и к высшему командованию не пригодны: тяготясь дисциплиной, они тем самым явно показывают свое непонимание той обстановки, в которой они окажутся на войне и в бою.

Высший командный состав должен особенно строго относиться к своим *приказам*: ограничиваться только строго необходимым

числом приказов; твердо помнить их содержание; с большим вниманием следить, чтобы приказы исполнялись; взыскивать за небрежное исполнение приказов со всех без исключения, и особенно со старших начальников.

Сверх всего этого, подчиненные начальники обязаны воспитать и сохранить в себе способность к принятию решений по собственному почину и к проведению этих решений в жизнь, когда это по обстановке необходимо.

Главнокомандующий должен зорко следить за происходящим во всех подчиненных ему крупных соединениях, чтобы суметь своевременно создать новые замыслы операций, передать их войскам на исполнение и указать необходимые перегруппировки сил.

При постановке новых замыслов операций главнокомандующий должен ориентироваться не только в результатах предшествующих операций, но и в проектах тех замыслов, которые имеются у подчиненных ему командующих, так как местным командующим подробности, несомненно, виднее. Было бы, однако, совершенно неправильно, если бы главнокомандующий действующей армии, осведомившись в проектах замыслов дальнейших операций, разработанных непосредственно подчиненными ему командующими, ограничил свою роль только согласованием этих проектов между собою и утверждением их; он должен воспринять эти проекты только, как материалы при постановке новых оперативных замыслов, и притом, как материалы только ориентировочные, но для него необязательные.

В сомнительных случаях главнокомандующий может собрать военный совет в составе непосредственно подчиненных ему командующих с их начальниками штабов и снабжений, пригласив и тех из прочих начальников, которые по существу дела необходимы.

Совершенно недопустимы военные советы в тех случаях, когда главнокомандующий, ни на что не решившись, задумает искать оперативных решений в военном совете или когда он пожелает собрать военный совет в видах перекладывания на него впоследствии некоторой части своей ответственности в случае неудачи.

В военном совете, собранном с первой целью, творчество главнокомандующего исчезает; суммарное решение совета, лишенное творчества, всегда будет только бездушным, формальным, вредным в оперативном отношении, половинчатым...

Во втором случае, военный совет не может считаться ответственным, а главнокомандующий, собравший совет с такой целью, подлежит немедленному отозванию из действующей армии.

Единственно допустимым является такой военный совет, к которому главнокомандующий прибегает, чтобы выслушать личные доклады подчиненных ему непосредственно начальников и чтобы вслед за тем об'явить им свое окончательное решение, чтобы ободрить вместе с тем

тех, кто нуждается в ободрении, чтобы поднять уверенность в собравшихся подчиненных и внушить им свою собственную мысль и решимость для энергичного исполнения.

Таковы, в общем, требования, пред'являемые к современному высшему командному составу.

Органы управления главнокомандующего и командующих.

Свою волю, в виде всякого рода распоряжений, главнокомандующий и командующие передают войскам через подчиненные им штабы и специальные управления.

Во главе каждого штаба стоит начальник штаба. Его роль двоякая: с одной стороны, он руководит работою всего штаба, как органа управления; с другой — он является советчиком главнокомандующего.

Надо иметь в виду, что из высших командующих только очень редкие, особо одаренные и потому выдающиеся, не нуждаются в постоянном советчике; но это — исключительные люди, редко встречающиеся таланты. Большинство же командующих нуждается в советчике. Но... он должен быть один; если его советы и не всегда будут совершенны, то хорошо и то, что они будут последовательны.

Таким советчиком является начальник штаба, выбранный и назначенный как бы в дополнение к качествам командующего. Он должен быть ответствен за все действия солидарно с командующим.

Если у командующего будет несколько независимых друг от друга советчиков, — официальных или неофициальных, — это очень плохо; и тем хуже, чем умнее, настойчивее и независимее эти советчики.

Выслушивая советы то одного, то другого, главнокомандующий или командующий примет целесообразную меру в одном случае, можетбыть, еще более целесообразную в другом, убедится в основательности возражения третьего лица и мер, предлагаемых к исправлению случившихся промахов четвертым и т. д. Можно заранее сказать, что при всех этих советах, мнениях и мерах — проигрыш операций, а затем и всей войны обеспечен. Во всяком штабе, и чем он крупней, тем больше, имеются люди, которые во время исполнения каждой операции умеют с большим остроумием указать предстоящие затруднения и подчеркнуть прошлые промахи. При первом же осложнении, они, обыкновенно, доказывают, что они все это предвидели. Они, как-будто, всегда правы, так как редко высказывают положительные, творческие мысли; они ничего не исполняют в действительности — они только критикуют.

Эти „люди отрицания“ — истинное несчастие полководца, если он их к себе допустил.

Наличие таких критиков и болтунов и в тех штабах, которые находятся вдали от главнокомандующего и командующего, также прино-

сит большой вред; таких людей надо знать и не допускать их назначения в штабы; если же они и проскочат в состав штаба, то при первом же проявлении ими таких свойств — их надо немедленно удалить, или дать им такую работу, которая будет связана с определенной ответственностью и где, поэтому, они должны будут воздерживаться от излишней болтовни.

В случае убыли главнокомандующего или командующего — на его место автоматически должен вступить начальник штаба, впредь до назначения и прибытия нового главнокомандующего или командующего.

Единство действий.

Единство действий является необходимым условием для достижения общей и частных целей всякой операции. Под единством действий надо разуметь их внутреннее единодушие, но не единовременность движений, что является лишь внешним проявлением.

Движение ведет лишь к тому, чтобы занять выгодное положение относительно противника; действие же имеет целью поражать противника из занятого выгодного положения.

При действиях внешнего единства не требуется, а единодушие, т.-е. внутренняя связанность действий хотя бы и удаленных друг от друга частей, должно непременно существовать, иначе цель достигнута не будет.

Для проявления единодушия в действиях оперирующих войск необходимо, чтобы войска совершенно определенно знали и понимали цель, поставленную им для достижения, и чтобы они сознательно, все от начальн... до рядового красноармейца включительно, стремились к ее достижению, напрягая при этом все свои духовные и физические силы, и строго соблюдали дисциплину, сохраняющую их от обращения в толпу, может быть и решительную, но неудобоуправляемую и потому доступную внезапным потрясениям.

Весь высший командный состав и все командиры должны следить за обязательным проявлением единства действий и восстанавливать его там, где оно утрачивается.

Единство действий вырабатывается соответствующей подготовкой высшего командного состава, войсковых командиров и вообще всей армии в мирное время.

По отношению к высшему командному составу в вопросе единства действий существенное значение имеет единство взглядов на теоретические и практические вопросы всех отделов военного дела; это единство отчасти вырабатывается прохождением основных курсов Военной Академии, отчасти достигается самою служебною практикою и участием в оперативных военных играх и полевых поездках, а также во время маневров.

Выработка единства взглядов у лиц, предназначенных на должности командующих группами армий (фронтами) и армиями, требует специальных работ еще в мирное время; она удобнее всего и скорее достигается тем, что предназначенный быть главнокомандующим в военное время еще в мирное время, заблаговременно, ведет специальную подготовку будущих своих сотрудников, периодически собирая их для взаимного обсуждения проблем предстоящей войны и суждения о действующих уставах и наставлениях с точки зрения единства взглядов по их применению.

Почин в действиях.

Захват почина в действиях нами с самого начала войны и в каждой операции является залогом успеха только в том случае, если первоначальные удары могут быть развиты в мощный удар подоспевшими главными силами.

Отсюда ясно, что еще в мирное время настоятельно необходимо следить за тем, насколько быстро может быть произведена мобилизация и развертывание армии противника, и стремиться к тому, чтобы сократить периоды мобилизации и развертывание наших сил.

Точно так же и в каждой операции необходимо уметь предупреждать противника настолько, чтобы его планы перебивались и отменялись нашими действиями, чтобы его удары пресекались или оказывались бы ударами по нашим второстепенным районам, так сказать, ударами по воздуху.

Захват почина в действиях с самого начала войны, понимая под этим серьезные удары, а не легкомысленные порывы вперед, вернее всего приводит к одержанию первых успехов на войне, что, в свою очередь, оказывает огромное влияние на армию и всю страну.

Вообще, при всяких столкновениях между людьми, первое впечатление имеет громадное значение, поэтому и на войне не следует останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы первые столкновения разыгрывались в нашу пользу.

Обычно в начале войны замечается под'ем духа в стране и вера в победу, особенно если война соответствует целям господствующего класса, или, вообще, пользуется одобрением, популярностью.

Первые столкновения, окончившиеся удачей, направляют сочувствие страны в сторону армии и обращают войну в общее дело—граждан и армии. Сочувствие всей страны, естественно, способствует под'ему духа армии, который становится тем выше, чем значительнее был первый успех. Победа подымает дух армии.

Решаясь на войну с нами, враг уже этим самым показывает, что надеется нас одолеть; каждая его неудача подрывает в нем эту надежду, и тем больше, чем неудача чувствительнее. Опрокидывая его в одном районе, мы показываем, что и в других его может постигнуть

та же участь. Если к этому подрыву убеждения врага в его непобедимости прибавить еще опасность для него быть отрезанным от пути отступления именно вследствие его неудачи, то станет понятно почему, опрокидывая противника в одном районе, мы заставляем его оставлять другие — без особого сопротивления.

Поэтому всегда было и всегда остается истиной, что успех войны и операции зависит не столько от количества материальных потерь, которые мы нанесем противнику, сколько от того, в какой степени мы внушим ему убеждение в невозможности нам сопротивляться.

Войска и командующие—крепкие, энергичные,—выйдут победносно из самых отчаянных положений только потому, что они не допустят мысли, будто их можно победить и, наоборот, войска и командующие, мало в себе уверенные, будут непременно биты в те именно минуты, когда победа, повидимому, была у них уже в руках.

Сохранение уверенности в успехе—один из залогов успеха; наоборот, отчаяние—вернейший шаг к неудаче и в войне и в каждой операции. Поэтому-то в высшей степени важно, чтобы начало войны и операции было удачно. Зачастую, особенно с неопытными, необстрелянными войсками, начало войны дает решительный тон всем последующим действиям.

Высшие начальники должны это твердо помнить и не щадить ни себя, ни войск при первых столкновениях, имея в виду, что в случае успеха первых операций, а затем и войны, каждый потерянный человек окупится сторицею.

К вопросу „о почине в действиях“ относится, как частность, проявление почина каждым частным начальником при исполнении им плана действия ради достижения поставленной ему цели.

Сущность „частного почина“ заключается в следующем: приказ высшего начальника, передаваясь в войска, постепенно развивается промежуточными начальниками и расчленяется между исполнителями; при этом возникают новые частные цели, не предусмотренные приказом старшего начальника, но существенно необходимые для исполнения его приказа. Эти частные задачи (цели) только тогда будут развиваться в должной мере, когда подчиненные начальники будут обладать частным почином. Частный почин необходим начальникам всем степеней и на тот случай, когда приказ не получен, а действовать необходимо. Таким образом, частный почин необходим при исполнении приказа, при постановке частных целей и при отсутствии приказа.

Частный почин каждого подчиненного начальника только тогда полезен, когда он идет навстречу приказу высшего начальника и в то же время соображен с действительною обстановкою. Начальник, проявляющий частный почин, не должен нарушать существа приказа

но обязан принять решение и способы действий, обеспечивающие достижение цели, выраженной в нем.

Проявлению частного почина в значительной мере способствует готовность начальника взять на себя ответственность за последствия поставленной и принятой к исполнению частной цели и за избранный способ ее достижения.

Боязнь ответственности в такой же степени не должна быть свойственна высшему командному составу и всем войсковым начальникам, как и трусость; она всегда является причиною нерешительности действий, способствует потере времени и потому весьма выгодна для противника, который всегда бывает осведомлен о нерешительности тех или других наших начальников и, конечно, пользуется такою осведомленностью.

Значение расчета.

Правильная разработка плана операции и успешное его исполнение требуют всякого рода расчетов; только при внимательном отношении к необходимости рассчитывать все, что поддается расчету, возможно избежать излишней траты сил войск на прогульные движения и потери времени во всех подготовительных и исполнительных действиях.

Расчету подлежат:

а) Развертывание сил и средств для операции в исходное положение,—здесь должны быть строго рассчитаны во времени и согласованы между собою все передвижения войск и материальных средств так, чтобы всюду, на фронте и в тылу, все войска и все материальные средства были на своих местах, без малейшего опоздания, в полной готовности исполнить действия и службу, возложенную на них планом операции и их назначением.

б) Движения войсковых частей в сфере влияния противника, предпринимаемые для той или иной перегруппировки своих сил или для расположения их в более выгодное положение относительно противника; такие передвижения, обыкновенно, называются маневрами. Рассчитывая маневр каждой войсковой части, надлежит указывать время прохождения ее через исходный пункт или исходный рубеж, время прохождения через выдающиеся и промежуточные рубежи, прибытие на ночлеги и выдвижение с ночлегов, прибытие в конечный район или к конечному рубежу.

При движениях крупных соединений, путем расчета, должны быть согласованы между собою движения частей (колонн), составляющих это соединение таким образом, чтобы вернее исполнялось задание маневра, и чтобы сохранялась боевая готовность всего соединения во время исполнения маневра в общем,—это составляет расчет сосредоточения крупного соединения.

в) **Количество войск** и технических средств, потребных для исполнения всей операции и ее частных целей.

г) **Движение** частей оперативного резерва, получивших определенную цель действий во время исполнения операции.

д) **Количество огнестрельных припасов**, потребных на всю операцию и на достижение характерных частных ее целей (атака укрепленной полосы, переправа через большую реку и проч.).

е) **Количество** продовольствия, фуража, инженерных, санитарных и прочих технических средств, обеспечивающих потребность в течение всей операции.

ж) **Количество** огнестрельных припасов, продовольствия, фуража, инженерных, санитарных и прочих технических средств, подлежащих **ежедневной** доставке в каждую довольствуемую группу данного крупного войскового соединения.

з) **Количество транспортных средств** (вагонов, поездов, автомобилей, подвод, транспортов, обывательских подвод, верблюдов, пароходов, баржей и проч.), необходимых для непрерывного **подвоза** войскам всего необходимого и для **эвакуации** всякого рода.

и) **Количество войск** для оперативного обеспечения данной операции.

к) **Количество войск и технических средств**, необходимых для стратегического разведывания.

л) **Количество войск и технических средств**, для непрерывного поддержания связи между оперирующими войсковыми группами и с соседними крупными соединениями.

м) **Количество войск**, необходимых для службы в устроенном тылу оперирующих войск.

н) **Количество войск и лиц административной службы** для управления территорией, занятой по праву войну, и для поддержания порядка в этой территории.

о) **Рабочая сила, материалы и время**, потребные для каждой работы в сфере боевых действий войск и в тылу. Все расчеты должны быть основаны на теоретических и практических данных, а также на опытных данных, добытых предыдущими операциями данной войны.

Предварительные расчеты должны быть непременно сравниваемы с результатами, добытыми исполнением; из этого сравнения должны быть сделаны соответствующие выводы для руководства на будущее время.

Искусство высшего командного состава.

Главнокомандующий и командующие, т.-е. высший командный состав, должны быть опытны и искусны в ведении операций; войсковая масса должна верить в их искусство и опыт настолько, чтобы

всегда оправдывать их действия и распоряжения в своем представлении.

Высший командный состав должен быть подготовлен к своим обязанностям работою мирного времени, направленной к обдумыванию проблем вероятной предстоящей войны и первоначальных ее операций.

Высший командный состав должен твердо усвоить, что основные положения военного искусства просты и могут быть изучены теоретически; между тем самое ведение операции очень трудно, и вся трудность этого дела состоит в том, чтобы на войне во время развития операций остаться верным усвоенным основам.

На войне свободная воля и мысль командующего тормозятся на каждом шагу, поэтому необходимо иметь силу воли и разум, чтобы преодолеть все препятствия к осуществлению диктуемого волею и разумом. В этих постоянных препятствиях к осуществлению лучших замыслов часто гибнут самые счастливые вдохновения; командующий должен быть настолько силен, чтобы уметь проводить в исполнение хотя бы те более скромные решения, которые ему удалось отстоять в борьбе с живою действительностью, ни в каком случае не допуская пассивного выжидания более благоприятных событий.

При разработке плана операции все кажется ясным, но как только начинается его исполнение, наступает хаос неопределенностей, опасений, сомнений, беспокойства; командующий должен все это побороть в себе, избегнуть нерешительности и происходящих из нее полумер.

Командующий во время операции должен чутко воспринимать все данные, добытые разведыванием, и в то же время быть совершенно нечувствительным к слухам, обычно все преувеличивающим. Большинство людей от природы боязливы, поэтому склонны преувеличивать опасность. Командующему не может быть свойственна трусость также, как он должен быть чужд азарта и авантюризма.

Командующий должен ко всем сведениям относится критически и помнить, что на войне без риска ничто не дается и что в правильно задуманной и развиваемой операции всегда имеется возможность выправить частные ошибки и последствия допущенного риска.

Командующий должен побороть в себе стремление рисовать благоприятные или неблагоприятные картины по полученным им сведениям, потому что рисование картин, основанное больше на работе фантазии, чем на трезвом анализе обстановки, лишает его разум участия в управлении операцией и расслабляет его волю, исполняющую определенные веления разума.

Командующий должен убить в себе чувствительность к первичным впечатлениям, потому что эти впечатления не дают возможности обнять происходящее явление сразу со всех сторон и тем вызывают опасность сделать заключение о целом явлении по одной его стороне, воспри-

нятой от первичных впечатлений, хотя бы основанных на верных донесениях. Необходимо, следовательно, быть настороже против впечатлительности, нужно заставить себя верить в свои собственные заключения, к которым привели предварительные зрелые размышления, дабы укрепить себя против ложных зачастую впечатлений минуты.

При современных длительных операциях с участием крупных войсковых соединений, развернутых на значительных пространствах, командующий не в состоянии проверять действия подчиненных ему начальников на местах, поэтому необходимо иметь доверие к подчиненным начальникам; отсюда следует, что нужно выбирать таких исполнителей, на которых можно положиться, а все прочие соображения при выборе отбросить; такого рода выбору живая действительность часто ставит многие препятствия. Главнокомандующий и командующий должны уметь их преодолеть.

Значение ночного времени.

Современные операции, считая их подготовку и исполнение, продолжительны; они могут захватывать различные периоды года (весну, лето, осень, зиму); поэтому в плане операции и во всей подготовке операции должен быть учтен вероятный период продолжительности операции со всеми вытекающими отсюда последствиями как в оперативном отношении, так и в отношении снабжения войск всем необходимым.

Кроме того, действия войск в современных операциях протекают под угрозой со стороны артиллерии, авиации и химии противника; поэтому естественно стремиться решать некоторые частные задачи в течение подготовки и исполнения операции ночными действиями войск, особенно в тех районах, где возможно ожидать наибольшего развития действий артиллерии, авиации, и химии со стороны противника. Эти соображения обязывают признать ночные действия войск столь же обыкновенными, как и дневные действия; современная боевая обстановка постоянно будет требовать применять сочетания действий [illegible]ем с действиями ночью.

Это относится, как к подготовительному периоду, так и к периоду исполнения операции, и не только к боевым действиям и атакам, но и к исполнению всякого рода передвижений и маневров, к сосредоточению и перегруппировкам сил; вообще, ко всяким действиям всех главных и вспомогательных родов войск и к службе тыловых учреждений.

В свою очередь широкое применение ночных действий наравне с дневными — обязывает обучать все главные и вспомогательные роды войск ночным действиям в мирное время и требует от всех командующих на театрах войны в военное время выработки, на основании дей-

ственного опыта войны, наилучших приемов ночных действий и наивыгоднейших сочетаний ночных действий с дневными с тем, чтобы эти приемы излагались в соответствующих инструкциях, которые должны широко распространяться в действующей армии.

Пора перестать смотреть на ночные действия как на случай исключительный. В современной войне ночные действия так же обычны как и дневные.

Казалось бы, трактуя о некоторых основах оперативного руководства в современной войне, невозможно не остановить внимания читателя **на борьбе с участием авиации и химии**, потому что от этой борьбы следует ожидать многих неожиданностей на войне. Но мы сознательно отказываемся от этого, и не потому, что нам нечего сказать по этому вопросу, а из твердой уверенности, что говорить достаточно подробно об этом в печати пока еще преждевременно и, пожалуй, даже не в наших интересах, а говорить, касаясь дела чуть-чуть, как будто издали,— думается нам,— не интересно.

ВАКУЛИЧ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „РАБОТА КОМАНДИРА"

Тов. Белицкий в своей статье „Работа командира" („Война и Революция", кн. 1) сделал попытку исправить § 9 наставления „Полевая служба штабов" и соответствующие параграфы Временного полевого устава, внеся в них ясность точным определением роли командира и устранением „крайне вредного параллелизма и независимости" в работе штаба, санкционируемых отличным, по мнению т. Белицкого, наставлением. Статья эта получила уже отповедь в книге 7-й того же журнала (Ботнер—„О работе командира и штаба"), но она настолько важна, в ее отрицательном значении, что небесполезно остановиться на ней еще раз.

Оперативные откровения.

Чтобы показать читателям правильные взаимоотношения штаба с командованием и установить их функции, т. Белицкий решил показать правильные методы работы этих двух органов на конкректном примере — именно, в процессе выработки решения при наступлении корпуса на остановившегося противника. В этом процессе т. Белицкий рекомендует командиру корпуса начать с мероприятий, возвращающих командиру корпуса оперативную свободу. Для этого комкор должен установить, „в каком месте и в каком размере он лишился оперативной свободы" (Бел.). Установив это, командир корпуса должен смело приступить к мероприятиям по возвращению этой оперативной свободы.

Дальше т. Белицкий поясняет, что это за мероприятия:

„Лучше даже, в крайнем случае, в некоторых местах фронта отойти, лучше произвести перегруппировку сил, но всегда помнить, что с о х р а н е н и е о п е р а т и в н о й с в о б о д ы п р е в ы ш е в с е г о[1]). Эта часть работы выльется в виде отдельных приказаний и распоряжений, которые штаб быстро передаст войскам".

Затем, очевидно, должно последовать выполнение этих частных распоряжений, т.-е. части корпуса начнут отходы и перегруппировки. В это время, по т. Белицкому, командир корпуса приступает „к расценке оперативного положения корпуса", оценке состояния своих войск, противника и т. д., т.-е. приступает к принятию настоящего решения. В результате этого решения должны начаться новые перегруппировки. Так, ведь? Следовательно, части будут ходить и ходить,

---

[1]) Подчеркнуто тов. Белицким.

а бой-то, пожалуй, некому будет и вести, зато оперативная свобода, которая „превыше всего", будет сохранена.

Логичнее было бы т. Белицкому рекомендовать командиру корпуса поступить так (ведь все равно, не оценив обстановки, ничего разумного сделать нельзя): „установив в каком месте и в каком размере он (комкор. В.) лишился оперативной свободы, комкор тут же решает" (Бел.)... отвести свой корпус назад. Оторвавшись от противника и тем самым получив полную „свободу действий", командир корпуса может принимать потом какой-угодно вариант решения. Но „оперативная свобода нужна не только для свободного выбора наилучшего варианта решений. Само существо маневренной войны не позволяет особенно доверять даже самой благоприятной с первого взгляда боевой обстановке. Противник ведь тоже маневрирует и, сковав нас на определенном участке, он тем самым инициативу уже частично держит в своих руках" (Бел.). Поэтому зачем же полумеры и производство их только в крайнем случае, как это рекомендует т. Белицкий, лучше сразу расковаться, т.-е. отойти. Беда только, что командира корпуса за эту погоню за оперативной свободой, которая „превыше всего", обязательно отрешат от должности.

Если бы т. Белицкий говорил о неудаче корпуса, когда действительно необходимо восстанавливать оперативную свободу, то и в этом случае восстановление ее не может предшествовать оценке обстановки. Но он говорит о благоприятной обстановке, т.-е. об успехе, когда разговоры об оперативной свободе просто излишни. Когда неудача наступит, что вероятно и в ходе самой успешной операции, тогда и необходимо позаботиться об оперативной свободе, но в самом решении, а не до него. Вот, что говорит по этому поводу Вр. полевой устав (§ 20): „В ходе каждой, даже самой успешной, операции неизбежны частичные, иногда очень тяжелые неудачи...

На обязанности командира в этом случае лежит принятие основного решения, жертвуя менее важным; уступая неприятелю пространство, он должен восстановить свободу маневра и организованным переходом к активным действиям ликвидировать неудачу".

Для того, чтобы восстановить свободу маневра, командир, следовательно, должен принять решение, а для принятия решения надо изучить и оценить обстановку. Тов. Белицкий же рекомендует командиру корпуса перед оценкой обстановки и принятием решения — принять меры по восстановлению оперативной свободы.

На вопрос т. Белицкого: „С чего начать?" при выработке решения, приходится ответить: только не с того, что рекомендует т. Белицкий, ибо будет конфуз, а с того, что рекомендует Врем. полевой устав (§ 33), т.-е. с изучения поставленной выше задачи (если поставлена новая) и затем обстановки.

Следующий этап работы командира корпуса, по Белицкому,— „Расценка оперативного положения корпуса".

Не будем забывать, что в это время части либо подготавливаются, либо уже начали какие-то перегруппировки во исполнение решения командира корпуса по возвращению „самодовлеющей" оперативной свободы, решения, принятого без изучения и оценки обстановки. К оценке ее командир корпуса приступает только сейчас — в этапе „Расценка оперативного положения корпуса".

Сначала посмотрим, что об этом этапе говорит Врем. полевой устав. Параграф 36 гласит:

„При изучении обстановки начальник должен:

а) оценить расположение и состав (соотношение) своих сил и сил противника и установить, в каком отношении противник может помешать в достижении поставленной цели;

б) изучить характер местности и выяснить, насколько она может способствовать или затруднить проведение операции;

в) выяснить, сколько времени необходимо для выполнения своей задачи и как это время себе обеспечить, и

г) изучить влияние погоды, времени суток и года и установить, насколько они могут помочь или помешать выполнению задачи".

Результатом изучения поставленной свыше задачи и обстановки,— говорит § 38,—будет решение.

Изложено коротко и ясно.

Т. Белицкого такая простота и ясность не удовлетворяет: такое сложное дело и так просто изложено! Нет, это не так просто: „оперативная обстановка никогда не сваливается с неба (какая Америка! В.); она является результатом всей предшествующей деятельности корпуса, но тем не менее она может быть изменена в результате трех основных факторов: а) приказания сверху, б) обстановки у соседей и в) обстановки на собственном участке корпуса" (Бел.).

Когда мы начинаем оценивать обстановку для нового решения, то берем определенный момент ее, в частности по примеру т. Белицкого — к ночи. В результате чего же сложится обстановка к этому моменту? По нашему мнению, в результате деятельности корпуса, соседей его и деятельности противника (изменения атмосферных условий, характера местности, благодаря продвижению или отходу, и времени суток, для упрощения, опускаем). Из оценки этой обстановки и уяснения новой задачи мы и исходим при выработке нового решения. У т. Белицкого (по цитате выше) обстановка складывается в результате только предшествующей деятельности корпуса (видимо, к какому-то данному моменту), а изменена может быть в результате трех факторов (к другому будущему моменту), которые командир при решении должен учесть (что видно из дальнейшего изложения т. Белицкого).

Первый фактор — приказание сверху, изменяющее задачу и полученное корпусом в процессе выполнения ранее полученной задачи (т.-е. на другой день). Командир корпуса принимает свое решение для следующего дня вечером предшествующего (в примере т. Белицкого) либо во исполнение недоконченной задачи, поставленной сверху на этот день, если по докладу комкора о степени выполнения не последовало изменения ее, либо на основе новой задачи, поставленной сверху на следующий день.

Тов. Белицкий ни слова не говорит о поставленной сверху задаче, с другой стороны, он не говорит и о том, что корпус данную ему на день задачу не выполнил, следовательно, нужно думать, что корпус в операции против остановившегося противника получил многодневную задачу (об этом ниже) и т. Белицкий взял какой-то средний день. Пока согласимся с тем, что корпус в этом наступлении мог получить многодневную задачу. Но т. Белицкий сам не уверен, что корпус без затруднений сверху будет дальше развивать наступление, поэтому он предлагает командиру корпуса своевременно запросить высшее начальство, не будет ли оно изменять его задачу, чтобы это изменение не явилось „ударом грома в ясный день" (Бел.).

Если командующий армией в таком наступлении дал корпусам многодневные задачи и наступление развивается нормально, то с какой стати он будет менять задачи и что это за новая обязанность штаба — самому запрашивать о задаче?

Случаи изменения задач в процессе выполнения прежней задачи могут быть, но эти изменения вытекают из такого неожиданного изменения обстановки, которое заранее учтено быть не может, поэтому сколько не запрашивай своевременно об этом высшего начальника, он ничего не ответит, пока неожиданно изменившаяся обстановка на него не нагрянет. В масштабе армии, впрочем, такие случаи будут редкими исключениями.

Может быть еще один случай, когда командующий армией будет мыслить так же, как т. Белицкий, т.-е. будет прежде всего заботиться об „оперативной свободе". Такой командующий, выяснив, что корпус „увяз" в бою с противником или „сковался" им, отдаст распоряжение расковаться, т.-е. отойти, чтобы получить оперативную свободу. Командир корпуса, приняв это за решение командующего, начнет его осуществлять. В это время командующий армией оценит обстановку, примет настоящее решение, „будучи оперативно свободным" (от здравого смысла), и отдаст приказ. Это, действительно, будет „ударом грома в ясный день". Но, к нашему счастью, такие командующие в Красной армии не мыслятся.

Следует еще отметить, что в результате приказания сверху изменится только задача, а не обстановка, а обстановка изменится потом в результате действий корпуса, вызванных приказанием сверху.

Второй фактор — обстановка у соседей.

По Временному полевому уставу (§ 35) этот фактор учитывается командиром корпуса при изучении поставленной ему свыше задачи. Данные для учета этого фактора у него будет: 1) указание в приказе сверху о задачах соседей; 2) сведения в его штабе о достигнутом в конце дня положении соседей и, наконец, 3) могут быть сведения о предполагаемых действиях соседей, непосредственно полученные от них, но лишь в общих чертах, так как соседи своего решения в подробностях к этому времени дать не смогут (у них в это время будет также происходить только еще разработка решения).

Между тем т. Белицкий требует, чтобы штаб точно доложил своему командиру, „чего достигли его соседи (это возможно. В.), что они хотят сами завтра делать (это можно узнать из приказа сверху и возможно дополнить личными переговорами с соседями. В.) и что им в их деятельности мешает или благоприятствует". Для последнего штабу корпуса необходимо произвести правильную оценку обстановки у соседей и почти решить задачу соседей; возможно ли это для штаба корпуса, когда еще сами соседи не приняли своего решения, а только разрабатывают его? Из оценки положения соседей, штаб, по Белицкому, видимо, должен определить, будет ли у соседей „крупный успех или неуспех"... который... „тотчас же отзовется"... на участке корпуса и, следовательно, повлияет на решение комкора. Требование абсолютно невыполнимое.

Третий фактор — обстановка на собственном участке корпуса.

Тов. Белицкий пишет: „она (обстановка. В.) может быть изменена в результате... обстановки на собственном участке корпуса"... „о том, что обстановка на собственном участке корпуса может приостановить выполнение поставленной сверху задачи или даже изменить ее характер, должно быть всем понятно. Верно, но где ж тут „изменение обстановки обстановкой" — этот третий, мало-вразумительный, фактор? Здесь, просто, изменившаяся после принятия решения обстановка не дала возможности осуществить его. Но ведь об этом и говорить не стоит, так как здесь предполагается т изменение обстановки, которое не могло быть при решении учтено. Когда изменение в указанном выше размере наступит, то получится положение, которое мы сейчас рассматриваем, т.-е. процесс выработки нового решения. Тов. Белицкий „изменение обстановки обстановкой" ни к селу ни городу привлек к моменту уяснения командиром корпуса того этапа развития боя (по Полевому уставу — оценка расположения своих сил; т. Белицкому больше нравится — расценка оперативного положения корпуса), какого корпус достиг к концу дня.

По многим местам статьи т. Белицкого можно думать, что для своей схемы (именно схемы, а не метода работы) он взял случай, когда корпусу сверху дана многодневная задача наступать на оста-

новившегося противника. Места эти такие: „попытаемся разобрать... работу штаба корпуса в тот самый период, когда командование в наступательной операции против остановившегося противника должно принять решение на следующий день“... „Независимо от того, в какой фазе сейчас находится армейская или фронтовая операция (подчеркнуто автором), командир корпуса должен ясно представить себе, что он будет делать завтра. К тому же мы часто имеем такие случаи, когда фронт или армия переживает затишье, а для данного корпуса это может быть как-раз периодом наиболее оживленной деятельности и наоборот“. И, наконец, в главе „Расценка оперативного положения корпуса“ т. Белицкий, рассуждая за командира корпуса, исходит не из уяснения задачи, предполагая, видимо, задачу сверху, данной когда-то раньше.

По Белицкому выходит: 1) что в наступательной операции против остановившегося противника корпус получает многодневную задачу; 2) что командир корпуса ставит себе задачи, независимо от того, в какой фазе в данный момент находится армейская операция; 3) что армия может переживать затишье, а корпус будет настойчиво наступать и наоборот.

Все три положения, выдвигаемые т. Белицким, неверны. В армейской операции против остановившегося противника, корпусу может быть дана задача только на сутки, а именно: в первые сутки сломить сопротивление противника и полностью разрушить систему обороны в данной полосе. Невыполнение этой задачи есть неудача, на которую армейское командование обязательно будет реагировать своим приказом, т.-е., поставить какую-то задачу (может быть и продолжение прежней).

Корпус действует в составе армии. Может ли в этом случае командир корпуса „ясно представить себе, что он будет делать завтра... независимо от того, в какой фазе сейчас находится армейская... операция“ (Бел.)? Нет. Он может и должен представить себе, что он будет делать завтра и принять решение именно в зависимости от фазы армейской операции. Задача ему также будет дана в зависимости от этой фазы.

Что в армейской операции против остановившегося противника корпус может быть пассивным — это еще возможно (хотя вряд ли командующий армией на второстепенном участке будет оставлять целый корпус), но чтобы в наступательной операции армии наступал один корпус, а на всем остальном фронте было затишье, — никак допустить нельзя; это — верное поражение.

Остается еще отметить сомнительность схемы самого решения складывающегося, по мысли т. Белицкого, из: 1) „наметки оперативного решения, состоящего в определении оперативного направления“ и „темпа проведения операции“; 2) „тактического решения“, для пере-

хода к которому необходимо установить „численность и характер тех препятствий, которые имеются на пути осуществления принятого оперативного решения“, и подсчитать, „сколько сил и средств надо затратить, чтобы преодолеть каждое из имеющихся препятствий“. Тактическое решение будет состоять из определения „количества сил, которое надо бросить на решающее направление“ (Бел.) и того остатка „сил, который останется для второстепенных задач или для образования резервов (Бел.); 3) распределения частных задач подчиненным частям.

В этой схеме не хватает еще „стратегического решения“!

По нашему мнению, никакого деления на оперативное и тактическое решение делать не следует, а поступать так, как рекомендует устав: исходя из цели задачи, поставленной сверху, сопоставляя свои силы и силы противника и их расположение, учитывая местность, время, погоду, решить, где противника бить кулаком, а где только сковывать, какие силы в этом кулаке и в сковывающей группе должны быть и их состав, затем распределить части по группам и дать каждой боевую задачу.

Командование и штаб.

Тов. Белицкий сокрушается о том, „что непосредственные функции командующего лица как-то отошли в сторону, спрятавшись под каким-то безличным понятием „командование“. Командующий, как непосредственный работник, забыт по сравнению с тем вниманием, которое уделяется сейчас работе штабов и служб (Бел.)“.

Такое заключение он выводит не только по своим наблюдениям, но и по нашим учебникам тактики или оперативного искусства, уставам и наставлениям.

Некоторые невязки в применении терминов штаб и командование, начальник штаба и командир — в уставах есть. Лучше было бы применять эти термины так: когда мы говорим об органах, следовало бы говорить штаб и командование, о лицах — начальник штаба и командир; но все же эти неточности вопроса не запутывают, а запутывает его тов. Белицкий, который, кстати сказать, метнув стрелу против „безличного понятия командование“, сам в своей статье почти везде применяет его.

В течение последних лет действительно работе штабного аппарата уделяется большое внимание и еще долго будет уделяться, но это совсем не значит, что этим самым командир оставляется в стороне, что его забывают. Внимание, уделяемое теперь штабу, вполне естественно.

Штаб есть орган командования; в современных условиях командование без штаба нельзя себе даже и представить; от того, как работает штаб, зависит работа самого командира: от штабного работника требуется специальная подготовка (высшее образование), и именно по-

тому, что работа штаба многосторонняя и чрезвычайно сложная; наконец, это не один человек, а целый организм, следовательно, для продуктивности его работы необходимо четкое разграничение функций между отдельными лицами, тренировка этих лиц в области их работы, тренировка всего штаба в слаженности и т. д. Работа штаба сложна, сложна и его подготовка, а так как с плохим штабом вряд ли и командир будет хорош (будь он хоть и семи пядей во лбу, в боевой обстановке он за всем не усмотрит), то на подготовку первого и обращается такое большое внимание, особенно у нас, где штабы еще далеко несовершенны.

Отошли ли непосредственные функции командира в сторону? (т. Белицкий нашел это, просматривая уставы). Возьмем только один устав, а именно полевой и просмотрим вслед за т. Белицким, хотя бы начало его

На стр. 41 видим главу II, в которой находим подзаголовок „А. Обязанности командования“ и „Б. Работа командира и штаба“; в последнем подзаголовке от § 32 до § 39 говорится о непосредственной и самой важной функции командира — о принятии решения.

На стр. 51 мы видим главу III „Поддержание боеспособности войск“, где опять говорится об обязанностях командира. Если мы будем продолжать и дальше просматривать, то увидим, что на протяжении всего устава говорится о функциях командиров (начальников) разных степеней и никак не сможем усмотреть того, что командир расплывается в безличное понятие „командование“.

Дальше т. Белицкий занялся критикой взаимоотношений командира и штаба и установлением роли каждого.

Его особенно возмущает § 9 наставления „Полевая служба штабов“, гласящий: „Изучение обстановки начальником штаба ведется независимо от аналогичной работы командования и параллельно последнему“... Тов. Белицкий высказывает подозрение, что это неудачная редакция, и угрожает тем, что мы можем получить такое положение какое было, в некоторых случаях, в старой армии, когда командующие отдалялись от своего штаба (Алексеев и Ренненкампф) и создавали свой маленький штабик. Непонятно только — почему они отдалялись: потому ли, что боялись своего мощного штаба, который, имея в своем составе „десяток, а то и больше, квалифицированных специалистов (Бел.)“ разрабатывал бы варианты решения, а командованию оставалось бы быть „безмолвным свидетелем этой работы и, в качестве утешения, лишь... санкционировать то или другое решение штаба (Бел.)“; потому ли, что, не желая подпасть под влияние своего мощного штаба, хотели подкрепить себя специалистами для выполнения работы по изучению обстановки, „аналогичной“ работе штаба, так как „трудно себе представить, чтобы командир, будучи, как личность, все же один, смог успешно проделать ту же параллельную работу по изучению обстановки, как и штаб...“ (Бел.).

Разбирать причины, почему так случилось у Алексеева и Ренненкампфа, для нас мало интересно; страха, что у нас может получиться такое же положение, эти примеры у нас так же не возбуждают, так как наши уставы и наставления причин к этому не дают, что будет видно из дальнейшего изложения, поэтому оставим „покойников" в покое и вернемся к живым.

Тов. Белицкий спорит против двух положений § 9:

1) независимости и параллелизма работы штаба по изучению обстановки от аналогичной работы командования и

2) возможности для командования (одного лица) успешно вести параллельную штабу работу по изучению обстановки.

Прежде всего § 9 говорит не о штабе, а о начальнике штаба, а это не совсем одно и то же.

Штаб является органом командования по осуществлению управления войсками (§ 1 наставления „Полевая служба штабов"), его подсобным органом (§ 40 Вр. полевого устава), возглавляемым начальником штаба, который „является первым заместителем командования части или войскового соединения" и имеющим право „от имени командования отдавать распоряжения как всем войскам, так и всем службам" (§ 2 наставления „Полевая служба штабов"; § 25 и 43 Вр. полев. устава).

Функции штаба определены Вр. полевым уставом и наставлением „Полевая служба штабов".

Одна из этих функций: 1) Организовать непрерывное получение сведений о текущей обстановке (противнике, своих войсках, местности, состоянии атмосферы и проч.), принимая действительные меры к обеспечению своевременности и достоверности поступающих сведений; 2) тщательно и всесторонне изучать эти сведения, давая командиру основания для принятия боевого решения (§ 40 Вр. пол. уст.)". Ту же функцию присваивает штабу и § 5 наставления „Полевой службы штабов".

Эта функция постоянная при всяких боевых обстоятельствах, функция, определенная уставом, как обязанность, выполняемая в силу требования устава, а не распоряжения командования, выполняемая независимо от того, хочет этого командование или не хочет. Тов. Белицкий, искусственно разделяя работу штаба по трем каналам, разрешает штабу работать почти без указаний командования, самостоятельно, в двух каналах: 1) „в работе на высшие и соседние штабы" и 2) „по обслуживанию своего войскового соединения в целом, так как все это делается в развитие приказаний командования... и соответствующие уставы и наставления дают еще в мирное время точную регламентацию этого вида работы штабов" (Бел.). А вот в третьем канале — „по обслуживанию своего командира в деле помощи ему (командиру. В.) управлять войсками (Бел.)", штаб шагу не может сделать без приказа

командира. Он должен „целиком и полностью каждый раз (Бел.)... работать „по точным заданиям своего командования в той мере и в тех размерах, в каких это считается необходимым самим командованием (подчеркнуто т. Белицким). Ни о какой независимости или параллельности этого вида работы не может быть и речи. Командир есть командир, и только он один несет ответственность за управление войсками. Штаб несет подсобную роль“ (Бел.).

Прочитав такое категорическое утверждение тов. Белицкого, мы ждали, что он на своем примере покажет, как командир дает штабу задания, но не дождались,— он этого не показал и не мог показать по очень простой причине: командир такого задания дать не в состоянии, ибо и по его работе в этом канале „соответствующие уставы и наставления дают еще в мирное время точную регламентацию этого вида работы штабов“ (Бел.). Если т. Белицкий внимательно прочтет Вр. полевой устав и наставление „Полевая служба штабов“, то он увидит, что все требования, которые командир пред'являет штабу в его примере (сведения о положении и состоянии своих войск, соседей, противника) пред'являются к штабу и Вр. полевым уставом и наставлением „Полевая служба штабов“. Следовательно, и в этом канале, в который входит изучение обстановки, штаб будет работать независимо от командования, соответственно боевого решения последнего и руководствуясь уставом.

Это о штабе, о котором говорит т. Белицкий; параграф же 9 говорит о начальнике штаба (о нем и надо было говорить). Если функции штаба по изучению обстановки точно определены уставами и штаб в этой области работает независимо от командования, то и начальник штаба, первый заместитель командира, имеющий в своем распоряжении специальный орган, эти функции выполняет и сам и через штаб также независимо от командира и параллельно ему, основываясь на решении командира и руководствуясь уставом.

Второе возражение (обратное первому) о возможности для командования успешно вести параллельную штабу работу по изучению обстановки основано на неправильном понимании слова „аналогичный“; получаемый отсюда вывод, что командир не должен непосредственно вести работу по изучению обстановки, а пользоваться данными начальника штаба, мягко выражаясь, странен. Тогда командир для всех, кроме начальника штаба, должен сделаться слепым и глухим, или быть закупоренным в изолированное помещение. В этом случае ему действительно придется только санкционировать решения штаба.

Вывода такого т. Белицкий не сделал, но он, естественно, вытекает из его рассуждений.

Командир управляет боем, а для управления боем необходимо изучение обстановки, но, конечно, не в таких подробностях, как это де-

лает начальник штаба и штаб. Параграф 9 и не говорит о таком подробном изучении обстановки: аналогичный—обозначает здесь: сходный, подобный, а это не значит — одинаковый по размеру.

Из статьи т. Белицкого можно также усмотреть, что наши уставы и наставления написаны так, что дают возможность покушаться на функции командира со стороны органов, подчиненных ему; для защиты командира и ограждения его от покушений, он убедительно заявляет: „Командир есть командир и только он один несет ответственность за управление войсками"; „что нужно сделать — это может указать только командир"; сказать, на что способны его войска на завтрашний день, может только один командир, ибо только он за это несет ответственность". Кто же этот злодей, покушающийся на командира? Начальник штаба со штабом. Так ли? Прочтите, тов. Белицкий, § 5 и 6 наставления „Полевая служба штабов"—нигде не найдете ни одного слова, указывающего на права штаба принимать боевые решения и самостоятельно проводить их, а §§ 33, 34, 35, 36, 37, 38 и 40 Вр. полевого устава совершенно четко определяют права командира в выработке решения и обязанности штаба в этом же процессе.

Вся статья тов. Белицкого направлена к тому, чтобы установить правильные взаимоотношения между командованием и штабом, поставив штаб на причитающееся ему по службе место, а между тем сам же он пишет: „Было бы чрезвычайно опасно в этом вопросе составить конституцию взаимоотношений, ибо дело не в служебных взаимоотношениях, которые, в общем, ясны, а в методе работы". Задумав установить правильные взаимоотношения вначале, т. Белицкий через несколько строк говорит об опасности составления конституции этих взаимоотношений и соглашается, что в общем они ясны. Так для чего же было такой плохой огород городить? Конституцию взаимоотношений составлять, конечно, не нужно,— она имеется в уставах. Особенно опасно составлять свою конституцию тов. Белицкому: может получиться нечто вроде „оперативной свободы, которая превыше всего". Не надо было изобретать и „метода", одного из „не так многочисленных (Бел.)". Внимательно просмотрите уставы, т. Белицкий, и увидите, что метод принятия решения есть и всего лишь один, а не множество!

Тов. Белицкий вообще любит множественное число — везде у него варианты во множественном числе. Так, т. Белицкий говорит, что при изучении противника „даже самая лучшая разведывательная служба не сможет остановиться на одном варианте возможных действий противника, и что таких вариантов может быть несколько. При хорошо поставленной службе штабов и разведывательной службе в войсках, по нашему (тов. Белицкого. В.) мнению, число этих вариантов может быть сведено к минимуму. Командир остановится (а изобретает их кто: — штаб или он сам? В.) на одном из этих вариан-

тов и об этом оповестит через штаб свои войска“ (Бел.). Штабу, как престарелой бабке, обойтись без гадания на кофейной гуще, чтобы определить возможные варианты действия противника, никак не обойтись. Да и положение командира получается пиковое: штаб подсунет ему (или сам командир измыслит) „минимальное“ количество вариантов (десятка в три),— вот и останавливайся на одном из них! Придется гадать по пальцам и командиру. А гадание-то, говорят, не всегда бывает верным: вдруг не на том варианте, который противник будет выполнять, остановишься. Попадет ведь тогда, и оперативную свободу потеряешь. Самое лучшее после гадания подальше отойти и заняться „свободным выбором“ „наилучшего варианта своего решения“.

Гадать за противника, с целью получить хотя бы и „минимальное“ количество вариантов, не стоит,— никчемная потеря времени. И в этом случае надо поступить так, как указывает устав. На основании собранных сведений о силе, составе, состоянии, расположении и действиях войск противника, командир производит оценку его под углом зрения цели, которую он поставил себе, изучая задачу сверху. В результате этой оценки должен получиться вывод — „в каком отношении противник может помешать в достижении поставленной цели (Вр. полевой устав § 36)“. Вывод у правильно мыслящего и военно-образованного командира получится один, а не „минимальное“ количество вариантов.

А если выводов получается несколько, то это значит, что оценка командиром не была произведена, а командир гадал. Предположим, что командир нагадал несколько вариантов. Какой же должен быть критерий для выбора одного из этих вариантов — личное настроение командира или обстановка? Если последняя, то командир гадал впустую, потому что, обратившись к обстановке, как к критерию, он начнет ее оценивать, т.-е. начнет опять с того, что он уже делал, но не сумел сделать, поэтому и получились „варианты“. Но не гадание об вариантах, а трезвая оценка обстановки по тем данным, какие имеются, и выводы из нее дадут командиру возможность выполнить свою задачу.

Из статьи т. Белицкого можно сделать только один заключительный вывод (а не несколько вариантов): командиру, который ее прочел, следует крепко... забыть ее и, когда ему придется принимать решение, руководствоваться уставом.

И. Г.

СРОКИ СЛУЖБЫ

СРОКИ службы в настоящее время являются одними из актуальных вопросов в деле строительства вооруженных сил во всех странах с общеобязательной военной службой. Вопрос подготовки на случай войны всего населения, годного к военной службе,— осуществление идеи „вооруженный народ"— стоит перед всеми государствами, но практическое осуществление этой идеи наталкивается на трудность в области материальной и вступает в противоречие с интересами населения.

Одним из путей, который примиряет эти два противоречия, если не полностью, то в значительной мере, и является срок службы. Чем он короче, тем больше можно в одно [illegible] же время обучить бойцов, тем меньше затрат на подготовку одного бойца, тем на меньший срок отрывается население от мирного труда. Но здесь встает новое препятствие; короче сроки службы,— слабее выучка, слабее дисциплина.

Нужно найти какой-то минимум срока службы, обеспечивающий необходимую боевую выучку и дисциплину.

Красная армия имеет недолгую историю своего развития, она еще строится, и поэтому правильная установка отдельных основ этого строительства чрезвычайно важна. Вопрос о сроках службы для нашего Союза является также актуальным.

Под сроками службы в данном случае понимаются, главным образом, непрерывные сроки службы — сроки обучения. Параллельно нами будут освещены и сроки обязательной военной службы— время состояния на учете военнообязанных, т.-е. начальный и конечный возраст (начиная с допризывной подготовки и кончая запасом), в пределах которого население может привлекаться к выполнению военной службы.

Проблема о сроках службы одинаково актуальна как для кадровых, так и для милиционных армий, почему нами будут разобраны и сопоставлены сроки службы при той и другой системе построения вооруженных сил.

I. Эволюция сроков службы.

1. Период с введения общеобязательной военной службы до войны 1914—1918 гг. Период общеобязательной военной службы для нас наиболее интересен, так как в настоящее время большинство государств строят свои воруженные силы на принципе всеобщей воинской повинности.

Первым государством, наиболее решительно ставшим на путь коротких сроков действительной военной службы, была Пруссия.

Старо-прусская армия, состоявшая из наемников, была Наполеоном разбита. После Тильзитского мира (1807 г.) Пруссии нужно было создавать новую армию. Положение было тяжелое: не было ни достаточных средств, ни времени, к тому же армия была ограничена и в численности. Для выхода из создавшегося положения, лица, ставшие во главе военных реформ (Шарнгорст и Гнейзенау), взяли твердый курс на введение всеобщей военной службы и краткие сроки обучения. Эти меры позволили к 1813 году накопить значительный запас обученных людей. Война 1813—1814 г., проведенная слабыми кадрами, с людьми прошедшими короткие сроки обучения и недостаточно подготовленными, убедила Пруссию в возможности значительного сокращения сроков службы. В 1814 году была окончательно введена всеобщая воинская повинность. Срок действительной военной службы был установлен в 3 года. После окончания действительной военной службы происходило перечисление в запас на 16 лет: таким образом, общий срок военной службы продолжался 19 лет. Фактически срок действительной службы был даже менее 3 лет: так, с 1833 по 1852 г. он был уменьшен до 2 лет и даже возбуждался вопрос о дальнейшем сокращении; ежегодно известное число рекрут принималось на 6-месячный срок. Но с 1852 года, в видах лучшего обучения, срок службы увеличивается и к 1857 году вновь доводится до 3 лет. В 1860 году общий срок военной службы, в связи с большим усилением полевых войск, был сокращен за счет запаса с 19 до 12 лет. В целях обеспечения обучения и дисциплины в столь короткий срок службы комплектование было основано на территориальных началах и были приняты меры к улучшению состава кадра унтер-офицеров и привлечение их на сверхсрочную службу. Краткие сроки службы дали Пруссии возможность накопить многочисленный запас.

Войны 1866 и 1870—71 гг., давшие Германии блестящие успехи, заставили другие государства последовать ее примеру в деле построения системы военной службы и перейти к общеобязательной личной воинской повинности (Австрия—1868 г., Франция—1872 г. и Россия—1874 г.) и сократить сроки службы.

В России общеобязательная военная служба, но не личная, была введена Петром в 1705 г., при чем в регулярной русской армии был установлен пожизненный срок службы.

В последующем этот срок службы постепенно эволюционировал в сторону сокращения. В 1732 году срок службы для дворянского сословия был сокращен до 25 лет. В 1788 году установлены (Потемкиным) сокращенные сроки службы: для армии — 25 лет, а для вновь формируемых поселенных войск — 15 лет[1]).

[1]) Масловский — „Записки по истории военного искусства в России“, стр. 11, 49, 349, 495.

В 1793 году пожизненный срок службы заменен 25-летним уже для всех сословий. В 1834 году срок действительной службы сокращен до 20 лет, при чем выслужившие 20-летний срок увольнялись на 5 лет в „бессрочный отпуск“, чем было положено начало образованию запаса армии.

По окончании Крымской кампании 1854 — 1855 гг. идет постепенное сокращение сроков действительной военной службы до 12 и даже

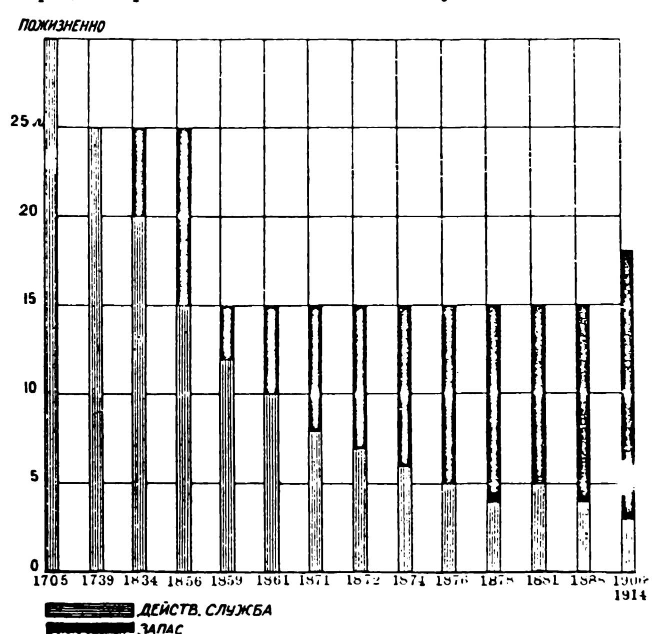


Диаграмма 1. Эволюция сроков военной службы в России за период 1705—1914 гг.

10 лет и, наконец, ко времени выхода „устава о воинской повинности“ (1874 год), хотя срок службы и оставался 10-летним, нижние чины служили фактически под знаменами только 7 лет, так как невыслужившие полного срока действительной службы на право увольнения в бессрочный отпуск — увольнялись во „временный отпуск“ за три года до срока службы.

В 1874 году разработанный Милютиным „устав о воинской повинности“ ввел взамен существовавшей системы рекрутского набора все-

общую личную воинскую повинность. Согласно этого устава был установлен в сухопутных войсках 6-летний срок действительной военной службы и 9 лет в запасе.

В дальнейшем сроки службы под знаменами постепенно сокращались с увеличением сроков состояния в запасе, и к началу империалистической войны определялись следующими нормами:

	Действ. служба	Запас
Для пехоты и пешей артиллерии .	3 г.	15 л.
„ прочих сухопутных войск . .	4 „	13 „
„ морского флота	5 л.	5 „

Из приведенной диаграммы эволюции сроков службы совершенно очевидна тенденция в сторону последовательного сокращения срока действительной военной службы (под знаменами) с одновременным наращиванием срока пребывания в запасе.

Следует, однако, отметить, что задача отработки обученного запаса разрешалась в старой армии не только путем сокращения сроков службы, но и последовательным увеличением численности армии мирного времени. К моменту об'явления империалистической войны численность русской армии составляла 1 250 000 человек (без комсостава).

Опыт мировой войны показал несостоятельность всей системы отработки запаса в царской армии. Из всего числа военнообязанных и годных для войны контингентов Россия имела около 20% обученных, а крепкие кадровые части мирного времени к решающему периоду войны имели в своем составе не более 5—6% кадрового состава.

В общем с периода введения общеобязательной военной службы до начала мировой войны сроки действительной военной службы значительно сократились.

К началу мировой войны в главнейших государствах сроки службы были следующие:

Германия: Призывной возраст — 20 л.

Сроки службы:		Для кавалерии и кон. артиллерии
действительной . .	2 г.	3 г.
в резерве	5,5 л.	4,5 „
в ландвере 1 приз.	5 л.	3 „
в ландвере 2 „	6 л.	8 л.
Итого . . .	18,5 лет	18,5 лет

Австрия: Призывной возр. 21 г.

Сроки службы:	
действительной . . .	3 г.
в резерве	7 л.
в ландвере	2 г.
Итого . .	12 лет

Франция: Призывной возраст — 21 г.

Сроки службы:	
действительной	3 г.
в резерве	10 л.
в терармии	6 „
в резерве терармии . .	6 „
Итого . . .	25 лет

Италия: Призывной возраст — 20 л.

Сроки службы:	
действительной .	2 г.
в резерве	6 л.
в подвижной милиции .	4 г.
в термилиции	7 л.
Итого . . .	19 лет

Россия: Призывной возраст — 20 лет

Сроки службы:		
действительной: в пех. и артил. .	3 г.	
в прочих войсках . .	4 „	
во флоте	5 л.	
	I разряд	II разряд
в запасе: пех. и арт.	7 л.	8 л.
прочих	7 „	6 „
флота	5 „	—
Итого . . .	18 лет и для флота 10 лет.	

Кроме того из запаса 2 разряда перечислялись в ополчение до 43 лет.

В Англии с армией, комплектуемой на добровольных началах (вербовка), сроки службы были: 12 лет (долгосрочная), но можно было поступать и на краткосрочную — 7 лет действительной и 5 лет в резерве.

В странах военной службой на милиционных началах сроки службы были:

Швейцария: Призывной возраст—20 лет.

Сроки службы:	
первой очереди (отборное войско)	с 20 до 32 лет
в ландвере	с 33 до 40 лет
в ландштурме	с 41 до 48 лет.

Основное обучение проходится в первый год действительной военной службы в рекрутских школах. Срок обучения в рекрутских школах, в зависимости от рода войск, продолжается от 60 до 90 дней.

Продолжительность сроков обучения за весь период службы с повторительными сборами приводится в нижепомещаемой таблице:

Род войск	Звание	Отборное войско	Ландвер	Всего
Пехота	Рядовой Унтер-офицер	142 дн. 235 дн.	11 11	153 246
Кавалерия	Рядовой Унтер-офицер	178 дн. 344 дн.	— —	178 344
Артиллерия	Рядовой Унтер-офицер	173 дн. 283 дн.	11 11	184 294
Инженерные войска	Рядовой Унтер-офицер	142 дн. 250 дн.	11 11	153 261

Эти сроки службы и обучения были введены по закону 1907 г. Законом этим сроки обучения были значительно повышены. Например, до 1907 года в первый год обучения рекрутские сборы в пехоте продолжались 45 дней, а общий срок обучения 280 дней; с 1907 г. рекрутские сборы в пехоте были повышены до 60 дней, а общая продолжительность обучения до 360 дней.

Швеция: Призывной возраст — 20 лет.

Сроки службы:

I разряд (армейские войска)	от 20 до 30 лет	
II „ (резерв)	„ 31 „ 34 „	
Ландштурм	„ 35 „ 42 „	
	Итого . . . 22 года.	

Таблица сроков службы в шведской армии для рядовых военнообязанных.

Роды войск	Основная служба	Повторительные сборы			Примечание
		В запасе	В резерве	Ландштурм	
1. Пехота, обозные и интендантск. войска	250 дн.	3 сб. по 30 дн.	1 сб. — 15 дн.	1 сб. — 5 дн.	В резерве—на 9 или 10 л. Всего 360 дн.
2. Кавалерия, полевая и позиционная артиллерия	281 дн.	2 сб. по 42 дн.	2 сб. — 25 дн.	1 сб. — 5 дн.	В запасе — на 2 или 3 г. В резерве— на 5 или 6 л. Всего — 359 дн.
3. Крепостная артиллерия и инженерные войска	295 дн.	2 сб. по 35 дн.	1 сб. — 15 дн. (арт.) 1 сб. — 25 дн. (инж).	—	В запасе: на 3—4 г. арт., на 2—3 г. инж. В резерве: на 6 л.арт.и на 9 л.инж. Всего: арт.—390 дн., инж.—390 дн.
4. Студенты и лица, предназначенные на командн. должности .	310 дн.	По роду войск	—	—	Всего—390—425 дн.

Указанные сроки были введены с 1914 года. До этого времени сроки обучения были ниже; в пехоте — на 110 дней, кавалерии, артиллерии и инженерных войсках — 30 дней.

Таким образом, в то время как в кадровых армиях сроки действительной военной службы (сроки обучения) сокращались,— в милиционных армиях они, наоборот, к началу мировой войны повысились.

При указанных сроках службы обученный запас к началу мировой войны составлял:

Страны	Число военнообязанных запаса	Из них обученных	Процент обученных
Германия	12.000.000	5.000.000	45%
Франция	6.500.000	3.000.000	46%
Россия	26.000.000	5.000.000	20%
Австрия	6.500.000	2.500.000	40%
Италия	6.000.000	1.500.000	25%

Как видим, в России процент обученных был наименьший, да это и вполне понятно, так как сроки действительной военной службы

были слишком продолжительны. В то время, как Германия еще в 1814 году ввела 3-летний срок действительной военной службы, мы подошли к нему лишь в начале империалистической войны.

Тяжесть военной службы при существовавших перед империалистической войной сроках службы характеризуется нижеследующей таблицей:

Страны	%% отношение армии к населению	% принимаемых в армию призывников к населению	% принятых к числу призывников	Недобор
Россия	0,78	0,3	35,8	4,3
Германия	0,92	0,44	52.8	0
Австрия	0,83	0,29	29,5	6,4
Франция	1,62	0,63	79	4,8
Италия	0,65	0,29	20	0
Япония	0,33	0,16	22	0

Эти данные указывают на то, что в отношении недобора новобранцев Россия находится в лучших условиях лишь по отношению Австро-Венгрии и Франции. Прочие же три государства недоборов не имеют вовсе.

Что касается льгот по отбыванию воинской повинности, то в этом отношении Россия выделялась значительностью таких льгот, а Франция, наоборот, полным их отсутствием. Если обратиться к числу лиц, пользующихся льготами по отбыванию воинской повинности, то в России льготами пользовалось 48% общего числа внесенных в призывные списки, а в Германии и Японии около 1,5%; во Франции льгот не давалось вовсе, а в Италии льготу получало около 12%[1]).

Расходы на армию и на подготовку страны в целом к началу мировой войны выразились:

Страны	Общегосударственные расходы (в млн. довоен. долл.)	Расходы на оборону (в млн. довоенн. долл.)	% расходов на оборону от общих расходов	На 1 бойца приходится расходов (в довоенн. долл.)
Франция	754,3	280,0	37	303
Италия	496,5	123,4	25	380
Англия	784,4	309,3	39	780
С.-А. С. Ш.	670,2	257,5	38	805
Япония	215,3	60,2	28	210
Румыния	810,3	21,5	26	196

[1]) Доклад Главного Управления Генерального Штаба в Государственную Думу в 1912 г. о величине призывного контингента.

Выводы. Идея массовых армий и вооруженного народа хорошо была осознана еще до империалистической войны. Разрешение этой задачи шло по двум направлениям — увеличение постоянных армий и сокращение сроков службы. В соответствии с этим расходы на армию были доведены до 20—40% бюджета страны, а сроки действительной военной службы были сокращены до 3—2 лет. Сокращение сроков службы явилось одной из действительным мер к накоплению обученного запаса. Соотношение между сроками действительной военной службы и запасом к мировой войне совершенно изменилось. В то время как первый сокращался, второй увеличивался. Застрельщицей в деле сокращения срока действительной военной службы явилась Пруссия. Другие государства последовали ее примеру после успехов прусской армии в войнах 1866—1870—1871 гг.

Боязнь перехода на краткие сроки службы была основана на опасении понижения боеспособности войск. Эта боязнь и стремление к увеличению армии при отсутствии достаточного контингента призываемых заставили Францию накануне войны (в 1913 г.) увеличить срок действительной военной службы с 2 до 3 лет.

Сроки обучения в милиционных армиях к началу мировой войны, как указывалось выше, повысились.

2. **Период войны** 1914—1918 гг. Оправдали ли себя краткие сроки службы в период империалистической войны и что нового в данный вопрос внесла эта война?

На войну все армии вышли с сильными кадрами бойцов армии мирного времени. Насыщенность отмобилизованных войск армии кадрами мирного времени видна из нижеприводимой таблицы[1]).

Страны	Численность армий		Насыщенность отмобилизованной армии кадровым составом в %	Примечание
	Мирного времени	После мобилизации		
Россия	1.445.000	4.538.000 1)	32	1) Без ополчения. С ополчением и запасными частями, которые были добавлены в первый месяц войны,—5.100.000.
Франция	776.000	2.032.000	38	
Италия	2С8.000	1.060.000	27	
Германия	761.000	1.890.000	40	
Австрия	478.000	1.400.000	34	

При этом насыщенность дивизий была значительно выше: Германия от 58% — до 75%; Франция — 48—65% и Россия до 53%.

1) Шафалович — Кадровая армия наших дней. „Война и Революция", № 7, 1927 г., стр. 20.

2) Триандафиллов — Возможная численность будущих армий. „Война и Революция". № 3, 1927 г., стр. 22.

Помимо такого значительного процента кадровых войск, при развертывании по мобилизации армии получили почти сплошь обученный запас младших возрастов, т.-е. тех, которые еще не успели хорошо забыть военную выучку.

В результате—первый период войны характеризуется большой маневренностью и боевой упругостью войск.

„Мы привыкли восхищаться той кипучей энергией, той страстностью, с которой велись первые операции в начале мировой войны особенно на западном (франко-германском) фронте. Но должно быть очень немногие отдают себе отчет в том, что эти операции могли вестись с таким напряжением и с таким маневренным искусством благодаря тем значительным кадрам, которые имелись и у немцев и у французов, и которые обеспечили высокие качества мобилизованной армии“ [2]).

Выбиваются кадры — падает боеспособность войск. К концу войны, когда войсковые части имели 5—6% кадрового состава, а многие войсковые части совершенно его не имели, армии были уже не те. Прибывающие пополнения имели обучение совершенно неудовлетворительное. В особенности это положение ярко сказалось на русской армии вследствие ограниченности обученного запаса и исчерпания его в первые же месяцы войны. Если еще некоторое обучение имели ратники I разряда, то ратники II разряда и, в особенности, новобранцы почти совершенно не были обучены.

Хотя в запасных частях и был установлен четырех-и шестинедельный курс обучения, но даже и этот, крайне недостаточный срок, не выдерживали. В своем письме помощнику военного министра от 27 июля 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего указывает, что большие потери в действующих армиях обусловливаются, главным образом, большим числом сдающихся в плен. Эту массовую сдачу в плен начальник штаба об'ясняет слабой обученностью прибывающих пополнений; по его мнению, совершенно необходимо удлинить срок обучения до 4 месяцев. Довести обучение высылаемых пополнений до указанного срока не удалось до конца войны. К чему это привело, видно из нижеприводимой таблицы распределения потерь (за период с 1914 по 1917 г. включительно):

Всего убыло	7.036.087	100%
Из них:		
1. Убитых (офицеров и солдат) и умерших от ран	643.614	9%
2. Раненых, контуженных и отравленных газами	2.754.202	39%
3. Пленных и без вести пропавших	3.638.271	52%

Процент пленных и пропавших без вести составляет больше половины всех потерь. Такой громадный процент потерь в свою очередь понуждал к беспрерывному выкачиванию из страны людских ресур-

сов, не давая возможности достаточно их обучить. Одновременно разбухали тылы, и на одного бойца приходилось до 7—10 едоков. В результате — непроизводительное проматывание и без того недостаточных ресурсов оружия и снаряжения и общее обнищание страны. К чему это привело на фронте — общеизвестно.

Численность запаса военнообязанных к концу 1916 года характеризуется следующей таблицей:

Всего числилось в запасе	26 млн.
Из них:	
Было призвано в армию	14,5 млн.
Осталось в занятых противником областях и уклонялось	2 млн.
Использовано для нужд промышленности, железных дорог и т. п.	3 млн.
Негодных к военной службе	5 млн.
Оставалось годных, не использованных (в том числе призыв 1918 года)	1,5 млн.

Для характеристики во что превращается многочисленная, но плохо обученная и снабженная армия — обратимся к свидетельству, правда не военного специалиста и авторитета, а только лишь военного врача, но прекрасного наблюдателя [1]).

„... Миллионы штыков, за полным отсутствием патронов, давно превратились в миллионы прожорливых едоков. А толпы новобранцев, дружинников, ополченцев, сотни тысяч рабочих рук — все выкачиваются и выкачиваются из недр деревенской России. Колоссальная силища глоток, ног и желудков запружает наши давно обессиленные железные дороги, об'едают, как саранча, прифронтовые села и города".

Для характеристики, как это отразилось на хозяйстве страны, мы приведем выдержку из докладной записки членов Государственной Думы, поданной царю в 1916 г.

...„тут перед нами встает другой вопрос, не менее тревожный, нежели вопрос о дальнейшем комплектовании армии, и притом неразрывно с ним связанный,— все более остро ощущаемый в стране недостаток рабочих рук во всех виднейших отраслях народного труда и, в том числе и производствах, работающих на удовлетворение всех многочисленных и обширных потребностей армии. За последнее время, какое бы мероприятие, направленное к расширению той или иной отрасли нашей промышленности, работающей на армию, не обсуждало Особое Совещание, оно, неизменно, встречалось с одним и тем же препятствием,— людей нет. Даже производство столь необходимых для нас тяжелых снарядов, за которое энергично принялось артиллерийское ведомство, встречается с тем же затруднением. Так, еще весьма недавно, начальник Главного артиллерийского управления указывал Особому Совещанию, что, если ему не будет дано откуда бы то ни было 30.000 рабочих, он не сможет серьезно наладить производство тяжелых снарядов, и что он сам этого количества рабочих набрать не в состоянии. То же явление и в частной промышленности, на которую опирается военная

[1]) Войтловский. „По следам войны". Ч. II, стр. 113.

В шахтах не хватает людей для добычи угля, у доменных печей — для выплавки металла, соответственно повышенной потребности в них. Заводы занимаются систематическим переманиванием рабочих друг у друга, что породило даже мысль особого для борьбы с этим злом закона. Малолюдие отражается в равной степени и на всей сельской жизни. Величайшее затруднение в продовольственном деле испытывается отчасти из-за того, что ослаб гужевой промысел, — некому везти хлеб на станции. Свеклосахарные заводы за недостатком людей не были в состоянии выкопать и свезти весь урожай свеклы. Сельскохозяйственные работы — молотьба и осенняя вспашка — прошли с запозданием и притом при крайнем напряжении всего сельского хозяйства".

На западном фронте, хотя вопрос обучения и не стоял так остро (запас обученных был больше), но и там переход от маневренной войны к позиционной явился в значительной мере результатом выбытия кадров и недостаточной выучки вновь призываемых пополнений.

Даже Германия, с большим числом обученного запаса и наиболее экономно расходовавшая людской материал, к концу войны получила пополнения с недостаточной выучкой. Людендорф в своих воспоминаниях уже жалуется на значительное понижение профессиональных достоинств германских войск в августе 1918 года.

Если мы обратимся к периоду нашей гражданской войны 1918—20 гг., то мы увидим повторение той же картины.

Выдержки, приводимые ниже, подтвердят нам это положение[1]).

„Если к июню месяцу 1920 года недостатки в комплектовании заключались в отсутствии пополнений, то перед Варшавой и после нее мы страдали уже не от недостатка пополнений, а от невозможности их использовать и от плохого их качества.

Тов. Данишевский, обследовавший запчасти фронта, в своей докладной записке от 15 сентября пишет следующее: „В запасной армии западного фронта по неполным данным числится свыше 100.000 людей. Разбросаны они по всему округу. Между прочим в Витебске несколько десятков тысяч. В числе красноармейцев запасной армии до 40.000 белоруссов из занятых поляками районов. Люди не одеты, не обуты, голодны. Происходит массовое дезертирство. По некоторым сведениям в последние дни ушло несколько тысяч человек". В такой обстановке запасная армия западного фронта, громадный источник боевой силы, превращается в гигантскую клоаку, источник заразы, место гибели масс людей, в источник дезертирства, бандитизма и контр-революционного брожения".

Практика всей гражданской войны показала ряд тяжелых катастроф, во многом зависевших от недостатков комплектования и неудовлетворительной работы запасных частей. Но требовать от последних хорошей работы, не давая им ничего, невозможно. В первую же очередь им необходим хороший боевой командный состав и достаточное продовольствие. Только при этом условии запасные части могут выполнить свое назначение, даже если количество выбрасываемых ими пополнений будет не так велико, ибо в конечном счете сотни тысяч голодных и оборванных людей, сидевших в наших запас-

---

[1]) Н. Мовчин — „Комплектование Красной армии", стр. 226—227.

ных частях, никому пользы не принесли, и, наоборот, несколько десятков тысяч более или менее обученных и сколоченных пополнений запасной армии приносили республике громадную пользу.

В то же время неимоверно разбухали тылы. По всем вооруженным силам на 1 августа 1920 года состояло едоков 4.876.110 человек, а бойцов (не штыков,— штыков было в два раза меньше) было всего 494.572 человека, т.-е. 1 боец приходится на 10 едоков.

Государства с общеобязательной военной службой, построенной на милиционных началах, участия в войне 1914—18 гг. не принимали. Но швейцарская армия была мобилизована и в течение 5 лет находилась на военном положении. Опыт вооруженного нейтралитета показал недостаточность подготовки и боевой сплоченности швейцарской армии. Так, в своем рапорте командиру одной из мобилизованных бригад, полковник Зандереггер, пишет:

> ...„Нужно в общем не менее пяти недель. чтобы бригада стала полезным инструментом войны, на который можно серьезно рассчитывать. Главная причина недостатков кроется в краткости, по закову, наших сроков обучения мирного времени.
>
> Все начальствующие лица бригады признают, что как сами мы, так и наши войска обладают совершенно недостаточной степенью подготовки к войне... Счастливый случай дал нам на этот раз возможность нагнать упущенное время. Мы рассчитываем в недалеком будущем. что законы нашей страны изменятся в том смысле, чтобы столь гибельное и жалкое положение никогда более не повторялос.“[1]).

Таковы были впечатления старших строевых начальников швейцарской армии осенью 1914 года.

Общее мнение — недостаток сроков обучения в мирное время для внедрения дисциплины и боевых навыков. Это приводило к господству поверхностного отношения к делу в рекрутских школах и на повторительных курсах. „Войска проявляли слабую степень верности своему долгу“,— утверждает генерал У. Вилль[2]). Сами инструктора нуждались в лучшем обучении и руководстве.

Выводы. 1. Существовавшие сроки действительной военной службы (сроки обучения) до войны 1914—18 гг. вполне себя оправдали. До тех пор, пока армии имели в своем составе достаточный процент кадровых войск, они проявляли максимум боеспособности.

2. Война потребовала значительно большего числа бойцов, чем это предполагалось, — имевшегося обученного запаса не хватило. Все воюющие страны вынуждены были усиленно обучать пополнения в период самой войны. Достаточного срока на это обучение не было. Приходилось направлять в бой пополнения недостаточно обученные. В связи с недостаточным обучением боеспособность войск пала. Это

---

[1]) С. Добророльский. „Милиционное строительство на Западе“, стр. 181—182.
[2]) Главнокомандующий швейцарской армией.

положение особенно заметно сказалось на бывшей царской армии. Минимум обучения в военное время по опыту царской армии был определен в 4 месяца.

3. Возможность ведения войны с пополнениями, обученными в течение нескольких месяцев, и необходимость накопления возможно большего запаса обученных людей привели к выводу о возможности и необходимости сокращения сроков действительной военной службы и в мирное время.

4. Армии, организованные на милиционных началах, участия в войне не принимали, но содержание армии на военном положении (вооруженный нейтралитет) показало недостаточность существовавших сроков обучения, т.-е. продолжалось течение, существовавшее до войны, за увеличение сроков обучения.

III. Сроки службы после войны 1914—18 гг. Несмотря на то, что война с несомненностью подтвердила необходимость хорошо обученной армии, почти во всех государствах сроки действительной военной службы (обучения) были сокращены. Сделано это было потому, что та же война, с одной стороны, потребовала участия всего народа и, с другой — доказала возможность ведения боевых операций и с армиями, прошедшими более краткие сроки обучения. Если до войны 1914—18 годов идея вооруженного народа была осознана и войной полностью подтверждена, то после окончания войны, в предвидении будущих войн, эту идею нужно было претворить в жизнь. Разрешением этой задачи и заняты сейчас все государства.

Практически для выполнения этой задачи — обучения всего годного к военной службе населения — есть три способа:

1. Увеличить штатвую численность армии да размеров, когда она сможет ежегодно поглощать весь призывной контингент, годный к военной службе.

2. Сократить срок действительной военной службы (срок обучения) и этим повысить пропускную способность армии.

3. Развить обучение вневойсковым порядком.

Первый способ — наиболее простой, но требует больших расходов и не всякому государству по силам. Второй способ — более приемлем, так как дает более быстрое накопление запаса с меньшими расходами и, кроме того, отвлекает население от его прямых занятий на более короткий срок. Поэтому на этот путь и стали все государства.

Но так как сокращение срока службы имеет также свой предел, то почти все государства не могут полностью пропустить через ряды армии весь годный призывной контингент и на ряду с сокращением сроков службы широко развивают третий способ—вневойсковое обучение.

Не останавливаясь на первом и третьем способе накопления обученного запаса, мы перейдем к эволюции сроков службы в иностранных армиях в период после войны.

СРОКИ СЛУЖБЫ

Германия, бывшая до войны 1914—18 гг. застрельщицей в деле развития милитаризма и образцом в организации армии, Версальским договором была лишена права на общеобязательную воинскую повинность. Немногочисленная армия ее содержится на добровольных началах со сроком службы в 12 лет. Срок этот вынужденный и не может быть показательным.

Франция по окончании войны в деле развития милитаризма и организации вооруженных сил заняла место Германии.

Срок действительной военной службы в ней по окончании войны был сокращен с 3 до $1^1/_2$ лет. Но и полуторагодичный срок действительной военной службы был признан слишком длительным, и в апреле 1925 года генералом Нолле был внесен законопроект о реорганизации армии с сокращением срока действительной военной службы до 1 года. Проект этот встретил горячие возражения и после продолжительной борьбы был, наконец, утвержден в марте 1927 г.

В прениях, возникших вокруг вопроса сокращения действительной военной службы до 1 года, выявились разные точки зрения, весьма ценные для разрешения поставленной нами задачи.

Генерал Нолле, признавая, что соответствующая подготовка и организация запаса являются краеугольным камнем работы мирного времени и что запас только тогда оправдает свое назначение, когда получит в мирное время образцовую подготовку, все же находил возможным сократить срок действительной военной службы до 1 года. Опыт мировой войны, по мнению генерала Нолле, доказал чрезмерную длительность не только 3-х, но и $1^1/_2$-годичной подготовки. Отвлекать же молодых людей от производительного труда на больший срок, чем это необходимо, нецелесообразно и вредно.

Достигнуть необходимой подготовки и при годичном сроке действительной военной службы можно при обязательной разгрузке инструкторских кадров от всех прочих заданий, с одной стороны, и с другой — рационализацией дела обучения.

В мирное время, по его предложению, во-первых, необходимо отделить, по возможности, обучение армии от подготовительных работ по ее мобилизации и, во-вторых, отделить подготовку молодого солдата от подготовки и сколачивания частей, т.-е. принять ту систему, которая нами принята в тервойсках.

В соответствии с этим проект генерала Нолле предусматривает организацию учебных центров или строевых частей, на которые должна быть возложена задача по обучению и военной подготовке.

Учебный центр (строевая часть) должна быть организована по типу, максимально приближающему его к полку или сходному соединению военного времени. Учебный центр составляется из учебных и маневренных единиц. В то время как в учебные единицы поступают необученные новобранцы и проходят там обучение, начиная

с обучения одиночного бойца, маневренные единицы укомплектовываются солдатами, уже прошедшими первый цикл обучения. Маневренные единицы в необходимых случаях, например, при внешней опасности, могут сводиться в маршевые части, однотипные аналогичным соединениям военного времени.

Строевые соединения, обладая частями, вполне подготовленными в военном отношении, составляют часть армии, всегда готовую к выполнению задач, к которым может призвать их государство в мирное время (борьба с волнениями, охрана границ и т. д.). На время учебных сборов запасных, по проекту генерала Нолле, создаются временные соединения, применительно к штатам военного времени, при чем обучение запасных производится преимущественно в лагерях или на маневрах.

Только при соблюдении вышеуказанных условий возможно по проекту генерала Нолле сократить срок действительной военной службы до одногодичного.

Сторонники сокращения срока службы в подтверждение своей точки зрения приводят пример современной промышленности. С развитием техники и разделением труда до простейших функций (фордизм) выучка отдельных рабочих крайне упростилась. И, например, у Форда новый рабочий в 2—3 дня вполне овладевает порученным ему делом. В военном деле это разделение труда существовало в широких размерах и раньше, в настоящее же время с развитием военной техники и дальнейшей детализацией разделения труда выучка отдельного бойца может быть значительно сокращена. Например, если взять эпоху гладкоствольного ружья, заряжаемого с дула, и современную винтовку, то техника стрельбы из последней значительно упростилась и требует для обучения меньше времени. То же самое можно сказать и в отношении 75-*мм* пушки.

Противники сокращения срока действительной военной службы, наоборот, утверждают, что с развитием техники как боевая выучка, так и сам бой несравненно осложнились и доказывают невозможность подготовки бойца в настоящих условиях в более короткий срок, чем это имело место раньше. По их мнению, чем совершеннее и многочисленнее материальное снабжение войск, тем труднее их подготовить.

Сокращение срока службы можно мотивировать разными иными соображениями, но только не большой легкостью подготовки при современных условиях. Эти другие мотивы, не обусловленные требованиями необходимой профессиональной выучки бойца, при решении вопроса о сокращении сроков службы имели во Франции решающее влияние. Для населения в мирное время наиболее приемлем короткий срок службы; к чему это приведет во время войны—обыватель не любит задумываться.

Правительство в борьбе с политическими врагами, стремясь удержать власть в своих руках, тоже поступается интересами армии. Иллюстрацией последнему служит заявление Фабри:

„Фабри говорит, что он семь лет присутствует при жестокой дуэли между генеральным штабом и правительством. Генеральный штаб, ответственный за техническую сторону обороны страны, руководствуется стратегическими мотивами, и с этой точки зрения исчисляет размер постоянной армии. Правительство борется, по причинам политики — внутренней и внешней — за уменьшение срока службы и пренебрегает профессиональными требованиями армии" [1]).

В связи с установленным в марте месяце 1927 года сроком действительной военной службы в 1 год, в целях обеспечения необходимого индивидуального обучения и подготовки частей, принят ряд мер, как-то:

1) Войсковые части разгружены от обязанностей по подготовке и проведению мобилизации и административного обслуживания и учета резервистов.

2) В виду того, что призывной контингент вливается в армию в два приема, что значительно отражается на общем состоянии части и загружает инструкторский состав, признано необходимым расчленение войсковой подготовки на: а) индивидуальную подготовку — в центрах обучения, и б) коллективную подготовку — в маневренных соединениях.

3) Войсковые части доведены до численности, обеспечивающей боевую подготовку их в обстановке, возможно более приближающейся к военной, то-есть войсковым частям обеспечена маневроспособность; это будет достигнуто путем сокращения числа войсковых соединений (дивизий и полков) и укомплектования частей до полного штата.

4) Упразднена система временных прикомандирований личного состава и он освобожден от несения службы во вспомогательных частях, управлениях и учреждениях путем замены военнослужащих вольнонаемными чиновниками и рабочими. Число вольнонаемных и чиновников увеличено до 100.000 человек.

5) Устранена текучесть, как переменного, так и постоянного состава армии.

6) Увеличено число сверхсрочнослужащих („профессиональных военных"). Число „профессиональных военных" должно быть доведено до 150 000 человек.

Таким образом, мы видим, что сокращение срока службы обусловлено целым рядом мероприятий, которые должны обеспечить необходимую подготовку. Насколько эти мероприятия оправдают себя, покажет сама жизнь.

Необходимость осторожного подхода в оценке годичного срока действительной военной службы находит подтверждение в выводах о подготовке запаса во Франции.

---

[1]) С. К. Добророльский — „Милиционное строительство на Западе", стр. 54.

В 1927 году во Франции были проведены повторительные сборы запасных срока службы 1920 года, прошедших под знаменами полуторагодичный срок службы. По имеющимся к настоящему времени сведениям о проведенных сборах дается следующий вывод.

Практика показала почти полное отсутствие военных знаний у призванных офицеров запаса и, в особенности, у рядового состава. Вследствие этого признается необходимым ставить во главе частей, укомплектованных запасными, известное количество кадровых офицеров, вливая остающийся излишек запасных офицеров в кадровые части.

Стрельбы на расстояние 200 *м* показали чрезвычайно неудовлетворительные результаты, почему выдвигаются предложения начинать стрельбы с 50 *м*, затем перейти к 100 *м* и т. д. Отпуск огнеприпасов должен был увеличен.

Бюджетные ассигнования на повторительные сборы запасных возросли с 13 миллионов франков в 1926 году до 101 с лишним миллионов франков в 1927 году.

В дальнейшем, в связи с сокращением срока действительной службы следует, как и для допризывной подготовки, ожидать значительного расширения масштаба этого дела.

Исходя из результатов повторных сборов этого года, следует отметить, что термин „обученный запас“ является весьма условным. Если же принять во внимание, что запасные призыва 1920 года проходили полуторагодичный срок службы, то надо ожидать, что с проведением в жизнь одногодичного срока действительной военной службы боевая подготовка запаса должна понизиться еще больше.

Несмотря на все принятые меры по рационализации дела подготовки, все же введенный одногодичный срок действительной военной службы создает значительные затруднения на пути к подготовке бойца, стоящего на уровне требований современных армий.

В то же время постоянная армия Франции обнаруживает сильную тенденцию к абсолютному и относительному усилению своей наемной части. Вооруженный народ не всегда явится послушным оружием в руках буржуазного правительства,— наемная армия надежнее. Наглядно это перерастание французской армии в наемную видно из нижеприведенной примерной численности ее по новой организации.

1. „Профессиональные военные“	ок.	106.000 чел.
2. Обученные рекруты	„	60.000 „
3. В центрах обучения	„	150.000 „
4. Подвижной корпус	„	40.000 „
5. Вольнонаемные чиновники и рабочие	„	100.000 „
6. Колониальные войска	„	190.000[1]) „
7. Иностранные войска	„	20.000[1]) „
Всего	ок.	666.000 чел.

[1]) В том числе „профессиональных военных“ 44.000 чел.

Обученные рекруты и в центрах обучения составляют лишь 31,5%.

Если мы обратимся к другим государствам с общеобязательной военной службой, то увидим то же стремление к дальнейшему сокращению действительной военной службы.

Италия по окончании войны сократила срок действительной военной службы до $1^1/_2$ лет. В 1920 году (декрет № 452 от 20 апреля) был поднят вопрос о сокращении срока действительной военной службы до 8 месяцев, а для некоторых категорий льготников — до 3 месяцев, но в жизнь проведен не был. В 1924 году вопрос о сокращении срока действительной военной службы был поднят вновь, но также не разрешен и стоит на очереди в настоящее время.

Практически, по бюджетным соображениям, полуторагодичный срок службы часто сокращается и иногда очень сильно — до 5 месяцев.

Польша имеет двухгодичный срок действительной военной службы.

С целью пропуска через кадры всего призывного контингента Польша фактически отступила от установленного законом о всеобщей воинской повинности двухгодичного срока службы, сократив его до $1^1/_2$ лет для некоторых родов войск. Этому сокращению подверглись сроки службы в пехоте, артиллерии (кроме конной), санитарных, интендантских и обозных войсках. Прием в армию новобранцев в пехоте, санитарных и интендантских войсках производится два раза в год, примерно, по 50% общей численности новобранцев, в период около 1 октября и 1 апреля.

В артиллерии (кроме конной) и обозных войсках призыв производится один раз в год, но ежегодно около 50% рядового состава каждого возраста, прослужившего один год, увольняется на 6 зимних месяцев в отпуск, после чего возвращается в части для дослуживания. Остальные 50% служат 18 месяцев непрерывно.

Указанная система комплектования, при сокращении на полгода срока службы против установленного, дает возможность содержать под ружьем не два, а только полтора контингента. А это в свою очередь дает возможность призыва большего, сверх бюджетной нормы, числа новобранцев, т.-е. пропуска через армию и тех новобранцев, которые при двухгодичном сроке службы должны были оставаться в излишке.

В настоящее время, в целях сокращения бюджета, в Польше возник вопрос перехода к одногодичному сроку службы с тем, чтобы при уменьшенном бюджете все же пропустить через армию призывной контингент полностью.

Путь наших терформирований для Польши в силу классового господства буржуазии совершенно закрыт. Но выход из тягчайшего финансового положения страны, где до 34,5% бюджета падает на армию, приведет несомненно к дальнейшему сокращению сроков службы

при явном ущербе для боевой подготовки, но с выигрышем в бюджетном отношении.

В Финляндии, имеющий одногодичный срок действительной военной службы, вопрос о его сокращении подымается уже в течение нескольких лет и находится в связи с сокращением расходов на армию. Противодействие правых партий откладывало разрешение этого вопроса, и только теперь с.-д. правительством создана комиссия по разработке проекта сокращения действительной военной службы на три месяца, т.-е. с 1 года до 9 месяцев.

Ниже приводится схема послевоенных сроков службы (см. диаграмму 2) и сравнительная таблица сроков службы до и после войны 1914—1918 гг.

Сравнительная таблица сроков службы.

Страны	Действительная военная служба		Общий срок военной службы	
	До войны	После войны	До войны	После войны
Франция	3	1	25	28[1])
Италия	2	1½	19	19
Япония	2	2	20	20
Румыния	3	2	20	29
Польша	—	2	—	29
Финляндия	—	1	—	30

При этих сроках службы численность населения, пропускаемого через ряды войск, видна из следующей таблицы:

Страны	Призывной контингент	Число годных	Число зачисляемых в армию	Остающиеся в излишке
Франция	360.000	250.000	250.000	—
Польша	288.000	190.000	140.000	50.000[2])
Италия	500.000	360.000	200.000	160.000
Япония	550.000	270.000	110.000	160.000
Финляндия	35.000	24.500	22.500	2.000
Румыния	180.000	140.000	120.000	20.000

Из этой таблицы видно, что наиболее успешно с задачей обучения всего годного к военной службе населения справляются Франция, Польша и Финляндия.

Система службы во Франции, при большой численности ее кадровой армии и малочисленности призывного контингента, полностью

[1]) Поднят вопрос об удлинении срока военной службы до 60-летнего возраста, т.-е. продолжительностью в 40 лет.

[2]) Фактически проходят обучение, что достигается досрочным увольнением.

поглощает весь призывной контингент годного и даже условно годного к военной службе населения. Задача обучения излишков во Франции совершенно отсутствует. Вопрос сокращения сроков службы там стоит лишь в плоскости экономии интересов населения.

Почти у всех государств остаются излишки граждан, годных к военной службе, не зачисленные в войска. Подготовка этих излишков занимает серьезное внимание. В то же время необходимой предпосыл-

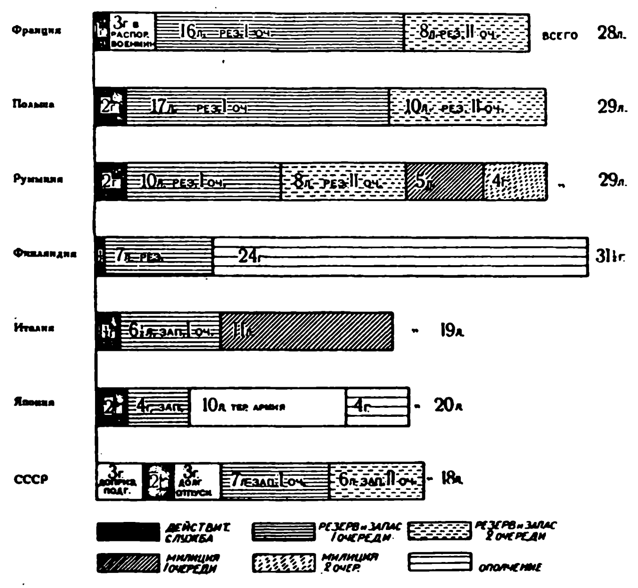


Диаграмма 2. Сравнительные сроки службы в различных странах после войны 1914—18 гг.

кой сокращенных сроков службы является допризывная подготовка, являющаяся первым камнем в деле обучения военному делу. Так называемая „военизация населения“ быстро прогрессирует во всех государствах, как с постоянными, так и с наемными армиями.

В странах с общеобязательной военной службой на милиционных началах сроки службы остались прежними. Но, как уже указывалось выше, существующие сроки по опыту вооруженного нейтралитета Швейцария считает недостаточным, и поднимается вопрос о повышении срока рекрутских сборов до 4 — 6 месяцев.

Генерал У. Вилль откровенно признает, что швейцарская армия не была на высоте своего назначения и предлагает[1]):

Продолжительность первоначальной подготовки в рекрутских школах должна быть повышена до четырех, еще лучше — до шести месяцев. Удлинение срока обучения неизбежно, принимая во внимание новые требования одиночного обучения: более высокая физическая тренировка, фехтование на штыках, метание ручных гранат, умение всех бойцов обращаться с пулеметом так же искусно, как и с винтовкой, искусство пользования местностью, самостоятельность в бою, укрепление позиций, разнообразная служба связи. Если курс рекрутских школ не будет удлинен, то ничем другим, кроме одиночной подготовки бойца и элементарной боевой ячейки, заняться будет некогда; в противном случае неизбежна та „проклятая поверхностность" обучения, которая составляла характерную черту швейцарских войск перед войной.

За время пребывания военнообязанного в рекрутской школе командный состав имеет возможность познакомиться со своими подчиненными, и это единственный случай составит о каждом из них определенное мнение для всей последующей их службы. Поэтому нужно использовать это знакомство в интересах армии и связь между солдатами и начальниками, достигнутую в этих школах, сохранить на дальнейшее время службы, т.-е. чтобы тактические единицы армии формировались без новой перетасовки школьных групп и их инструкторов.

Если мы обратимся к сравнению расходов до и после войны, то получим:

Страны	Процент расхода на армию по отношению к общегосударственным расходам.	
	До войны	В 1927/28 г.
Франция.	37	24,68
Румыния.	26	20,7
Италия.	25	25 (1926 г.)
Япония	28	38 (1926 г.)
С.-А. С. Ш. . . .	38	22 (1925 г.)

Хотя в приведенной таблице % военных расходов по сравнению с довоенным и понизился, но нужно учитывать, что увеличились общегосударственные расходы и абсолютная цифра расхода на армию по сравнению с довоенной увеличилась. Помимо этого все государства несут расходы, непредусмотренные сметой, по допризывной и вневойсковой подготовке — военизации населения.

[1]) С. Добророльский.—„Швейцарская армия в мировую войну".

Тяжесть службы для населения видна из нижеприведенной таблицы:

Страны	% отношения армии к населению	% принимаемых призывников к населению	% принятых в армию к призывному контингенту
Франция . . .	1,5	0,62	70
Польша	1	0,5	50
Румыния.	0.95	0.7	66
Япония . . .	0.45	0,2	20
Италия.	0.92	0.5	40
Финляндия. .	0,94	0,6	63

Если сравнить эти проценты с довоенными (стр. 82), то здесь большой разницы мы не найдем. Принимая во внимание значительное сокращение срока службы, нужно признать, что для населения выполнение военной службы облегчилось.

(Продолжение следует).

ГИРШФЕЛЬД

ПОДГОТОВКА СОЮЗА К ОБОРОНЕ И РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сложность осуществления мероприятий по подготовке страны к обороне, главным образом, заключается в том, что здесь первенствующую роль должна играть та или иная степень реальности в предвидении. Как в деле составления оперативных планов учет элементов, из коих слагается обстановка будущего, совершенно необходим, так и в деле подготовки народного хозяйства и государственного аппарата это положение является непременным условием; тут необходимо иметь в виду крайнюю важность того, чтобы обстановка будущего в определенных контурах рисовалась идентично и стратегу и руководителю хозяйственной жизни страны. При ином положении может получиться разрыв между стратегическим размахом и степенью допустимого напряжения народного хозяйства.

Планирование народного хозяйства мирного времени должно включать в себе, как в годовых, так и перспективных планах, элементы учета нужд обороны.

Само собою разумеется, что такая подготовка должна носить и носит целеустремленный характер: она имеет в виду, в условиях военного времени, обеспечить известное количество продукции определенных отраслей народного хозяйства; иначе говоря, уже в подготовке мирного времени кроются элементы разрозненного и часто несовершенного учета народно-хозяйственной обстановки военного времени.

Тот элемент предвидения, который играет важную роль, составляет основу нашего планового хозяйства, облегчает народному хозяйству Союза и предусмотреть некое отклонение от мирного хозяйствования,— планомерным путем приспособить народное хозяйство к удовлетворению запросов военного времени.

В этом наше громадное преимущество перед вероятными противниками. Среди материалов для составления планов и войны в хозяйственном отношении и первого подхода к нему первое место здесь занимает исследование состояния и перегруппировок производительных сил под влиянием войны.

В зарубежных странах исследованию в вопросах подготовки страны к войне отводится почетное место. В условиях капиталистического хозяйства и малого удельного веса в народно-хозяйственной системе государственного хозяйства, при наличии враждебных друг другу частных хозяйственных об'единений, подготовка народного хозяйства к нуждам войны приобретает большую сложность; противоречие

между интересами крупной и мелкой буржуазии в этой области служит сильнейшим тормозом в работах генеральных штабов в капиталистических странах. Однако, блестящая постановка исследовательской работы в капиталистических странах и привлечение к этому делу научных сил во всех отраслях знания помогает буржуазным государствам интенсивно подготовлять новую войну.

I.

Если мы обратимся к Франции, то увидим следующее: подготовкой войны и использованием для этой цели всех ресурсов страны ведает Высший совет национальной обороны. При Высшем совете национальной обороны находится постоянный генеральный секретариат и комиссия изучения. Нас интересует эта последняя и на ней мы остановимся подробнее.

Комиссия изучения имеет две части: часть представительную и часть рабочую, состоящую из высококвалифицированных специалистов. Комиссия изучения делится на пять секций: 1 — ведения войны; 2 — организации нации во время войны; 3 — транспорта и связи; 4 — производства и снабжения; 5 — авиации.

Первая секция, по всей вероятности, изучает вопросы ведения войны с точки зрения использования международных связей Франции для получения финансовой поддержки, а также работает над увязыванием оперативных планов с состоянием народного хозяйства во время войны; **вторая** секция занимается вопросами использования живой силы Франции в военное время и является в этой области инициатором законодательных предположений. Секции **транспорта и связи**, **производства и снабжения**, исходя из требований, пред'являемых войной к этим отраслям хозяйства, изучают мероприятия, которые должны быть приняты еще в мирное время для безболезненного их перехода к функционированию в обстановке военного времени; кроме того, эти секции являются, повидимому, экспертами в деле подготовки всего народного хозяйства к нуждам обороны.

Необходимо отметить одну чрезвычайно важную область исследовательских работ, которая почти не затронута у нас, — это вопрос относительно учета интересов обороны при проведении работ по электрификации.

Руководитель генерального секретариата Высшего совета национальной обороны генерал Серриньи неоднократно останавливался в своих статьях и выступлениях на сырьевой проблеме вообще и топливных ресурсах в частности. Например, в одной из своих статей он пишет: „Самое несовершенное оружие остается неподвижным, если недостает материалов, которыми оно работает... эти кропотливо подобранные механизмы не проявляют признаков жизни до тех пор, пока они не будут достаточно снабжены зерном, железом, керосином,

хлопком, медью, углем, нитратами; обладание всеми этими элементами так же необходимо в войне будущего, как кислород человеку. Народ, производящий их в изобилии, как Соединенные Штаты, народ, который благодаря своему морскому превосходству уверен в их получении, как Англия, может ничего не боятся в этом отношении. Вопросы снабжения для них не существуют... Нам необходимо избавиться от зависимости от заграницы в сырье; надо обследовать наши недра, развивать белый уголь“.

Внимание к вопросам электрификации об'ясняется тем, что топливный баланс Франции является дефицитным [1]).

В осуществлении плана электрификации ярче всего сказывается анархическая природа буржуазного хозяйства, когда частно-хозяйственные интересы не могут быть согласованы с задачей рационального использования энергетических ресурсов страны. Точно также интересы обороны отходят на задний план в тех случаях, когда являтся необходимость вложения капиталов в сомнительной рентабельности или явно бездоходные предприятия. Хорошим примером в этом отношении может служить проведение электрификационной сети в разрушенных войной северных промышленных округах. Несмотря на необходимость постройки сети, как с точки зрения чисто экономической, так и с точки зрения интересов обороны, частный капитал не принял почти никакого участия в этих работах, и они прошли за счет государства.

В условиях планового хозяйства согласование плана электрификации с интересами обороны представляется задачей более осуществимой; исследовательская работа в этой области должна протекать с максимальной интенсивностью.

Буржуазным правительством Франции организованы для разработки научных проблем, связанных с подготовкой к войне, группы технического изучения из офицеров резерва (специально для подготовки мобилизации промышленности).

Задачей группы, как указано в п. 1 положения о ней, является оказание содействия французскому правительству в деле приспособления экономики к обороне. Интересно отметить, что над этой группой технического изучения шефствует целый ряд организаций: тор-

[1]) В 1913 г. потребление Франции составляло около 64 млн. *т* угля, дефицит в угольном балансе равнялся 24 млн. *т* или 37,5% потребления; угольный же баланс Франции составляет основу всего ее топливного баланса; на долю угля приходится 83,4% всего топлива, потребленного Францией в 1913 году. Во время войны, вследствие разрушения рудников района Па-де-Кале, топливный баланс Франции резко ухудшился. В 1920 г. Франция ввозила уже около 50% ее потребления, которое упало до 50 млн. *т*. Угольный кризис достиг чрезвычайной остроты, вследствие чего распределение угля было подвергнуто жесткому государственному регулированию. В то же время привозный уголь — английский и американский — имелся на рынке по ценам, достигавшим 450 франков за *т*, тогда как себестоимость *т* французского угля была около 100 франков. Такое положение чрезвычайно усложняло ведение топливного хозяйства и вызывало его дальнейшее расстройство. Недостаток собственного угля все время держал Францию в экономической зависимости от союзников.

говые палаты, общества по сельскому хозяйству, коммерческие и промышленные федерации и об'единения, синдикаты и ассоциации инженеров.

Группа делится на пять комиссий с задачами:

1. Пропаганда и популяризация военно-технических знаний и и связь со всякими об'единениями офицеров разерва.

2. Изучение вопросов приспособления производительных сил к нуждам обороны с точки зрения правовой и законодательной; подготовка административно-интеллектуальной и моральной мобилизации.

3. Подготовка научной мобилизации, научные изыскания, связь с научными лабораториями.

4. Изучение вопросов: сельско-хозяйственных, коммерческих и промышленных, а также вопросов сырья и питания.

5. Изучение вопросов, связанных с транспортом: воздушным, железнодорожным, речным и морским; мобилизация всех видов транспорта.

Работы комиссии протекают по двум направлениям: с одной стороны—по заданиям генерального секретариата Высшего совета национальной обороны, с другой — по собственной инициативе. По поручению генерального секретаря выполняются следующие задания: 1) по изучению узких мест промышленности (одна работа по черной, другая—по цветной металлургии); 2) изучение вопросов, связанных с мобилизацией рабочей силы; 3) о роли офицеров резерва в деле подготовки мобилизации промышленности; 4) об организации воздушной пропаганды; 5) по питанию и т. д.

Генеральный секретариат дает поручения группе технического изучения и по проработке ряда новых вопросов.

По инициативе группы изучения были проработаны следующие вопросы:

1. Защита гражданского населения против воздушно-химического нападения.

2. Обсуждение и проработка проекта закона об общей организации нации и страны во время войны.

3. Вопросы мобилизации сельского хозяйства.

4. О пропаганде за границей.

5. Изучение материалов по мобилизации промышленности САСШ.

6. Изыскания в области мобилизации торгового флота.

Судя по спискам лиц, руководящих работой групп технического изучения, деятельность которых в целом направляется генералом Серриньи, можно полагать, что вопросы, намеченные к изучению, прорабатываются глубоко и с полным знанием дела. Для постоянной связи с Высшим советом национальной обороны группа технического изучения выделяет из состава своего президиума постоянного представителя, через которого генеральным секретарем даются задания и под-

держивается тесная связь. Таким образом, несколько сотен высококвалифицированных научных работников занимаются изысканиями в самых разнообразных областях подготовки страны к обороне.

II.

Вопросам исследовательской работы в области подготовки страны к обороне в СССР, с привлечением широкой советской общественности, занимается научно-исследовательская секция Центрального Совета Общества содействия обороне.

Обобщающие выводы из истории войны 1914—1918 гг. и гражданской, могут быть сделаны лишь в том случае, если вся масса подлинных архивных материалов (материалы ведомств, указания правительства, статистические материалы, сводки и т. д.) будет систематизирована, об'единена одной общей, направляющей тенденцией и приведена в вид, позволяющий сделать как по отдельным отраслям народного хозяйства, так и о состоянии народного хозяйства в целом практические выводы и заключения; последние могут и должны быть использованы в повседневной работе по подготовке страны к обороне.

В первую очередь научно-исследовательская секция поставила себе задачей уяснить вопрос о том, какие же материалы имеются в русской и иностранной прессе по вопросам:

а) влияния войны на народное хозяйство по опыту войны 1914—1918 гг. и гражданской войны;

б) по вопросам современной подготовки народного хозяйства к нуждам обороны.

Эта задача была частично выполнена изданием библиографического справочника „Народное хозяйство и война".

Далее Центральный Совет Осоавиахима в лице своей научно-исследовательской секции организовал серию исследований по изучению опыта приспособления народного хозяйства к потребностям обороны:

1) Исследование „Мировая война и народное хозяйство России в 1914—18 гг." даст нам ряд монографий, исследующих важнейшие отрасли народного хозяйства и их эволюцию в период 1914—18 гг.

2) Исследование „Гражданская война и народное хозяйство Советской России" преследует цель приведения в систематизированный вид опыта гражданской войны, мало еще исследованной в указанном отношении.

3) Исследование „Оборона и народное хозяйство СССР" должно дать ряд монографий, относящихся к основным теоретическим проблемам экономической подготовки в условиях СССР.

4) Исследование опыта иностранных государств.

Все исследования должны представлять собою единое целое, исходя из возможности максимального использования всего исследования для текущих нужд обороны.

Первые два исследования, исходя из общих принципов и целеустановки данного исследования в целом, должны дать ответы на следующие вопросы:

1) Общее освещение состояния данной отрасли народного хозяйства со стороны конкретных фактов, как-то: а) материальные ресурсы (наличие запаса, источники и методы их собирания); б) рабочие руки; в) степень воздействия государственного регулирования; г) формы государственного регулирования; д) критика последних.

2) Оценку состояния народного хозяйства, обусловленную самым фактом войны и революции и вытекавшей отсюда необходимости соответствующих мероприятий государства.

3) Выявить влияние империалистической войны, революции и гражданской войны на данную отрасль народного хозяйства и дать критический анализ процессов, происходивших под действием регулятивного вмешательства и хозяйственной необходимости, обусловленной общим состоянием народного хозяйства.

4) Описать и проанализировать систему руководства и регулирования в данной отрасли народного хозяйства.

5) Дать критику методов и последствий регулирования для народного хозяйства с точки зрения хозяйственной целесообразности и эффективности.

6) Дать оценку состояния народного хозяйства к концу империалистической и гражданской войны и вытекавших отсюда задач для государственной власти.

Эти задачи исследования, в применении к конкретному материалу той или иной отрасли должны варьироваться в соответствии с характером темы.

Организация исследования построена таким образом, чтобы вовлечь возможно большее количество участников в разработку отдельных проблем. К сегоднешнему дню секция уже располагает рядом выполненных работ, относящихся к исследованию опыта империалистической войны. Поступление главной массы работ ожидается в начале предстоящего года. Однако, эта большая работа не могла бы быть достаточно хорошо организованной, если бы секция не располагала для этого исследования специальными рабочими органами — редакционными комиссиями постоянного характера и надлежаще сконструированными для того, чтобы обеспечить углубленное изучение указанных выше проблем под специальным углом зрения. Общее координирование работ секции по изучению вопросов экономики войны возложено на редакционную коллегию. Помимо организации специальных аппаратов по руководству исследованием, в целях учета мнений по ряду основных вопросов со стороны научных и общественных организаций и широкой критики исследования, организуются и проводятся специальные заседания научно-исследовательской секции.

Несмотря на такую постановку исследования, последнее, конечно, не исчерпывает вопроса полностью; давая связную общую картину, это исследование должно вскрыть слабые места во всей системе народного хозяйства, и на них уже особенно сосредоточивать в дальнейшем внимание, углубляя отдельные вопросы в степени, диктуемой важностью каждого из таких вопросов.

Этот первый почин в области исследования не может и не должен остаться единственным. Директива партии об укреплении обороноспособности Союза должна найти широкое отражение в работах всех исследовательских и научных учреждений, которые по роду своей деятельности могут в той или иной мере содействовать делу обороны ервого советского государства.

А. ШИПЕК

ПРОБЛЕМА МЕТАЛЛА В РОССИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Мировая война внесла значительные изменения в область производства и в состав продукции металлопромышленности, усугубившееся еще тем, что из состава русской металлопромышленности вышли польские заводы, производство которых составляло по отношению к общему производству в стране: 9% по чугуну, 12% для полуфабриката и 11% готовых продуктов железа и стали.

Условия военного времени создали целый ряд затруднений не только в отношении самой металлургической промышленности, но и для обслуживающих ее различных отраслей промышленности, снабжающих металлозаводы сырьем, топливом и другими материалами, необходимыми для производства. Недостаток рабочей и технической силы, ушедшей с предприятий по мобилизации, и ухудшение качественного состава новой, расстройство ж.-д. и гужевого транспорта — все эти причины обусловливали значительное сокращение в 1914—16 гг. выплавки чугуна по сравнению с нормой довоенного года.

В связи с войною резко изменился и спрос на черные и цветные металлы. Спрос на рыночные сорта металлов упал, но зато возросла потребность в сортах металла, идущих на изготовление средств обороны. Доминирующую роль в потреблении металла, вместо широкого рынка, начало играть само государство в лице предприятий, работающих на оборону и получавших металл в первую очередь для этих работ.

Внешний товарообмен также внес значительные изменения в состав металлопродукции. Вывоз железа и стали за границу сократился, и в импорте главное положение заняли предметы обороны, а не продукты, удовлетворяющие потребности мирного обихода.

Обстоятельства военного времени вызвали необходимость вмешательства государственной власти в область не только распределения, но и производства металлопродуктов. Являясь основным покупателем металлов, государство должно было заняться и регулированием металла для разных групп потребителей и распределением его между ними.

В течение 1914/15 г. связанные с войной факторы продолжали оказывать свое неблагоприятное влияние на металлопромышленность, и лишь в средине 1916 года ей удалось приспособиться к новым условиям. Таким образом, нужен был 2-годичный срок, чтобы окончательно перейти на военизированные производства при минимальном производстве продуктов широкого рынка.

В связи с этим выплавка чугуна отставала от нормы довоенного времени, но постепенно повышалась по сравнению с предыдущим военным годом. Так, например, выплавка чугуна за 1916 г. по отно-

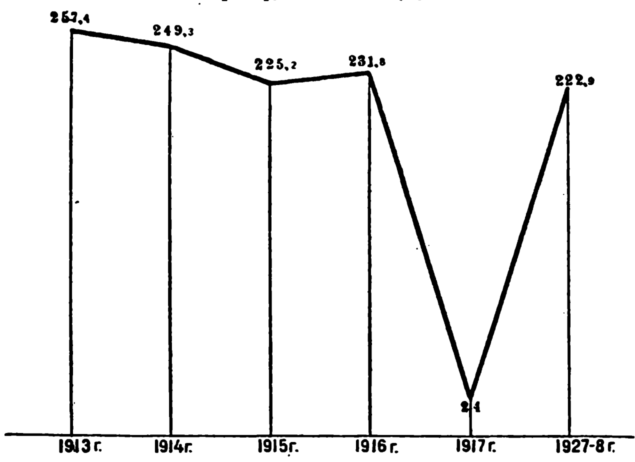


Диаграмма 1. Выплавка чугуна в России (в млн. пуд.)

шению к 1915 г. увеличилась на 3%, но от нормы 1913 г. отстала на 10%.

По годам выплавка чугуна составляет:

Годы	1913	1914	1915	1916
Выплавка в млн. пуд.	257,40	249,32	225,29	231,86

Число действующих доменных печей, достигавшее 115, во время войны сокращалось, уменьшившись в 1916 г. на 25 доменных печей.

В связи с уменьшением выплавки чугуна возрастает количество переплавки металлического лома. Так, в 1913 г. по всем металлическим заводам России было отпущено железного лома в пределах 91 млн. пуд., а в 1916 г.—100 млн. пуд., т. е., примерно, на 10% более.

В области металлопродукции изменения, вызванные войной, сводятся к следующему:

Прокат и сталь. Прокатные изделия разбиваются на следующие группы: 1) предметы железнодорожного спроса, 2) строительного спроса, 3) фабрично-заводского спроса, 4) рыночного спроса.

По прокату имеем следующие понижения производства (в млн. пуд.)

	1913 г.	1916 г.
Балки и швелера	16 7	5,4
Кровельное железо	24,6	10,2
Итого строит. железа . . .	41,3	15,6

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Рельсы ж.-д.	53,9	40,1	32,2	21,3
Бандажи	3,1	4,7	5,7	4,7
Оси . . .	1,2	1,5	1,8	1,5
Рельсы город.	0,7	—	—	0,2
Итого ж.-д. продукции .	58,9	—	—	27,7

	1913 г.	1916 г.
Сортовое железо	69,7	67,3
Рессорная и пружинная сталь . .	0,8	0,5
Итого железа для рын.спроса .	70,5	67,8

	1913 г.	1916 г.
Проволока	15,6	15,9
Мостовое железо . .	25,2	22,8
Спец. железо	3,2	5,7
Рудничные рельсы	2,7	3,6
Инструментальная сталь	0,3	0,5
Итого фаб.-зав.спроса . . .	47,0	48,5

	1913 г.	1916 г.
Сталь (цементная)	2,7	24,6
Болванки и др. железо	17,4	21,7
Итого . . .	20 0	46,3
Всего . . .	237,8	206,0 млн. пуд. стали.

Из общей потребности в катаной проволоке, составляющей 22 млн. пуд. (1916 г.), для колючей проволоки требовалось 18,2 млн. пуд. (85% общей потребности); 1 млн. пуд. требовалось для почтово-телеграфного ведомства, 100 000 пуд. для путей сообщения и 2 млн. пуд. для гвоздильных заводов. Нужды обороны превалировали над потребностью рынка, сокращался спрос на предметы сельского хозяйства, городского благоустройства и второстепенных отраслей промышленности.

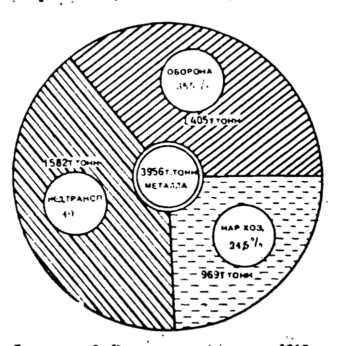


Диаграмма 2. Распределение стали в 1916 г.

Строительное железо и сортовой металл шли на нужды судо-

строения, на усиление строительства военных заводов и на расширение частных заводов, приспособленных к работам на нужды обороны.

Потребление железа и стали (в млн. пуд.) 1916 г. выразилось в следующем:

	Военвед	Ж.-д. транспорт	Промыш. потребление	Частный рынок	Всего
Ж.-д. рельсы	—	55,2	—	—	55,2
Пол. рельсы	1,1	—	—	—	1,1
Оси	—	2,7	—	—	2,7
Бандажи	—	2,9	—	—	2,9
Шпалы	0,8	—	—	—	0,8
Стрелки	—	3	—	—	3
Скрепления	0,2	13,5	—	—	13,7
Балки и швелера	—	2,6	—	2	4,6
Кровельное железо	—	—	—	14	14
Сортовое железо	3,6	7,6	4,1	18	33,3
Разные металлы	19,4	4,6	—	2	26
Снаряд. заготовки	30,2	—	—	—	30,2
Листовое железо	—	0,6	6	2	8,6
Проволока	18,2	0,1	2	—	21,3
Чугун	4	2,8	3,7	10	20,5
Жесть	3,4	—	—	—	3,4
Итого	80,9	95,6	15,8	48	241,3

Промышленное потребление в 1916 г. складывается следующим образом:

	Нефтепромышленность	Гвоздильное производство	Машиностроение	С.-х. машиностроение
Лист. металлы	6	—	—	—
Проволока	—	2	—	—
Сортовое железо	—	—	1	3,1
Чугун	—	—	1	2,7
Всего:	15,8 млн. пуд.			

Потребность военведа распределяется (1916 г.):

	Главн. арт. управл.	Военно-тел. управл.	Интенд. управл.	Судостроение
Снарядн. сталь . .	30,2	—	—	—
Жесть .	0,9	—	2,4	0,1
Проволока . .	—	18,2	—	—
Разн. металлы .	—	9,2	9	1,2
Пол. рельсы .	—	1,1	—	—
Шпалы .	—	0,8	—	—
Скрепления .	—	0,2	—	—
Чугун .	—	—	—	4
Сортов. металл	—	—	—	3,6
Всего: . .	31,1	29,5	11,4	8,9

80,9 млн. пуд.

Внутреннее производство в 1916 г. по металлопродукции сложилось следующим образом:

Строительное железо. Производство строительного железа во время войны (в млн. пуд.) составляло:

	1913 г.	1915 г.	1916 г.	% сокращения
Балки и швелера . . .	16,67	10,08	5,44	в 3 раза
Кровельное железо	23,50	18,23	10,2	в 2,5 раза

Железнодорожный транспорт:

Рельсы	35,93	32,2	21,3
Бандажи	3,14	5,6	4,7
Оси	1,2	1,8	1,5

Производство железнодорожных материалов уменьшилось в связи с общим недостатком черного металла, но потребность в железе и стали увеличилась до 95,6 млн. пуд., т.-е. составляла 39% всей потребности страны в черном металле.

Производство сортового металла за время войны сократилось незначительно. До войны сортовой металл обслуживал, главным образом, потребности частного рынка, удовлетворяя нужды населения в разных изделиях мирного обихода.

За время войны значительно увеличилось производство снарядной стали.

В 1913 г. цементной стали было произведено 44 тыс. тонн, в 1916 г. производство поднялось до 403 тыс. тонн, что шло на производство снарядов, достигшее в 1916 г. на 10 южных заводах свыше 12 млн. снарядов в год, а всего во всей стране около 30 млн. снарядов в год.

Что касается ввоза различных изделий, то он составлял (в тыс. пуд.):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Стальные изделия	2.310	1.721	1.613	3.628
Проволока и инструменты .	1.940	1.524	3.229	4.200
Чугун и машинные изделия .	19.096	14.735	2.818	5.620
Вагоны ж.-д. в шт.	247	150	380	—
Судов единиц	116	109	92	58

Потребность в черном металле в 1916 году была исчислена в 241,3 млн. пуд., из коих 35,5% падает на военные нужды, 40% (96,6 млн. пуд.)—на нужды железнодорожного транспорта и почто-телеграфа; таким образом, для прочих нужд страны оставалось лишь 24,5% (63,8 млн. пуд.) свободного металла.

Понятно, что всякое сокращение производительности заводов должно было повести к дальнейшему сжатию отпуска на широкий рынок, и в действительности к концу 1916 г. работа многих заводов на широкий рынок упала до 4%—2% и даже до 0%.

Цветные металлы. Мировая выплавка цветных металлов по своим размерам далеко уступает выплавке черных металлов. В то время как мировая выплавка чугуна составляла в довоенное время свыше 70 млн. тонн в год, ежегодная мировая выплавка цветных металлов (медь, свинец, цинк) колебалась около 1 млн. тонн по каждому металлу в отдельности, выплавка же прочих цветных металлов была гораздо ниже.

Несмотря на скромные размеры выплавки и потребления отдельных цветных металлов, роль их в современной технике и во всем хозяйственном обиходе очень велика. Основными потребителями цветных металлов являются электропромышленность, военная промышленность, машиностроение, монетное дело, химпромышленность, авиопромышленность и типографское дело.

Крупнейшим поставщиком цветных металлов является Америка. Европейские государства сильно нуждаются в цветных металлах для своей промышленности, так как Европа уже бедна рудами названных металлов. Старые месторождения цветных металлов истощились, а новых не найдено и, повидимому, найдено не будет, как показывают тщетные геологические изыскания. Исключением для Европы является лишь цинк и алюминий.

Довоенная Россия также нуждалась в привозе цветных металлов из-за границы, главным образом, в области алюминия, никкеля, олова, свинца (97%) и цинка (75%). Исключение составляла медь, которой вывозилось из-за границы 15% всей потребности страны в меди. Выплавка меди в России достигла своего максимального развития в 1913 г., но с началом войны выплавка начинает значительно падать, что видно из следующей таблицы.

Годы	1913	1914	1915	1916
Выплавка в тыс. пуд.	2.048	1.962	1.586	1.304

Падение это явилось следствием расстройства железнодорожного транспорта, создавшего затруднения в снабжении медеплавильных заводов топливом. Необеспеченность рабочей силой, вследствие призывов в армию, также значительно повлияла на понижение выплавки меди.

Потребление меди в 1916 г. (внутренней и импортной) распределялось следующим образом (по производству):

Продукция	Латунь	Мельхиор	Пояски	Кабели	Трубы	Паровые топки	Литье	Сплав	Всего
Потребление в %%	52	8	12	15	4	3	4	2	100

Главными потребителями меди были прокатные и кабельные заводы, а именно: меди внутреннего производства потребляли:

Прокатные и кабельные заводы	736.819 пуд.
Рынок	100.519 „
Итого . . .	837.338 пуд.

Ввоз меди за 1913—16 гг. составлял:

Годы	1913	1914	1915	1916
Ввоз в тыс. пуд. . .	375	389	2.500	3.525

Из этого количества меди в 1916 г. 1.090.000 пудов отпущено частным потребителям и 2.435.000 пудов составляли государственную заготовку, которая была распределена:

Частным заводам (меднопрокатным и кабельным).	1.775.000 пуд.
Общественным организациям.	66.000 „
Казенным заводам	542.000 „
Железным дорогам	52.000 „

Потребление меди в России за время войны составляло:

Годы	1913	1914	1915	1916
Потреблен. в тыс. пуд.	2.413	2.743	4.086	4.829[1]

Изменения по отдельным видам машиностроения, вызванные войной. Производство машин распределялось по следующим группам: 1) двигатели всех видов, 2) паровозы, 3) электротехнические машины, 4) станки и машины по обработке металлов, 5) с.-х. машины, 6) прочие машины, как-то: под‘емные, транспортирующие, текстильные и т. д., входящие в состав оборудования по различным видам производств.

По двигателям и паровозам производство во время войны составляло по одному Сормовскому заводу:

Годы	Двигатели	Паровозы		Всего паровозов
		Пассажирские	Товарные	
1913	600	71	46	117
1914	742	80	19	107
1915	870	84	26	140
1916	576	—	—	64

Влияние войны на обе указанные области было неодинаково.

Задачи морской и крепостной обороны, оборудование новых заводов, при сокращении иностранного ввоза и недостатке тоннажа для доставки морским путем, усилили спрос на машиностроение собственного производства, в том числе и промышленных локомобилей.

Сооружение новых и расширение существующих пороховых и химических заводов, а также эвакуация некоторых металлообрабатывающих заводов, не успевших вывезти свои двигатели, вызвали спешные работы крупных заводов по производству двигателей, паровых котлов и локомобилей. Но особенно срочными в течение 1915/16 г. были заказы на судовые двигатели морского ведомства.

Что же касается паровозостроения, то в первую очередь исполнялись заказы на паровозы военведа узкой колеи, а постройка паровозов по заказам министерства путей сообщения отодвигалась на вто-

[1]) Или 79.100 т.

рой план. Так, например, по Коломенскому заводу в 1916 г. было выпущено 43 паровоза для МПС (вместо нормального выпуска 240 паровозов) и 215 паровозов для военведа. Производительность на этом заводе резко упала, в виду использования значительной части токарных станков для снарядной работы, а также для выполнения заказов на станки. По сокращению производства паровозов характерен Сормовский завод. В 1916 г. было выпущено 64 паровоза на сумму 5,4 млн. руб. вместо требуемой продукции в 62 млн. руб., тогда как заказы артиллерийского и инженерного управлений составили по этому заводу на тот же год 45,3 млн. руб. (75% всего выпуска завода).

Задача обороны, повысившие, с одной стороны, спрос на двигатели всех видов, как в постоянных установках тыла, так и транспорта всех видов (жел.-дорожного, водного, автомобильного и воздушного) диктовали в то же время необходимость сокращения потребности широкого рынка, в том числе и потребности сельского хозяйства и различных отраслей по переработке его продуктов, потребляющих наибольшее число мелких двигателей внутреннего сгорания. Таким образом, на ряду с полным или с почти полным прекращением работ на заводах с.-х. машин, частью перешедших к снарядному производству, получили развитие новые предприятия, приспособленные из старых мастерских, привлеченные к производству моторов для автомобилей (успевшие, правда, свое производство наладить лишь в 1917 году).

Производство турбин во время войны совершенно прекратилось, и завод по производству их обратился к иному производству „по военному снаряжению".

Производство станков издавна представляло наиболее слабое место русского машиностроения. По статистическим данным за 1913 г. рост внутреннего производства в этой области значительно отставал в своем темпе от действительной потребности и собственное производство не превышало $^1/_3$ всего потребления станков в стране.

По отношению к импорту внутреннее производство в 1913 г. составляло:

Ввоз станков из-за границы . . .	12,7 млн. руб.
Внутреннее производство	5,5 „ „
Всего . . .	18,2 млн. руб.

Поэтому, будучи поставлены перед необходимостью скорейшего оборудования для выполнения военных заказов, русские заводы должны были восстановить и расширить у себя старое производство станков, чтобы в довольно короткий срок наладить у себя производство станков собственных конструкций (Тульский, Сормовский, Брянский, Путиловский и ряд частных заводов). К построению станков были привлечены даже мастерские технических школ, об'единившиеся для выполнения заказов оружейных заводов на станки для сверления

орудийных стволов. Некоторые заводы (Коломенский и др.) поставили у себя, кроме производства снарядно-токарных станков, также производство станков для колючей проволоки. Частные заводы занялись производством станков по трубочному производству. Производство крупных снарядов и даже орудий могло быть расширено и вновь налажено благодаря организации заводами собственного производства станков и прессов (Сормово, Бежецкий завод и др.).

В общем во время войны, особенно в 1916 г., металлопромышленность доказала свою способность в организации новых и сложных машиностроительных производств. Что касается импорта станков, то в виду медленности исполнения заказов на оборудование и доставки его с американского рынка, он особого влияния на развертывание и усиление промышленности не оказал.

Изменения, вызванные по всем важнейшим отраслям народного хозяйства, в производстве с.-х. машин и орудий всех видов в течение войны выразились в почти полном прекращении как производства, так и ремонта старых машин.

Для характеристики довоенного потребления сельскохозяйственных орудий приводим данные за 1912 год (в млн. руб.):

Наименование машин	Ввоз	Внутрен. производ.	Потребление
Уборочные машины	21,5	12,3	33,8
Молотилки	6,2	10,9	17,1
Орудия почвообрабатыв.	6,3	10,5	16,8
Сеялки	3,2	8,3	11,5
Локомобили	6,3	2,7	9

Депрессия эта была вызвана недостатком металла, предоставленного для этой отрасли, и уменьшением числа рабочих рук, отвлеченных для выполнения военных заказов или ушедших в армию по мобилизации. В результате в 1916 г. в стране существовал сельскохозяйственный машинный голод, который сильно повлиял на хозяйственную жизнь страны.

Наравне с производством с.-х. машин потерпели значительное ослабление, граничащее с полным прекращением, и другие отрасли машиностроения, связанные с переработкой и выработкой сырья, как-то: производство лесопилок и станков для обработки дерева, машин мельничного производства, маслобойных машин, машин сахарного и пивоваренного производства, машин бумажного производства и др.

Что касается производства прочих машин, то в 1916 г. и вообще за период войны только некоторые из этих отраслей удержали свое производство. Основная масса этих производств перешла на производства, связанные в той или иной мере с обороной страны, и стала вырабатывать насосы разных типов, кипятильники, дезинфекционные аппараты, прачешные машины, изготабливать мины, прожектора выполнять др. военные заказы.

Общее заключение.

Исходя из вышеизложенного, видим, что развитие машиностроения, как основного фактора, влияющего на развитие всего народного хозяйства, во время мировой войны всецело зависело от той доли металлов, которая оставалась свободной от покрытия потребности военного ведомства и железнодорожного транспорта. Потребность эта в 1916 г. определялась в размере 75,5% всего выплавленного металла в стране, и лишь 24,5% шло на покрытие потребностей всего народного хозяйства. Таким образом, за время войны потерпел существенное сокращение, граничащее с полным прекращением, ряд производств, в том числе сельскохозяйственное машиностроение и производства промышленного оборудования и предметов потребления городского и крестьянского рынков.

Одновременно с сокращением производств, за отсутствием металла, промышленность должна была уступить значительную часть своего оборудования для работ по военным заказам, которые исчислялись в 1916 г. в 300 млн. руб. На ряду с уступкой оборудования для работ военведа машиностроительные заводы должны были отдать и часть своего обученного рабочего персонала (особенно токарей, требуемых для снарядного производства), что также привело к невыполнению заказов для широкого рынка.

Недостаточное снабжение промышленности сырьем и топливом и неналаженный транспорт уже с начала войны стали грозить величайшими затруднениями промышленности и всему народному хозяйству.

Падение снабжения минеральным топливом в 1915 г. на 20% против 1913 г. при одновременном росте потребления транспорта с 29% до 45% уменьшило количество угля и нефти для промышленности с 2,5 млрд. пуд. (в переводе на уголь) почти до 1,5 млрд. пуд., или на 40%. Это вызвало резкое обострение кризиса топлива, возникшего в 1913 г.

На ряду с обострением топливного кризиса вырос кризис снабжения сырьем; так, например, выплавка чугуна 1915 г. упала сравнительно с 1913 г. на 20%, затруднилась доставка иностранного хлопка и т. д. в то время, когда промышленность, работающая по военным заказам, усилила спрос на все виды сырья.

Выход из кризиса царское правительство отыскивало в правительственном регулировании снабжения топливом и сырьем.

При таких условиях военная перестройка русской металлопромышленности весьма запоздала по сравнению с другими странами не столько по вине самой промышленности, сколько по вине правительства. Лишь в конце 1915 г., под влиянием общественного под'ема, началась интенсивная работа и в данной области, но мероприятия по соответствующей реорганизации металлопромышленности встретили серьезные затруднения в виде исключительно тяжелых условий получения нового оборудования, недостатка рабочих рук, кризиса снабжения сырьем и топливом и расстройства транспорта.

ВИНОГРАДОВ И КОНДАШОВ

ВОЗДУШНО-ХИМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА КРУПНОГО ЦЕНТРА[1])

НАЧАЛО современных войн будет характеризоваться не только столкновением передовых приграничных частей, как это было раньше, но и воздушно-химическими нападениями и на об'екты глубокого тыла, главным образом, на административные, политические и промышленные центры. Нападая на эти пункты, противник легче всего получит возможность расстроить транспорт, нарушить правильную работу связи, привести в упадочное состояние промышленность, а, кроме того, деморализовать население путем нанесения ему значительных потерь убитыми, отравленными и ранеными. Совершая частые налеты и непрерывно подрывая экономическую мощь противной стороны, нападающий может подорвать волю широких масс к ведению войны и заставить последние повлиять на правительство в смысле скорейшего заключения мира.

Все сказанное заставляет к вопросам воздушно-химической обороны крупных центров отнестись с должным вниманием и особой предусмотрительностью. Это необходимо еще и потому, что дело ВХО ново, почти не имеет за собой никакого опыта у нас, а практическое осуществление его связано с большими затратами материальных средств.

Воздушно-химическая оборона крупных центров преимущественно строится на использовании активных средств борьбы (истребительная авиация, зенитная артиллерия, зенитные пулеметы), предоставляемых попечением военного ведомства. Однако, помимо этих средств, необходимо прибегать к средствам пассивной обороны (маскировка, фортификационные сооружения, противохимическое оборудование и пр.), осуществляемых попечением гражданских ведомств в отношении их об'ектов.

В настоящей статье кратко изложено, какие организационные и тактические принципы должны быть положены в основу воздушно-химической обороны крупных центров.

1. Средства воздушно-химической обороны и их применение.

Для защиты от воздушного нападения крупного центра, имеющего важное значение в административно-политическом или же в военно-промышленном отношении, и находящегося в угрожаемой полосе (не

---

[1]) В порядке обсуждения. Ред.

далее 500—600 км от государственной границы), должны применяться следующие средства:

Активные, которые служат для нанесения материального и морального вреда нападающему воздушному врагу; **вспомогательные**, имеющие назначением оказывать содействие активным средствам, и **пассивные**, уберегающие об'екты нападения от вреда, наносимого им воздушным противником, и имеющие целью ограничить размеры этого вреда.

К активным средствам принадлежат: истребительная авиация, зенитная артиллерия и зенитные пулеметы.

Применение истребительной авиации для в[illegible]шной обороны крупных центров практиковалось в течение мировой войны, когда нападение с воздуха на эти центры вошло в порядок боевых действий. В поисках правильного употребления истребительной авиации для такой задачи воюющие страны испытали ряд способов, не оправдавших себя, и остановились па одном из наиболее целесообразных.

Так, например, французы при обороне Парижа применяли воздушный барраж и патрулирование. Последнее состояло в том, что в воздухе постоянно висело несколько дежурных самолетов, сменявшихся через определенный промежуток времени. Этот способ, как и другие, подобные ему, не приводил к положительному результату, а лишь изнашивал машины и изматывал личный состав до того, что он к моменту появления врага выдыхался и оказывался небоеспособным. Нецелесообразность подобных способов показывает тот факт, что истребители обороны никогда не могли встретить врага на его пути к цели. В лучшем случае они встречались с ним уже над самым пунктом обороны, или же при преследовании, когда враг уходил, сбросив свои бомбы, т.-е. так или иначе решив свою задачу.

В результате боевых испытаний французы пришли к такому решешению. Для обороны Парижа на аэродроме Бурже был расположен отряд истребительных самолетов новейшего типа, в количестве до 60 машин. Его задачей было подниматься по тревоге и атаковать врага. Кроме того, по сигналу „защита Парижа", истребительные части фронта, ближайшие к столице, должны были итти на ее защиту. Последнее было выполнимо в виду близости Парижа к фронту. Но это же обстоятельство затрудняло использование специальных истребителей обороны, находящихся в Бурже (в окрестностях Парижа), так как в те времена требовалось около 55 минут на передачу предупреждения, вылет по тревоге истребителей, забирание высоты, превосходящей высоту врага, и построение, для чего в свою очередь было необходимым удаление передовых постов наблюдения примерно на 120 км. А этого нельзя было сделать в виду близости фронта.

В настоящее время цифра 55 минут может быть доведена до 25 минут, для чего необходимо удаление постов наблюдения на 60 км от

аэродрома истребителей, если принять во внимание скорость современной бомбардировочной эскадрильи, и на 90 *км*, принимая во внимание скорость одиночного самолета-бомбардировщика.

Так или иначе французы, учтя боевой опыт, остановились на последнем способе, т.-е. на истребительном отряде для обороны с задачей вылетать по тревоге. К тому же пришли и англичане.

Естественно, что истребители обороны („защитные самолеты", как их называют англичане) должны обладать, помимо большой горизонтальной скорости и прочих качеств, присущих всяким истребителям, еще и наибольшей возможной вертикальной скоростью, чтоб как можно быстрее набирать высоту.

Расположение истребителей обороны возможно либо на аэродроме в непосредственной близости от обороняемого крупного центра, либо на аэродроме, выдвинутом в сторону противника, конечно, при условии что передовые наблюдательные посты могут быть выставлены на соответствующем расстоянии от аэродрома. Расположение истребителей обороны будет зависеть от географического местоположения обороняемого крупного центра и условий военной обстановки. Так, если нападение воздушного врага одинаково вероятно со всех сторон, то истребителей надо держать в самом центре; если опасным является какое-либо определенное направление, то на этом направлении, выдвинув в сторону врага. Последнее имеет то преимущество, что дает шанс в смысле встречи врага дальше от обороняемого центра.

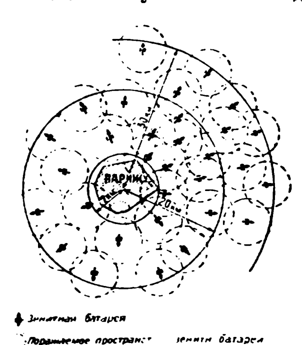
Количество истребительной авиации для обороны крупного центра не должно быть менее эскадрильи, состоящей из трех отрядов в виду необходимости непрерывного дежурства одного из них на аэродроме.

В виду того, что с одной стороны, даже при наличии всех благоприятных условий, истребители обороны могут не сдержать противника, имеющего свою защиту (охрана бомбардировочной эскадрильи истребителями, пулеметы у самих бомбардировщиков), с другой же стороны, истребители не всегда смогут и встретить противника на пути его к цели, а нападут на него над обороняемым центром, или уже в погоне за ним,—то для защиты крупных центров необходима зенитная артиллерия. Последняя всегда будет в состоянии встретить противника при его подходе к обороняемому центру и если не отразит его полностью, то во всяком случае заставит сбросить бомбы не там, где он хочет, и не с желаемой им высоты, т.-е. может свести на-нет решение его задачи.

Зенитную артиллерию для обороны крупных центров мы видим также со времен мировой войны (Париж, Лондон, Венеция и т. д.). Она является той основой, тем остовом, на котором строится и зиждется вся система воздушно-химической обороны крупного центра. Французы честь отбития воздушных атак на Париж приписывают на 90% своим зенитным батареям.

В данном случае применимы, главным образом, крупный и средний калибры зенитной артиллерии, о которых и будем говорить в дальнейшем.

Задача, которая ставится в данном случае зенитной артиллерии, заключается в уничтожении воздушного врага или, по крайней мере, в недопущении его к выполнению своей задачи. Для этого зенитная артиллерия должна прикрыть своим огнем определенные пространства. Ей необходимо на известной высоте иметь возможность поражать противника во всякой точке пространства в пределах ее досягаемости.



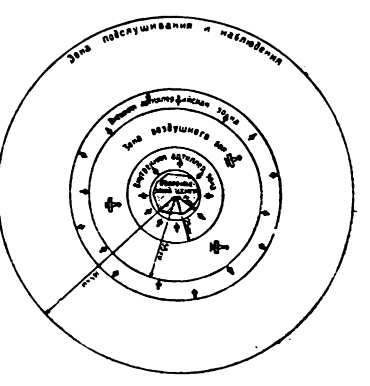
Черт. 1. Схема кольцевой обороны Парижа зенитной артиллерией в мировую войну.

Существует два способа использования зенитной артиллерии для обороны крупного центра.

Первый, требующий очень значительного количества артиллерии, применялся в мировую войну при обороне Парижа и Лондона; он заключается в том, что на известном расстоянии от обороняемого центра выставляется несколько колец зенитной артиллерии (кольцевая оборона). Так, например, для обороны Парижа в мировую войну существовало четыре линии зенитной артиллерии. Первая, внешняя, шла по дуге на север и восток (наиболее опасное направление) от города и в расстоянии от центра от 20 до 30 *км*; вторая, третья и четвертая линии тянулись по полным окружностям вокруг города в расстоянии от 7 до 20 *км* (см. черт. 1).

Кроме этого, внутри самого ядра обороняемого центра в некоторых местах были расположены еще зенитные батареи.

Англичане в настоящее время предусматривают два кольца: внешнее в расстоянии от 40 до 50 *км* от центра и вну-

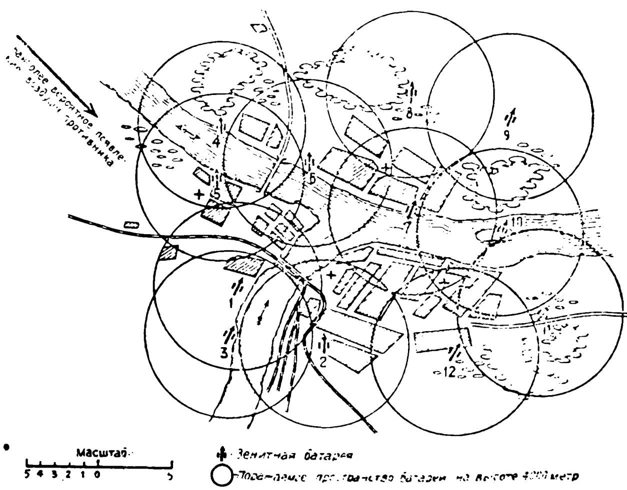


Черт. 2. Схема обороны крупного центра по английскому способу.

треннее от 15 до 25 *км* от него, и, кроме того, артиллерию, расположенную в самом ядре (см. черт. 2).

Вторым способом использования зенитной артиллерии является прикрытие огнем по возможности всей площади самого ядра и покрытие наиболее интенсивным огнем самых важных об'ектов обороняемого центра и наиболее угрожаемых воздушных подступов к нему.

При этом способе расход артиллерии не так велик (см. черт. 3), но зато противник может быть встречен лишь непосредственно на подступах к обороняемому центру. На высоте в 4000 *км* радиус поражаемого пространства и радиус мертвой воронки нашего 3" орудия



Черт. 3. Схема группового расположения зенитной артиллерии при обороне крупного центра.

обр. 1914 года в округленных цифрах выражается в 2 *км* и 6 *км*. Схема (черт. 3) показывает примерное расположение четырех зенитных дивизионов, вооруженных пушками 1914 года, при обороне крупного центра групповым способом.

Как видно из схемы, обороняемый центр разбивается на сектора (или районы), в которых располагаются зенитные дивизионы, обороняя находящиеся там об'екты и прикрывая своим огнем воздушные подступы к обороняемому центру. Все зенитные дивизионы находятся в огневой связи между собой. Наиболее важные участки территории

обороняемого центра (где расположены важнейшие об'екты обороны и наиболее угрожаемые воздушные подступы) прикрываются интенсивным огнем (не менее как двухслойным). Это — дивизионы стационарной или полуподвижной зенитной артиллерии. Кроме них желательно иметь еще подвижную зенитную артиллерию, составляющую подвижной резерв огневой обороны крупного центра и могущую быть перебрасываемой из одного района в другой на усиление. Эта артиллерия должна быть на механической тяге. Такую артиллерию имели англичане в мировую войну при обороне Лондона.

В боевой работе двух описанных активных средств обороны — истребительной авиации и зенитной артиллерии — должно быть полное взаимодействие. Оно достигается главным образом разграничением зон действия для той и другой (как пример такого метода обороны, см. схему 2 — зоны действия артиллерии и авиации) и в некоторых случаях одновременным их действием в одной зоне, на основе полного взаимопонимания.

Зенитные пулеметы при обороне крупного центра располагаются повзводно (взвод не менее 4 пулеметов; возможно и более) в одной точке и в тех местах, где можно ждать снижения противника на малые высоты (например, мосты на окраинах, свободные воздушные подступы для противника к обороняемым об'ектам и т. д.). Кроме того пулеметы можно располагать вообще на высоких точках, откуда их действие наиболее выгодно. Вообще говоря, при обороне крупного центра большого числа зенитных пулеметов не потребуется.

Перейдем к вспомогательным средствам.

Для действия активных средств ночью (главным образом, зенитной артиллерии и в некоторых случаях истребителей) необходимы прожекторы.

Современный зенитный прожектор в состоянии осветить пространство до высоты 4000 *м* и на расстоянии до 5 *км*. Другими словами, на этом расстоянии в луче прожектора, с диаметром зеркала 150 *см*, и при соответствующих атмосферных условиях (отсутствие тумана, ясность атмосферы, безлунная ночь и т. д.) самолет может быть виден.

Для ночного действия зенитной артиллерии надо, чтобы прожекторы освещали по возможности все ее поражаемое пространство (до высоты 4 *км*), а на важнейших участках необходимо перекрещивание двух лучей и еще лучше трех (чашка). Для этого каждая зенитная артиллерийская группа, состоящая из нескольких батарей, должна обслуживаться несколькими осветительными единицами (прожекторные взводы), в составе по крайней мере трех прожекторов каждая. Прожекторы ставятся по одному на расстоянии около трех километров один от другого, занимая охватывающее расположение по отношению к артиллерии. В каждой осветительной единице один из прожекторов является искателем. Он отыскивает и накрывает воздушного врага,

и передает его остальным прожекторам взвода — сопроводителям. Последние держат самолет в перекрестьи лучей и тем отдают его в жертву зенитному артиллерийскому огню.

Работа зенитных прожекторов по отысканию и накрытию лучом противника чрезвычайно трудна. Для облегчения ее прожекторы-искатели необходимо снабжать звукоулавливательными приборами, дающими возможность направить луч с определенной точностью по звуку, издаваемому мотором самолета. Современные звукоулавливатели обладают дальностью до 15 — 20 *км*.

Кроме этих звукоулавливателей желательно иметь еще другой тип их, дающий более точное направление на цель, для стрельбы зенитных батарей ночью по звуку, по невидимому, но слышимому самолету (без участия прожекторов).

Для своевременного предупреждения о противнике как активных средств обороны, так и самих обороняемых об'ектов крупного центра, необходима служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Необходима сеть постов наблюдения в несколько линий вокруг обороняемого центра. Так, прежде всего нужна линия постов для предупреждения истребителей обороны, как говорилось выше на расстоянии по крайней мере 60 *км* от центра. Для зенитной артиллерии необходимо удаление передовых постов от позиций ее батарей на 20 — 25 *км*. Это будет вторая линия постов наблюдения. Для предупреждения обороняемых об'ектов и населения необходима третья линия постов примерно по окраинам центра. Посты каждой линии должны отстоять один от другого на 10—15 *км*. Они должны быть надежно связаны между собой и с главной станцией штаба воздушной обороны центра, зенитной артиллерии и аэродромом.

Для расположения постов наблюдения выбираются высокие точки, дающие большой кругозор.

Помимо зрительного наблюдения воздушного противника, возможно еще подслушивание его. Для этого служат слуховые посты, снабженные специальными приборами — подслушивателями, дающими возможность обнаружить противника на большем расстоянии, чем это может сделать невооруженное ухо.

В деле воздушно-химической обороны важно знать состояние атмосферы, как для работы активных средств, так и для определения вероятности воздушного налета. Поэтому в крупном центре должна работать метеорологическая станция, имеющая в своем составе аэрологическое отделение.

К пассивным мерам обороны относятся воздушные заграждения. В мировую войну применялись два вида этих заграждений: 1) английский „фартук“, состоявший из трех привязных баллонов об'емом в 1000 $м^3$, связанных между собой проволокой, к которой подвязывались тросы, диаметром в 3″; эти тросы натягивались мешками с пес-

ком; расстояние между тросами было 50 *м*; расстояние же между баллонами около 50 *м*, так что весь фартук имел ширину около 1000 *м*, и по высоте около 300 *м* (длина тросов); 2) итальянская система отдельных привязных баллонов „тандем" (на одном тросе поднималось два баллона). Фартук поднимался до высоты в 2000 *м*, тандем до 3500 *м*.

Для воздушных заграждений большое значение имеет быстрота под'ема их на определенную высоту.

Моральное воздействие их на самолеты противника велико. Столкновение с ними самолета влечет гибель последнего. Мировая война дает примеры, когда противник прекращал полеты в тех районах, где были обнаружены воздушные заграждения.

Однако, незначительная, сравнительно, высота воздушных заграждений позволяла самолетам обходить их, забрав высоту. В настоящее время выработан более совершенный тип воздушных заграждений как в отношении высоты, так и скорости под'ема их.

В мировую войну воздушные заграждения применялись как при обороне крупных центров, так и малых пунктов. Они обычно располагались по нескольку, при чем английский фартук применялся главным образом на открытой местности, а итальянская система „тандем"— на пересеченной.

Для защиты населения крупного центра (главным образом, обороняемых об'ектов), необходимо принятие мер фортификационных, которые состоят в устройстве специальных убежищ от осколочных и фугасных бомб, газоубежищ и приспособления подвальных помещений.

Одним из важнейших пассивных мероприятий является маскировка. К ее категории относятся: рассредоточение важнейших сооружений, защитное окрашивание построек, теневая маскировка, тушение огней ночью (затемнение), ложные сооружения и дымовая завеса. Все эти маскировочные мероприятия применялись в мировую войну. Надо сказать, что ложные сооружения требуют очень значительных затрат, но вместе с тем легко вводят в заблуждение противника (ложный Париж в мировую войну и др.).

К остальным мероприятиям относятся: химическая защита, заключающаяся в химическом наблюдении, в химической тревоге и дисциплине, как коллективный вид защиты, и противогазах, как индивидуальный; воздушно-химическая дисциплина среди населения обороняемого центра и его об'ектов; противопожарная защита; медикосанитарная помощь пострадавшим и дегазация отравленных участков.

Пассивные мороприятия проводятся, главным образом, по линии гражданских ведомств под общим руководством военных органов. Подробно о пассивных мероприятиях на различных об'ектах обороняемого центра говорится в следующей главе.

II. Пассивные мероприятия по ВХО, проводимые попечением гражданских ведомств.

Обращаясь к конкретному рассмотрению оборонительных пассивных мероприятий, которые должны осуществляться гражданскими ведомствами в отношении подведомственных им об'ектов, необходимо отметить следующее.

В части места расположения вновь возводимых об'ектов необходимо стремиться, чтобы окружающая местность по своим природным данным затрудняла отыскание и опознавание возводимого сооружения с воздуха; при этом следует избегать таких районов, где имеются хорошие ориентиры, облегчающие нахождение данного предприятия (например, нахождение вблизи завода, ж.-д. узла и проч., характерной излучины реки, озера и других подобных выделяющихся местных предметов). Кроме того, должны учитываться топографические условия данного района и местные метеорологические данные, могущие невыгодно отразиться на деле воздушно-химической обороны. Так, например, пересеченная местность, изобилующая большими оврагами, может задерживать сброшенные противником газы, а поэтому все здания, построенные в низинах и в направлении господствующих ветров, будут подвержены большей опасности, чем те, кои расположены на возвышенных точках. Одновременно с этим нужно так же учесть, что постройка вновь возводимого об'екта поблизости от других важных сооружений, кои могут служить об'ектом нападения противника, механически повышает опасность для данного предприятия или сооружения.

Однако, все эти требования необходимо проводить с большей осторожностью, с учетом всех местных особенностей, и во всяком случае так, чтобы природа возводимого об'екта не была искажена и вполне соответствовала бы своему назначению.

В части планировки надлежит стремиться наиболее ценные и уязвимые элементы отделить от остальной массы сооружений, дабы этим уменьшить вероятность попадания в них аэробомб, сбрасываемых воздушным противником во время бомбометания по площади данного об'екта. Кроме того, в целях локализации фугасного действия аэробомб, в большинстве случаев выгодно будет постройку отдельных корпусов производить по возможности рассредоточено. Что же касается жилых помещений (рабочие поселки и прочее), то их необходимо располагать в достаточном удалении от вероятных об'ектов неприятельского нападения, ибо совершенно понятно, что газ, сброшенный на завод или другой какой-либо об'ект, легко может распространиться за пределы поражаемой цели и подвергнуть опасности вблизи находящиеся квартиры мирного населения. Здесь отравляющие вещества найдут себе достаточное применение в смысле поражения женщин, детей стариков и больных, которые менее привычны и менее приспо-

соблены к обращению с противогазом и которые легче могут поддаться чувству страха и породить панику.

Однако, осуществление указанных требований иногда стоит в противоречии с интересами мирного времени. Так, например, рассредоточение фабричных корпусов нецелесообразно с точки зрения производства. Современные фабрики и заводы в больших европейских городах и в городах Нового Света преимущественно строятся компактно, стремясь при этом осуществить идею конвейера. Если это положение не вызывает сомнений, то так же бесспорно и то, что рабочие поселки, имея в виду интересы повседневной жизни, удалять от фабрик и заводов нерационально, ибо это поведет к лишней затрате сил и энергии на передвижение. Таким образом, следует, что требования ВХО нужно проводить очень умело и при непременном содействии того органа или ведомства, в подчинении коего находится данный об'ект.

В части маскировки нужно учитывать характер окружающей местности, стремясь использовать в этом отношении каждую особенность данного района. При возведении нового об'екта в населенном пункте или городе нужно стремиться возводимые здания приноровить к общему характеру построек, дабы этим самым затруднить воздушному противнику отыскание данного об'екта. Особенно это требование необходимо соблюдать в отношении электростанций и больших промышленных предприятий, отыскание коих составит одну из основных задач воздушного противника. Помимо этого при постройках в лесных районах нельзя допускать вырубки леса или насаждения такового в степных районах, ибо эти мероприятия явились бы демаскирующим фактом. Помимо использования естественных особенностей, в целях маскировки необходимо осуществлять и целый ряд искусственных мероприятий. Так, например, хорошо организованное тушение огня может скрыть в ночное время от воздушного противника не только отдельные об'екты, но даже целые населенные пункты.

Для осуществления этой идеи необходимо подачу световой энергии организовать так, чтобы ее можно было бы прекратить в любой момент по тревожному сигналу, свидетельствующему о воздушном налете противника. Разрешение этого мероприятия в отношении городов и прочих пунктов, освещаемых электрическим светом, достигнуть легко. Что же касается тушения огней в деревнях, местечках, ж. д. станциях, жилых помещениях и пр., освещаемых порой керосином, то здесь полного затемнения достичь бывает не только трудно, но даже невозможно. В этих случаях целесообразно употреблять на окнах непроницаемые шторы, спускание коих по тревожному сигналу должно производиться в обязательном порядке.

На ряду с тушением огней целесообразно устраивать ложные освещения. Это необходимо делать в отношении портов, пристаней, больших

ж. д. станций, электростанций, больших заводов, промыслов и пр., расположение которых можно отыскать по карте. В этом случае искусственное освещение должно даваться вблизи от истинного об'екта, дабы не навести на подозрения воздушного наблюдателя, хорошо ориентирующегося в отношении намеченной цели.

Помимо этих общих мер маскировки, необходимо предусматривать и специальные мероприятия в виде устройства железных колпаков на фабричные трубы, заготовление специальных абажуров для тех светящихся точек, кои не могут быть погашены, переключение обычного света на мягкие тона, совокупное сочетание коих должно затемнить данный об'ект. В этом отношении чрезвычайно характерны французские мероприятия по организации индивидуальной защиты, где в части маскировки предусмотрены специальные колпаки даже на паровозные поддувала. Если Франция, которая вышла победительницей из мировой войны, и которая к данному времени обладает самым могучим воздушным флотом, предпринимает такие меры предосторожности от воздушного противника, то нам, готовящимся не к нападению, а исключительно к защите, это обстоятельство надлежит учесть в полной мере.

Сколько бы возводимый об'ект мы не маскировали, все же никогда не получим полной гарантии в том, что противник его не найдет. Следовательно, оборона помимо маскировки должна строиться и на других видах защиты, в числе коих видное место занимают мероприятия фортификационного характера. Фортикационные мероприятия имеют своей целью сберечь живую силу и наиболее ценную материальную часть. Для достижения первого строят специальные убежища, которые дали бы возможность укрыться в них и от газов и от фугасного действия аэробомб. Для того, чтобы газы не проникали в названные убежища, последние делаются так, чтобы все входы и выходы из них допускали герметическую закупорку, а что касается фугасного действия аэробомб, то стены убежища и, главным образом, потолки делаются достаточной сопротивляемости. Вследствие того, что постройка таких убежищ вызывает большие расходы, целесообразно и даже прямо необходимо для этих целей оборудовать подвальные помещения. При этом, подвальные помещения оборудуются не все, а в мере строгой необходимости. Здесь, исходя из расчета, сколько людей останется во время налета на заводе, фабрике, жел. дор. станции и пр., устраивают соответствующие убежища. Естественно, ту часть живой силы, которая может покинуть бомбардируемый район, задерживать не целесообразно. Убежища соответственным образом оборудываются в противохимическом отношении и в части устройства фильтров или насосов для нагнетания свежего воздуха из незараженных слоев, что совершенно необходимо при герметической изоляции убежищ от внешнего мира. Не останавливаясь на технике этого дела, необходимо указать,

что стены и потолки убежищ для укрытия от воздушной бомбардировки должны делаться в полном соответствии с той разрушительной силой, каковой обладают аэробомбы, состоящие на вооружении у противника.

Однако, и переоценка в этом отношении будет также невыгодна, ибо она своим последствием будет иметь нерациональный расход государственных средств на постройку излишне солидных убежищ. Во избежание в этой области ошибок, гражданские ведомства должны руководствоваться в этом вопросе данными военных органов, следящих за состоянием вооружения сил наших наиболее вероятных противников.

Помимо этих общих мер, направленных к постройке убежищ, предохраняющих одновременно и от газов и от фугасного действия разорвавшейся аэробомбы, необходимо на промышленных предприятиях и прочих угрожаемых об'ектах наиболее ценную материальную часть поставить в специально оборудованные ниши или перекрыть ее достаточной сопротивляемости бетонными потолками.

Наконец, если этого в силу каких-либо причин осуществить нельзя, то желательно в машинных отделениях устраивать специальные перегородки, которые локализовали бы в пространственном отношении действие сброшенной бомбы. Правда, эти мероприятия подчас уродуют, с точки зрения потребности мирного времени, возводимый об'ект. Но в данном случае приходится выбирать из двух зол меньшее.

В части химической защиты и санитарных мероприятий гражданские ведомства обязаны устраивать противогазовые убежища, располагая их на некотором удалении от об'ектов нападения. Эти убежища должны предназначаться для главной массы живой силы покинувшей предприятия, для тех же лиц, кои по долгу своей службы во время нападения должны находиться на территории обстреливаемого об'екта, строятся специальные убежища в пределах заводского или иного предприятия.

В целях быстрейшей ликвидации последствий газовой атаки, при обороняемых об'ектах должны находиться дегазирующие вещества. Для хранения этих веществ необходимо предусматривать постройку специальных зданий, где должен храниться и запас противогазов. Одновременно с этим при возведении новых об'ектов необходимо предусматривать постройку приемных покоев и других санитарных учреждений с таким расчетом, чтобы они могли обслуживать нужды данного об'екта после налета на него воздушного противника. В этих целях необходимо будет часть приемных покоев иметь под крышами, защищающими от фугасного и пробивного действия аэробомб. Кроме того, аптечное оборудование должно содержать все необходимое для подачи первой и неотложной помощи как газоотравленным, так и пострадавшим от разрывного действия сбрасываемых аэробомб.

Исходя из тех соображений, что основная масса рабочих и служащих данного промышленного или какого-либо другого предприятия во время налета воздушных сил противника будет удаляться за пределы воздушной атаки, то необходимо предусмотреть постройку запасных выходов. Это даст возможность рабочим и служащим, не толпясь и не устраивая паники, покинуть предприятие и организованно отойти в заранее указанные места.

Как говорилось выше, сколько бы не было в воздушно-химической обороне активных средств борьбы, сколько бы мы не осуществляли оборонительных мероприятий пассивного характера, мы никогда не можем получить полной гарантии в том, что противник не прилетит и не нанесет тот или иной ущерб данному об'екту. Поскольку это так, то является необходимым в отношении некоторых особо важных предприятий, помимо вышеуказанных оборонительных мер, предусматривать также меры быстрейшего восстановления причиненных бомбардировкой разрушений с тем, чтобы данное предприятие не прекращало бы своей работы или немедленно таковую восстановило. Быстрейшее восстановление разрушенных частей, главным образом машин может быть достигнуто двояким путем: или спешной починкой, или заменой новым оборудованием. Починка является наиболее удобным и экономным средством восстановления, но, к сожалению, это не всегда осуществимо. Порча главных частей сложных машин в большинстве случаев вынуждает к замене их новыми. Это обстоятельство заставляет, если не держать в консервированном виде новые машины, то иметь определенное количество запасных частей.

Часто работа предприятий, транспорта и органов связи может остановиться и потому, что произведены те или иные повреждения в источниках силовой энергии. Для того, чтобы этого избежать, является необходимым дублировать подачу электрической энергии. Другими словами, нужно сделать так, чтобы прекратившая подачу разрушенная электростанция была бы заменена другой, к которой заблаговременно установлены запасные провода.

Кроме того, нужно предусматривать возможность продолжения работ на промышленном предприятии даже тогда, когда определенные части фабрики или завода совершенно разрушены и не могут быть восстановлены в течение продолжительного времени. Словом, все меры, каковые могут повести к быстрейшему восстановлению разрушенного, должны быть использованы целиком и полностью как по собственной инициативе местной администрации, так и отдельных лиц, за это дело ответственных.

Возможность воздушно-химического нападения повышает опасность в пожарном отношении. На-ряду с бомбами химического и фугасного действия могут также применяться и специальные зажигательные бомбы. Действие указанных бомб найдет себе широкое применение на

об'ектах, хранящих быстровоспламеняющиеся вещества, или на скученно расположенных деревянных зданиях.

В связи с этим необходимо на всех промышленных и прочих предприятиях предусматривать меры повышенной противопожарной охраны, стремясь запасы горючих и быстро воспламеняющихся материалов держать рассредоточенно и хранить в небольших количествах. Помимо этого огнетушители и прочее противопожарное имущество должно храниться поблизости от угрожаемых об'ектов в специально оборудованных помещениях, безопасных от действия фугасных бомб.

В ряде обор[illegible]тельных мероприятий существенно необходимо предусматривать вопросы связи. Только при наличии хорошо организованной службы связи и наблюдения представится возможным своевременно предупредить угрожаемый об'ект об опасности и предотвратить таковую путем надлежащего использования активных и пассивных средств борьбы.

Учитывая природу воздушно-химического нападения, необходимо центральную телефонную станцию данного обороняемого об'екта располагать в двух помещениях: в надземном — для обычных условий работы — и в подземном — для работы во время воздушно-химической атаки. Помимо этого необходимо весь обслуживающий персонал снабдить специальными противогазами, которые позволили бы связисту в течение всей газовой атаки выполнять свои функции. Одновременно с этим на все приборы телефонной аппаратуры должны быть предусмотрены специальные чехлы, которые должны одеваться на аппаратуру в момент об'явления газовой атаки.

Вследствие того, что действием фугасных бомб могут быть порваны провода, прокладка таковых должна оборудоваться под землей, причем кабельные колодцы должны предусматривать герметическую закупорку, дабы избежать накопления в них газов и распространения таковых по всей кабельной канализации.

В целях достижения бесперебойности связи, необходимо предусматривать прокладку дублирующих проводов и организацию сигнализации, основанной на световых или акустических средствах. В условиях фабрично-заводской жизни в этом отношении легко могут быть использованы: свисток, сирена, колокол, ракеты, фонари, факелы и пр.; при этом нужно стремиться, чтобы сигналы воздушно-химической опасности резко отличались от тех сигналов, каковыми пользуются для определенных надобностей в условиях мирного времени.

К разряду пассивных мероприятий можно также отнести действия по оборудованию и обслуживанию активных средств борьбы.

В отношении тех об'ектов, где имеются активные средства, на гражданские ведомства может быть возложено:

а) устройство позиций зенитной артиллерии и пулеметов;

б) устройство позиций и укрытий для прожекторов;

г) организация связи артиллерии, пулеметов и прожекторов с наблюдательными пунктами;

д) прокладка и оборудование дорог для перемены позиций артиллерии и прожекторов;

е) обеспечение питания электрическим током прожекторов за счет местных силовых установок.

Помимо всех перечисленных мер пассивной обороны гражданские ведомства обязаны подготовить определенный кадр личного состава, который мог бы быть использован как в момент самой атаки, так и после нее. В момент атаки обученный персонал поддерживает на обороняемом об'екте необходимый порядок; стремится всю излишнюю живую силу вывести за пределы бомбардируемой или отравленной зоны, принимает меры к сохранению наиболее ценного имущества, поддерживает, если это касается промышленного предприятия, работу тех цехов и тех отделений, которые не могут прекратить своей деятельности, хотя бы на время. После нападения этот контингент лиц использовывается в целях быстрейшей ликвидации результатов воздушно-химического нападения. В этом случае на первом месте стоит работа по оказанию помощи пострадавшим, работа по дегазации отравленных районов, работа по восстановлению разрушенного и водворению порядка, обеспечивающего нормальную повседневную жизнь.

В соответствии с указанными задачами весь обученный состав разбивается на следующие команды или отряды:

а) воздушного наблюдения, оповещения и связи;

б) химические;

в) пожарные;

г) медико-санитарные;

д) охраны общего порядка;

е) восстановительных (ремонтных) работ.

В зависимости от характера производства, местных условий и пр. команды эти могут носить различный оттенок и колебаться в своем количестве. Однако, основные команды, кои указаны здесь, должны существовать по линии почти всех ведомств.

Обращаясь к рассмотрению функций этих команд, необходимо отметить:

Команда воздушного наблюдения, оповещения и связи имеет своей задачей заблаговременно предупредить обороняемый об'ект о возможном налете воздушного противника для подачи тревожного сигнала воздушной опасности для всего окружающего населения. После того, как опасность миновала, через эту команду подается „отбой".

Химическая команда имеет своим назначением обнаружить присутствие отравляющих веществ, опознать их природу, подать местный сигнал „химической опасности", руководить индивидуальной защитой

от О. В. в смысле правильного одевания масок, принять необходимые меры к быстрейшей дегазации зараженных участков и указать личному составу, куда необходимо отойти, чтобы выйти за пределы отравленной зоны.

Пожарная команда основной своей задачей имеет борьбу с пожарами, особенно когда последние принимают характер народного бедствия. Если в данном пункте или обороняемом об'екте не имеется штатной команды, то команда, сформированная по линии воздушно-химической обороны, действует самостоятельно, а в противном случае она придается в помощь постоянно существующей противопожарной организации.

Медико-санитарная команда должна оказать первую помощь как газоотравленным, так и пострадавшим от фугасного и осколочного действия аэробомб. Тяжело раненых и отравленных команда немедленно эвакуирует в ближайшие стационарные лечебные заведения (больницы, госпиталя и пр.), принимая меры к тому, чтобы состояние эвакуируемых во время пути не ухудшалось.

В условиях мирного времени названная команда следит за хранением нейтрализующих веществ, за исправным состоянием дезинфекционной камеры и за наличием медикаментов для оказания первой помощи.

Команда по охране общего порядка имеет своим назначением поддержать существующий порядок, предупредить возможность развития общей паники и не допускать каких-либо беспорядков или расхищения имущества в тех районах и об'ектах, которые подверглись воздушно-химической атаке и где, вследствие этого, ослаблено наблюдение.

Команда восстановительных (ремонтных) работ главным образом найдет себе применение на обороняемых об'ектах промышленного порядка и транспорта, где восстановление разрушенного, в целях немедленного возобновления приостановленных работ и движения, имеет большое значение. Задача этой команды восстановить разрушенное, широко используя запасные части и прочие подручные материалы. В большинстве случаев этой же команде будут поручаться задания по эксплоатации тех производств, которые не могут быть приостановлены даже в самый момент нападения. В этом отношении характерны примеры на транспорте, где движение во время налета может принять наиболее интенсивный характер, дабы за короткий период времени разгрузить от излишних составов подвергшийся опасности тот или иной железнодорожный узел.

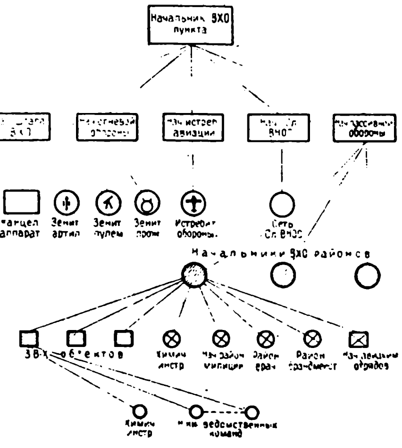
III. Управление воздушно-химической обороной крупного центра.

Для плодотворной работы по защите обороняемого центра вся система воздушно-химической обороны его должна представлять одно целое. Она подобна единой большой машине, в которой каждый вин-

тик и каждая шестерня (каждый элемент обороны) должны работать в теснейшей связи в зависимости с остальными.

Для этого прежде всего необходимо единство управления системой воздушно-химической обороны, единство командования.

Вся система обороны крупного центра возглавляется начальником ее, называемым начальником воздушно-химической обороны данного пункта. На нем лежит ответственность за защиту от воздушного нападения всего крупного центра в целом и за планомерную и согласованную работу всех элементов обороны. Ему принадлежит право поднятия воздушной тревоги в обороняемом центре и подачи сигнала „отбой".



Черт. 4. Схема управления ВХО крупного центра.

Для управления всей системой обороны при начальнике ВХО пункта должен состоять штаб воздушно-химической обороны. В составе штаба должны быть: начальник огневой обороны (зенитной артиллерии, пулеметов и прожекторов), начальник авиации обороны, начальник службы ВНОС и начальник пассивной обороны. Все они являются непосредственными помощниками начальника ВХО пункта по своим специальностям и ответственны за правильное использование средств обороны, непосредственно им подчиненных. Во главе штаба ВХО должен стоять его начальник, являющийся заместителем начальника ВХО пункта. Начальником штаба может быть один из вышеупомянутых начальников средств обороны по совместительству, или же особо назначенное лицо. Безусловно в штабе должен быть свой канцелярский аппарат. При штабе ВХО находится главная станция ВНОС и, в непосредственной связи со штабом, метеорологическая станция.

Весь крупный центр для удобства управления разбивается на районы, в которых группируется то или иное количество об'ектов обороны. Во главе района стоит начальник ВХО района, подчиняющийся начальнику пассивной обороны центра. На обязанности начальника

ВХО района лежит общее руководство пассивными мероприятиями обороны среди населения и об'ектов района. Помощниками ему в этом деле являются: химический инструктор, районный врач, районный брандмейстер и начальник районной милиции и, кроме того, начальник авиахимотрядов данного района.

В каждом об'екте воздушно-химическая оборона возглавляется заведующим обороной об'екта (ЗВХ). В его подчинении находятся химический инструктор и начальники ведомственных команд. Он непосредственно подчинен начальнику ВХО района. На нем лежит ответственность за пассивную оборону своего об'екта, за своевременное принятие всех мер по тревоге и мер ликвидации налета. Схема управления ВХО крупного центра показана на чертеже 4.

М. А. ВЛАДИМИРОВ

ПОСТАНОВКА ЗАДАНИЙ АВИАЦИИ ВОЙСКОВЫМ КОМАНДОВАНИЕМ

РАЗБИРАЯ вопрос о постановке заданий авиации, мы будем касаться почти исключительно одного ее вида — именно войсковой авиации, так как использование армейской авиации (разведывательной, истребительной, бомбардировочной, боевой) имеет иной характер и постановка заданий для нее почти во всех случаях, исходя от высшего армейского командования, проходит через старшего авиационного начальника. В случае же подчинения армейской авиации непосредственно войсковому командованию, постановка заданий приданной авиации будет во многом аналогична с постановкой заданий войсковой авиации, к каковым могут быть прибавлены еще специальные задания по бомбометанию, воздушным атакам и проч.

Что же касается войсковой авиации, то она развертывает свою боевую деятельность, на которую способна при соответствующей материальной части, в направлении максимального содействия успеху земных операций тех крупных войсковых соединений, коим она придана (корпус, дивизия).

Главными задачами войсковой авиации являются (см. схему):

а) **разведка**, имеющая целью выявить: расположение войск и укрепленные позиции противника в первой линии и в тылу, деятельность артиллерии, а также всякие признаки активности неприятельских войск, общую конфигурацию местности и ее характер, жел.-дор. станции, склады, пути сообщения и проч.;

б) **содействие артиллерии**, выражающееся в производстве специальной разведки для артиллерии, с целью выявления новых целей и наблюдения за определенным артиллерийским участком фронта, доставления материала, необходимого для подготовки огневого маневра, а также корректирование артиллерийского огня и поверка деятельности своей артиллерии;

в) поддержание на поле сражения, и особенно во время боя, наиболее **тесной связи** войск с командованием, пехоты с артиллерией и штабов между собой (служба самолетов пехоты и командования);

г) и, как задание, выполняемое попутно с основными,— непосредственное участие в **боевых действиях** путем бомбометания и обстрела с воздуха из пулеметов живых целей противника для содействия своим войскам.

Из этих задач видно, насколько разнообразна и сложна работа войсковой авиации, тем более, что район ее действия расположен как-

раз в сфере, более всего насыщенной неприятельской авиацией и противовоздушными средствами противника.

Для выполнения этой сложной боевой работы главным требованием к летному составу является знание свойств, особенностей и текущих

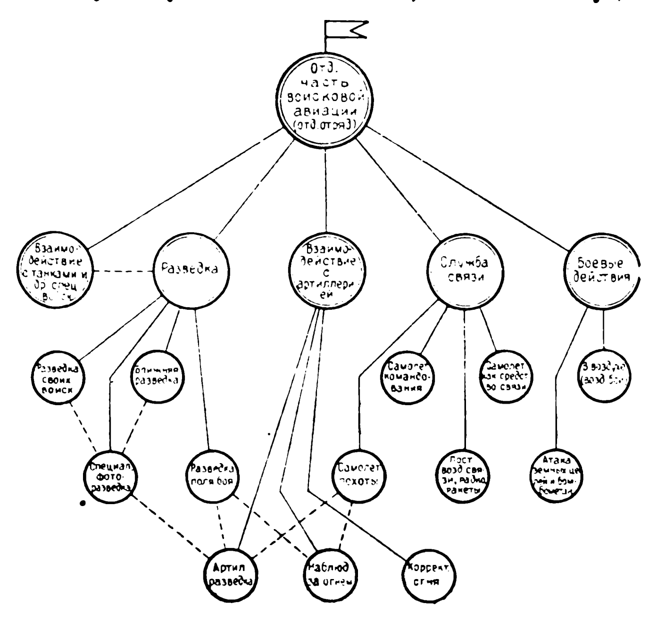


Схема боевого применения войсковой авиации.

нужд различного рода войск, а со стороны последних требуется отличное знакомство с механизмом связи земли с воздухом и, наконец, от командования — отчетливое и правильное понимание того, как могут быть использованы воздушные средства для наиболее серьезной и всесторонней поддержки. Только при соблюдении этого условия, войсковое командование может давать своим авиационным средствам правильные задания, что в решающей степени влияет на результаты боевой работы авиации.

В силу этого, для того, чтобы сознательно ставить перед авиацией те или иные задачи, нужно знать, что полезная работа авиации находится в зависимости: 1) от технических возможностей полета само-

летов, т.-е. от состояния материальной части и особенно моторов; 2) от атмосферных условий; 3) от свободы действий разведывательной авиации, которые могут быть ограничены противодействием противника путем огневого действия с земли и, главным образом, со стороны его истребительной авиации; 4) от характера местности, ее географических условий.

Все эти условия в полной мере предусматриваются авиационным начальником в докладе перед операцией войсковому командованию, которое и принимает эти данные в основу разработки плана использования авиации на определенный период (операцию).

Оперативное использование авиации самым тесным образом связано с состоянием ее материальной части, и, в частности, моторов, которые по своей конструкции рассчитаны на определенное количество часов работы (35—70), после чего должны поступать в переччстку. В силу этого, все расчеты использования авиации в операции должны отводить большую часть полетных часов на период самого боя. Только этим путем можно достигнуть сосредоточения боевых усилий в нужный момент. Непроизводительный расход моторо-часов в период затишья может привести к тому, что к моменту развития операции, когда потребность в боевой работе авиации возрастет до максимума, запас моторо-часов будет израсходован, а перестановка моторов не даст возможности выполнить в нужный момент поставленные задачи, ибо центр тяжести боя на земле является осью, вокруг которой должна развиваться усиленная полетная деятельность авиации.

Атмосферные условия имеют большое влияние на выполнение поставленных задач; это обстоятельство должно учитываться особенно в те времена года, когда неблагоприятная погода имеет затяжной характер. При некоторых условиях и не весьма благоприятная погода, как например, облачность, может содействовать успеху разведывательных действий авиации, при использовании последней облаков, как воздушного укрытия для незаметного проникновения на территорию противника или для неожиданного удара на него с воздуха.

Противодействие воздушной разведке со стороны истребительной авиации противника обычно не имеет постоянного характера, но при господстве в воздухе противной стороны сильно стесняет разведывательную деятельность авиации. Поэтому следует или обеспечивать разведывательные самолеты истребительной авиацией, или посылать в воздух одновременно по два самолета, по звену. При сильном противодействии противника следует использовать для разведки ночные полеты, которые все же до некоторой степени могут дать сведения, особенно в лунные ночи и при применении особых осветительных средств (бомбы, ракеты).

И, наконец, характер местности также оказывает влияние на успешность боевой воздушной работы. Сильно пересеченная или лесистая

местность значительно затрудняет наблюдение с самолета, в то же время давая противнику в самом широком размере использовать естественную маскировку; одновременно сильно затрудняется выбор аэродромов и посадочных площадок в своем расположении, вблизи обслуживаемых штабов.

Все эти условия должны быть строго учтены войсковым командованием, ибо в зависимости от них можно рассчитывать на тот или иной результат воздушной работы.

Но помимо перечисленных условий, при использовании своих авиационных средств войсковое командование должно учитывать и степень нагрузки на летный состав и его утомляемость.

Хотя личный состав, хорошо натренированный физически и морально, может выдержать максимум боевой работы более долгое время, чем даже материальная часть, но вместе с тем некоторые задачи, особенно трудные, как с точки зрения затраты физических сил, так и со стороны умственного напряжения, сильно изматывают летный состав. Это относится к случаям выполнения задач по дальним разведкам и на больших высотах, а также к случаям выполнения полетов по связи с пехотой, которые производятся на малой высоте и в очень тяжелых условиях. И если считать, что в период боев, при интенсивной работе авиации, каждый экипаж может сделать в день по два вылета, со средней продолжительностью до 2 — 2$^1/_2$ часов, то полеты, сопряженные с трудными условиями, к которым также следует отнести и воздушные бои, не должны продолжаться слишком долго, иначе они не будут продуктивными и не могут выполняться дважды, в один и тот же день тем же экипажем.

Учитывая указанное, старший войсковой начальник составляет план использования авиации, при чем для разработки его привлекается авиационный начальник, с которым вместе и должны разрешаться все специальные вопросы.

Весьма часто может быть, что требования по выполнению тех или иных задач могут превзойти возможности разведывательной авиации вообще и, в особенности, авиации войсковой (корпусной).

Вследствие этого командование всех степеней должно:

во-первых, установись строгий порядок срочности выполнения заданий, пренебрегая маловажными, чтобы получить от авиации необходимо существенное;

во-вторых, уберечь хрупкую материальную часть, которая быстро изнашивается, особенно в военное время, для чего:

а) не применять самолетов во всех тех случаях, когда это не вызывается абсолютной необходимостью по условиям обстановки.

б) требовать, чтобы все подготовительные меры выполнялись заблаговременно на земле, в целях максимальной утилизации самолета в продолжение его ограниченного во времени полета;

в) в-третьих, прибегать в целях разведки к помощи авиации только в тех случаях, когда задачи не могут быть выполнены в обыкновенных условиях земными наблюдательными пунктами и аэростатами;

в-четвертых, старательно избегать параллелизма в применении, для чего:

а) согласовывать зоны действий авиации различных соединений (армейской и войсковой);

б) максимально эксплоатировать сведения, добываемые соседней авиацией и авиацией высших и низших соединений

в) не отправлять в воздух одновременно двух самолетов (звеньев), имеющих сходные задания в одном ограниченном районе (секторе), например: не отправлять в данную дивизию один самолет для связи пехоты, а другой самолет для наблюдения в помощь дивизионной артиллерии той же самой дивизии, когда обстоятельства не вынуждают к этому.

Учет всех вышеуказанных элементов и ложится в основу использования войсковым командованием приданных ему авиационных средств.

Как мы уже говорили выше, решающее влияние на результаты воздушной работы имеет точная постановка заданий, почему на это и должно быть обращено особое внимание командования.

Задания ставятся непосредственно старшим начальником командиру авиационной части в виде особых распоряжений в дополнение к оперативному приказу или в виде частного приказа. В самом же оперативном приказе содержится лишь то, что касается и других войск, как, например: „N отдельному авиоотряду произвести разведку в районе таком-то и установить, выдвигает ли неприятель силы к югу от линии такой-то".

Перечисление в общем оперативном приказе всех подробностей, кои необходимы при постановке задании авиации, сильно загрузит приказ данными, касающимися исключительно специальных вопросов для авиации. Сведения же, касающиеся авиации, которые необходимо знать войскам, должны помещаться или в общем оперативном приказе или в особых распоряжениях, рассылаемых заинтересованным частям. В особых же распоряжениях, касающихся специально авиации, должно быть достаточно полно указано как само задание, так и цель, которая преследуется его выполнением.

Эти особые распоряжения должны содержать, применительно к обстоятельствам, следующее:

1. Обстановка. Эти сведения указываются в том случае, если они в основном оперативном приказе недостаточно полно освещены или с момента выхода приказа, ко времени постановки задания авиации, устарели. Эти данные являются для авиации одними из самых главных, ибо от знания летным составом обстановки, расположения своих частей и сведений о противнике — в самой большой степени зависит

успех выполнения поставленной задачи. Сведения эти должны быть самые свежие и, если, после момента отдачи приказания о разведке с сообщением упомянутых данных, таковые изменились, необходимо спешно сообщить авиационному начальнику о происшедших изменениях. Особо правильными и точными должны быть указания о границах расположения нашего и неприятельского.

Следует констатировать, что, как показал опыт ряда маневров и военных игр, войсковые штабы далеко не всегда выполняют это главнейшее требование, и авиационный начальник, зачастую, посылая самолет на разведку, принужден довольствоваться устаревшими данными обстановки, которые ему были указаны в оперативном приказе и которые успели за протекшее время уже измениться.

В данных об обстановке войсковой штаб должен указывать сведения, не только добытые на своем участке, но также полученные и от соседних частей.

2. Р а й о н ы р а з в е д к и (дальней), п о л о с ы р а з в е д к и (ближней и поля боя) или пункты, котор[illegible] должны быть обследованы. В задании могут быть отме[illegible]ны те места, которые должны подвергнуться особо тщательному обследованию. Что же каса[illegible] выбора маршрута и способа ведения разведки, то это — дело авиационного начальника, который этот вопрос сам разбирает и указывает исполнителям.

Во всяком задании воздушной разведке основная задача должна быть выражена определенно, исчерпывающе, должна быть оттенена от указаний по выполнению попутных к основной задаче. Если задач по существу несколько, каждая из них должна быть изложена отдельно, а также должно быть точно указано, ч т о хочет знать начальник и к а к и е данные являются для него важнейшими: например, движение по особо важным дорогам (железным, шоссейным, грунтовым), данные о наступательных намерениях противника и проч. Об'екты наблюдения должны указываться, конечно, главнейшие, ибо нет нужды вдаваться в детали, если только какие-либо из них не являются особо важными, имеющими какое-либо специфическое значение для данного момента, (что делает их собственно уже не деталями).

Могут быть случаи, когда указывать об'екты наблюдения не приходится, например, при обследовании районов, вовсе не освещенных, относительно которых трудно предположить, что в них делается.

И последнее условие—при постановке задания воздушной разведке следует указывать на ц е л ь, для которой нужна данная разведка. Это необходимо для облегчения авиационному начальнику и исполнителям проявить нужную инициативу.

Помимо всех данных, которые войсковой штаб дает авиации, следует также указывать и характер разведки, а именно, одиночная разведка или длительное наблюдение сменяющимися самолетами, а также в какие часы она особенно желательна. О производстве фотос'емок

надлежит помещать особые указания в отношении тех районов и об'ектов, которые должны быть обязательно запечатлены на фотоснимке.

3. Способ передачи донесений. Указания о необходимости доставки донесений к определенному сроку и кому доносить. При радиопередаче должна указываться особая приемная станция, длина волны и позывной; при сбрасывании — место, где организован прием донесений (авиопост), для чего необходимо иметь связь места приема донесений со штабом начальника.

4. Служба связи. Этот вопрос должен в большинстве случаев разрабатываться в общем оперативном приказе, так как он касается всех частей; в нем должно быть указано сигнализирование самолету и с самолета, обозначение бойцами своей передовой линии по требованию самолета командования или пехоты и прочие виды связи, выполняемые при помощи самолета.

5. При выделении самолетов в распоряжение артиллерийского командования, последнее в свою очередь должно также подробно и конкретно ставить задачи, при чем особое внимание должно быть уделено вопросам связи и методу работы по взаимодействию самолета с обслуживаемой артиллерией. Взаимное понимание и заблаговременная согласованность здесь является главной основой успеха, ибо во время боя, во время ведения огня и полета самолета, поздно будет уточнять не разрешенные вопросы или дополнять пропущенное.

6. При постановке задания авиации по бомбометанию и атаке с самолетов живых целей, войсковой начальник должен в своем приказании, кроме общих данных, указать:

а) род и порядок действий авиации и требуемые результаты, а равно предполагаемые действия своих войск;

б) время атаки, строго согласованное до минут (если возможно) с земными действиями, и главные об'екты нападения;

в) местонахождение об'екта и предполагаемая его численность;

г) точное указание передовых линий своей и противника, во избежание удара с воздуха по своим частям и

д) способ атаки: отдельный удар, длительные огневые действия с воздуха (атака „волнами"), периодически, через определенный промежуток времени и прочее.

В перечисленных выше распоряжениях войскового штаба авиационному начальнику при постановке задания на тот или иной вид боевой работы, мы указали ориентировочно главнейшие виды применения и использования авиосредств. Помимо их, может встретиться еще целый ряд других заданий, в зависимости от оперативных условий и обстановки. Но и этих основных видов заданий достаточно, чтобы сделать соответствующий вывод о принципе и порядке постановки заданий авиации.

Практика совместной работы авиации, особенно войсковой (корпусной), с войсками показывает, что штабы командования еще не всегда уделяют достаточно внимания на постановку заданий своей авиации, далеко не полностью соблюдают все важнейшие условия, требуемые для полного проявления авиацией той продуктивной деятельности, которую она может дать в определенной оперативной обстановке, а следовательно, этот дорогой и хрупкий род войск, расходуя свою материальную часть, не дает того максимума полезной работы, какую он мог бы дать при четкой, конкретной и грамотной постановке заданий со стороны войскового командования.

И, наконец, еще необходимо, чтобы соответствующее оборудование войсковых частей было бы на уровне требований воздушного флота, чтобы не случалось, как это иногда бывает, что войсковые части оказываются лишенными средств, необходимых для получения того, что самолеты в состоянии передать этим частям.

И. Н. ШПИЛЬРЕЙН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КРАСНОАРМЕЙЦА МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА

(По докладу в секции обучения и воспитания В. С. Осоавиахима 16/XII 1926 г.[1]).

Опыты, о которых идет речь, касались красноармейцев Московского гарнизона 1901 и 1902 годов рождения. Опыты повторялись трижды: весною 1924 года, осенью 1924 года и весною 1925 года. Всего было обследовано около 2 000 человек.

Эти опыты имели целью выяснить: 1) с какими знаниями в родном языке поступают в армию красноармейцы и 2) какими знаниями обладают красноармейцы, уходя из армии; с какими словами пришла в армию молодежь 1902 года рождения и как изменился словарь этой молодежи под влиянием годичного пребывания в армии, иначе говоря, какое влияние на него оказала политическая работа в армии.

Естественно, что там, где мы должны определить, насколько успешно какое-нибудь орудие обрабатывает подлежащий обработке материал, мы ставим перед собою три вопроса: первый вопрос — что представляет собой материал, подлежащий обработке; второй вопрос — каким орудием мы обладаем для обработки этого материала и, наконец, третий вопрос — каким образом данный материал данным орудием обрабатывается. Нашим орудием было слово — слово красноармейской печати и слово политрука. Поэтому наша первая задача заключалась в том, чтобы изучить словарь красноармейской печати, изучить словарь политрука. Вторая наша задача заключалась в том, чтобы изучить словарь, которым ползуется красноармеец. Мы его назовем активным словарем, в отличие от пассивного словаря — только понимаемых слов. Таким образом, вторая задача наша была — изучение того словаря, которым пользуются сами красноармейцы в своем обиходе. Наконец, третья наша задача заключалась в том, чтобы выяснить, что, если между материалом, подлежащим обработке, и орудием, обрабатывающим этот материал, существует некоторая диспропорция, т.-е. если язык красноармейской печати несколько отличается от живого языка красноармейца, то насколько все же он остается для красноармейцев понятным, насколько включен язык прессы в пассивный словарь красноармейца.

---

[1] Доклад представляет извлечение цифровой части книги того же названия, выходящей в издательстве „Военный Вестник".

В своей работе, мы, во-первых, употребляем метод фиксирования печатного или писанного словаря. Принцип был таков: поскольку дело касалось печатного или письменного материала, мы наносили его на карточки. Каждое слово было занесено на особую карточку. Первое слово мы заносили на первую карточку, второе — на вторую и т. д. Все эти карточки сортировались по алфавиту. Сначала получился общий словарь сравнительных частот отдельных слов. Этот словарь был подвергнут дальнейшей обработке. Мы различали основные падежные и глагольные формы и формы производные.

Сначала такой словарь был составлен для газет, при ч[illegible] он был разработан таким образом, что для каждого слова была вычислена его частота. Затем была произведена общая сводка этих материалов в смысле частоты отдельных грамматических категорий: существительные, прилагательные, глаголы и т. д.

Эта работа по фиксированию красноармейской прессы была произведена нами только один раз — в начале наших исследований. Мы предполагали, что красноармейская пресса особенно не изменилась в течение того года, когда велась эта работа. Теперь же, мне думается, стоило бы снова проделать эту работу, так как под влиянием того большого внимания, которое было обращено за последние годы на язык нашей прессы, он, п[illegible] вероятности, несколько улучшился.

Второй задачей, как я уже говорил, являлось фиксирование словаря политрука. Но так как политруки обыкновенно с красноармейцами не переписываются, а разговаривают, то прежде, чем составлять с л о в а р ь политрука, пришлось зафиксировать его речь. Поэтому мы прибегли к стенограмме, а именно стенографировались политзанятия с красноармейцами. При этом стенографистки получили инструкцию: не исправлять ораторов, как они это обыкновенно делают, а записывать совершенно дословно. Например, оратор говорит: „Наши доходы, они составляются из следующих источников". Стенографистка обычно слово „они" выкинет. Между тем, в нашей живой речи это слово почти совершенно неизбежно. Нужно, значит, его сохранить. Стенографистки, постоянно работающие с нами, привыкшие к специальным заданиям, хорошо выполнили эту задачу фотографической фиксации речи при политзанятиях. На основании такого материала, мы смогли зафиксировать язык политрука и красноармейцев, который в дальнейшем был подвергнут разработке по словарям и затем по сводным таблицам.

Таким образом, мы зафиксировали: устный воздейственный язык, письменный воздейственный язык, устный активный словарь красноармейца. Осталось зафиксировать еще письменный активный словарь красноармейца.

Эта работа заключалась в следующем. Мы получали из редакции газеты „Красный Воин" красноармейские письма, частью для этой газеты использованные, частью неиспользованные.

В предоставленных нам для обработки письмах содержалось около 2 000 слов. Эти слова были нами также разнесены по словарям. Письма были различны и по внешнему виду и по своему содержанию—от достаточно грамотного почерка и стиля письма, написанного лицом, очевидно набившим руку в этом деле, и до совершенно безграмотных каракуль, нацарапанных на листе оберточной бумаги, с которого с трудом приходилось „вылавливать" отдельные слова. Из этих писем и был составлен словарь красноармейца.

И, наконец, последней нашей задачей было уловить пассивный словарь красноармейцев. Мы знаем, что на красноармейца воздействует печать и слово политрука. Сами красноармейцы выражаются языком, отличным от воздействующего на них. Остается выяснить, как же понимают красноармейцы то, что им говорит политрук или газета.

Нам пришлось прибегнуть здесь к такому методу, при помощи которого мы смогли одновременно провести испытание большого количества лиц.

Мы решили производить испытание коллективно и раздавать красноармейцам опросники с вопросами, на которые надлежало найти правильный ответ. Далее мы учли, что, поскольку мы имеем дело с людьми, часто мало привычными к карандашу и еще менее привычными к логическому мышлению,—заставлять их, как мы это делали в других коллективах, полностью определять то слово, которое нас интересовало, не следует, так как мы получили бы в результате чрезвычайное утомление и большое количество таких определений, которые совершенно не удовлетворяют никаким требованиям логики и по которым никак нельзя узнать: знает ли человек определяемое им слово и только не умеет его определить, не может выразить свою мысль, или же он этого слова не знает. Такого рода опыт мы в свое время производили в Коммунистическом университете трудящихся Востока[1]). Но нужно сказать, что разработка такого рода анкет берет страшно много времени и, кроме того, требует от разрабатывающего эти анкеты довольно большой и логической, и политической грамотности.

Поэтому мы прибегли к другому методу, к методу готовых ответов, которые мы печатали рядом со словами, подлежащими определению. Я хочу сообщить здесь не только об удавшихся, но и о первых неудавшихся опытах.

Мы прежде всего построили фразы, которые начинались словами, подлежащими определению, а кончались четырьмя возможными определениями; эти слова раздавались красноармейцам, которые должны были подчеркнуть те из напечатанных жирным шрифтом слов, которые правильно оканчивают начатую фразу. Эти первые опыты были

1) Ср. мое сообщение во II т. „Материалов" КУТВ за 1923 г.

неудачными. Мы провели их над несколькими десятками красноармейцев, и результаты получились отрицательные. Прежде всего неудачным оказался шрифт, которым были напечатаны эти фразы,— он очень трудно разбирается красноармейцами. Мы думали: вот замечательный шрифт — воздушный, легкий, четкий, а их смущало, что „л" не имеет наверху перекладины, а вместо нее две расставленные палочки непривычно спускаются вниз и т. д. Я помню, как один красноармеец заявил: „Это не по-нашински написано". Вторым недостатком являлась длина фразы,— довольно сложный процесс решения: нужно держать в уме всю довольно длинную фразу, чтобы из четырех возможных решений подчеркнуть правильное. Это — нечто вроде решения задачи на умножение двухзначных чисел в уме. Такое решение красноармейцам не под силу,— оно требует особой тренировки.

Учитывая эти недостатки, мы перешли к более простым методам.

Мы прежде всего взяли обыкновенный букварный шрифт, немодернизированный, взяли отдельное предложение, разбили его на две отдельные фразы: одна фраза была вопросом, который состоял из нескольких слов: „что такое аристократ?", „что делает армия?", чем живет бандит?", при чем вопрос не должен заключать в себе больше трех слов и в то же время должен представлять собою законченное целое.

Вторая фраза должна быть ответом. Ответ должен быть выделен и составлен по возможности из одного слова. Пока мы научились правильно задавать вопросы и правильные давать ответы, пришлось довольно много поработать и видоизменить самую постановку вопроса. Вначале мы применяли такой метод: на одно слово-вопрос давать четыре ответа. Один ответ правильный, затем неверный ответ, третий ответ провокационный и, наконец, последний ответ нелепый. Например, на вопрос „что такое антирелигиозный"— было четыре ответа: один был ответ правильный — „безбожник", второй ответ прямо противоположный — „верующий", третий ответ неверный и четвертый ответ — просто несерьезный. Или, например, на слово „ветеран" было несколько ответов. Первый ответ был прямо провокационный — „скотский доктор", затем ответ правильный, неправильный и, наконец, неверный.

При дальнейших опытах мы наш метод несколько изменили. Сейчас мы считаем более рациональным не использовать вовсе ответов несерьезных, а пользоваться только ответами правильными и провокационными.

Я несколько подробнее остановлюсь на этих опытах потому, что они требуют об'яснения. Прежде всего скажу о том, как они производились. Для того, чтобы произвести опыты над 100 красноармейцами, нам нужна работа только одного нашего сотрудника, в течение одного часа рабочего времени. Как же производятся эти опыты? Сначала красноармеец получает лист (см. приложение 1), на котором напечатано

10 слов-вопросов. Эти листы раздаются одновременно с плакатами и зачитываются вслух. На плакате изображено несколько ответов. Один из них — правильный — красноармеец должен подчеркнуть. Здесь происходит иногда недоразумения. Например, на вопрос: „чем живет бандит", у нас имеется 4 ответа: торговлей, службой, грабежом и работой. Часто отвечали так: „грабежом и торговлей: он раньше ограбит, а потом продаст". На это, совершенное логичное рассуждение, мы возражали, что нужно подчеркивать только один ответ, указывающий на существеннейший признак. В данном случае существенным, важным признаком является грабеж и это слово следует подчеркнуть.

После того, как красноармейцы знакомились с этими листами, мы раздавали другие листы (приложение 2). В первых опытах было 6 листов, т.-е. 300 слов, подлежащих определению, в последних—8 листов, т.-е 400 слов.

Как мы находили слова, подлежащие определению? Прежде всего некоторое количество слов, в отношении которых у нас было сомнение в смысле их понятности для красноармейцев, мы извлекли из посещения политчасов. Во-вторых, в казармах мы использовали листы или тетради вопросов и ответов, где красноармейцами записывались непонятные им слова на предмет получения ответов. В-третьих, были использованы беседы с политруками, которые называли нам непонятные для красноармейцев слова. В-четвертых, целый ряд слов был нам назван в агитотделе ПУР. Таким образом, мы составили 300, а затем 400 слов. При последних испытаниях мы не только дополнили, но и несколько изменили содержание этих листов, потому что многие слова (напр., фамилии политических деятелей) уже устарели; как только то или иное слово потеряет актуальность, оно очень быстро забывается.

Я изложил те **методы**, которые мы применяли для фиксирования, с одной стороны, словаря политической работы, с другой стороны, словаря красноармейцев, как активного, т.-е. словаря, которым красноармейцы пользуются, так и пассивного, т.-е. словаря, который они понимают.

Результаты я буду рассматривать таким образом: сначала — активный словарь по количеству различных грамматических форм; затем — пассивный словарь по его богатству, по его разнообразию и по его изменению в течение прохождения срока службы.

1. Словарь политической работы. При нашем, все-таки не очень многочисленном материале, который исчислялся всего несколькими десятками тысяч слов, нельзя ответить полностью на вопрос: какие слова, не имеющиеся в живом языке, употребляются в газетах. Это оказалось невозможным, поэтому что из 10 000 слов, которые мы взяли из газет, мы имели только 28% различных слов. А из 2800 слов нельзя составить такой исчерпывающий словарь, который дал бы нам

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Р. С. Ф. Р.

Н. К. П.

Московский государственный институт экспериментальной психологии
Отделение прикладной психологии

Вопросы.	Ответы.
1. За кого БОЛЬШЕВИКИ?	за КУЛАКОВ за ПОПОВ за ТРУДЯЩИХСЯ за ЦАРЕЙ
2. Где правят БУРЖУАЗИЯ?	в БЕЛОРУССИИ в ГРУЗИИ в РОССИИ во ФРАНЦИИ
3. Что такое АРИСТОКРАТ?	ГОРОД МАШИНА СУДНО ЧЕЛОВЕК
4. Что делают в АКАДЕМИИ?	ВОЮЮТ КУПАЮТСЯ ОБЕДАЮТ УЧАТСЯ
5. Что делает АРМИЯ?	ВОЮЕТ ИГРАЕТ РИСУЕТ ТОРГУЕТ
6. Чем живет БАНДИТ?	ГРАБЕЖОМ РАБОТОЙ СЛУЖБОЙ ТОРГОВЛЕЙ
7. Для чего БАРРИКАДЫ?	ЖИТЬ ЗАЩИЩАТЬСЯ ОДЕВАТЬСЯ ПЛАВАТЬ
8. Когда бывает БАТАЛИЯ?	на ВОЙНЕ на ПОХОРОНАХ при ПОСЕВЕ при ТАНЦАХ
9. Что делают БОМБОЙ?	ГЛАДЯТ ПАШУТ РАЗРУШАЮТ ТРУБЯТ
10. Кто такой СТАЛИН?	АНАРХИСТ КОММУНИСТ МЕНЬШЕВИК ЭСЕР

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Р. С. Ф. С. Р.

Н. К. П.

Московский государственный институт экспериментальной психологии
Отделение прикладной психологии

Вопросы.	Ответы.
1. Что значит СМЫЧКА?	ВРАЖДА ИНСТРУМЕНТ КЛЮЧ СБЛИЖЕНИЕ
2. Что такое «НОЖНИЦЫ»?	ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТРЕЛКА КИТАЙСКИЙ ФОКУС РАСХОЖДЕНИЕ ЦЕН
3. Что такое ТЕЛЕГРАММА?	АППАРАТ ПАКЕТ ПРОВОД СООБЩЕНИЕ
4. Что такое БЕРЛИН?	СТОЛИЦА ГЕРМАНИИ СТОЛИЦА ИТАЛИИ СТОЛИЦА ПОЛЬШИ СТОЛИЦА ФРАНЦИИ
5. Что значит КАТАСТРОФА?	КОЛЕСНИЦА НЕСЧАСТЬЕ ПРАЗДНИК ПРИКЛЮЧЕНИЕ
6. Кто такие БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ?	КОММУНИСТЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ КРЕСТЬЯНЕ СЛУЖАЩИЕ
7. Что ЧЕКАНЯТ?	ВЕКСЕЛЯ ЗОЛОТОЙ ЗАЕМ КРЕДИТКИ МОНЕТЫ
8. Что такое НАРКОМЗЕМ?	УПРАВЛЕНИЕ БОЛЬНИЦАМИ УПРАВЛЕНИЕ ЗАВОДАМИ УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ УПРАВЛЕНИЕ СУДОМ
9. Какая власть в АРМЕНИИ?	БУРЖУАЗНАЯ СОВЕТСКАЯ ФАШИСТСКАЯ ЦАРСКАЯ
10. Что значит СИМУЛЯНТ?	ЛЕНТЯЙ ПРИТВОРЩИК РАБОТЯГА ФРОНТОВИК
11. Что такое КЛУБ?	АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ОРУДИЕ МЕСТО СОБРАНИЙ МОТОК ШЕРСТИ ЧАСТНАЯ КОНТОРА

и т. д.

представление об этом языке. С другой стороны, из красноармейских писем, из материала в 20 тысяч слов мы имеем только 3 600 различных слов. Как видите, это — величины несоизмеримые, сравнить их никак невозможно. Осталось только сравнение структуры языка. Оказалось, что красноармейская пресса содержит в себе 28% основных форм и 72% производных на 10 000 слов. Это ее первая характеристика. Вторая ее характеристика касается грамматической структуры. Здесь мы имеем следующее: пресса дает нам 38% имен существительных; это значит, что на каждые 10 газетных слов мы имеем 4 имени существительных. Тут мы имеем частичную замену глаголов существительными. Для сравнения скажу, что имена существительные в активном словаре красноармейца составляют 29%.

Имена прилагательные в словаре прессы составляют 13½%, в словаре красноармейцев — 7%, работники прессы иногда любят красиво выражаться, уснащать свои мысли предикатами. Живую же речь загромождать прилагательными можно только такому оратору, у которого время не ограничено. Кроме того, меньшее число существительных в живой речи не позволяет увеличить и числа прилагательных.

Относительно местоимений. Местоимения в словаре прессы составляют 7% всех слов, в словаре же красноармейцев — 14½%, т.-е. в два раза больше, чем в словаре прессы. Это вполне понятно, потому что, говоря друг с другом, люди чаще пользуются местоимениями, чем тогда, когда им приходится писать.

Глаголы в пассивном словаре, т.-е. в словаре прессы, реже встречаются, чем в активном словаре, т.-е. в живой речи. В словаре прессы они составляют 15%, в словаре же писем и в словаре политобучения количество их колеблется между 16 и 21%. В газетном языке глаголы окостеневают в субстантивных формах.

Наречия составляют 7,9% всех слов пассивного словаря; в живом языке они составляют от 12 до 15%.

Мы не ошибемся, если скажем, что имена существительные исчезают из словаря по мере его оживления и заменяются такими частями речи, как наречие, местоимение и глагол.

Что же касается остальных частей речи: предлог, междометие, то здесь большой разницы между словарем устным и словарем прессы не существует.

Теперь перед нами стоит такой вопрос — приближается ли язык красноармейца к языку прессы в результате пребывания в армии, и если приближается, то в каком отношении. Это очень существенный вопрос. Ведь если мы наблюдаем разницу между языком прессы, с одной стороны, и живым языком, с другой, то можем ли мы отнести это за счет недостатка одного из них? На этот вопрос мы должны ответить, что если пресса совершенно иначе строит свой язык, нежели

язык красноармейца, то пресса поступает неправильно. Она, конечно, должна приблизиться к языку красноармейца. Но в деле приближения языка прессы к языку красноармейца нельзя переходить известных границ, — этого ни в каким случае забывать нельзя. Все те произведения, которые пишутся „под мужика“, с усиленным культивированием „мужицких“ выражений или так называемых провинциализмов, не достигают цели.

Не достигают цели потому, что провинциализмы известны только тем местностям, в которых ими пользуются; можно говорить просто и чисто по-русски без того, чтобы коверкать свой язык, приспособляя его к выдуманному или даже к действительно где-нибудь существующему мужицкому языку. Приспособляя прессу к чересчур мужицкому языку, мы делаем ту ошибку, которую делают взрослые, создающие для детей особый детский язык и говорящие с ними на этом языке. Ведь красноармейцы понимают грамотный и простой русский язык и хотят говорить грамотно. С ними надо говорить грамотно и просто; если же мы умышленно коверкаем свою речь, повторяя те ошибки, те неправильности, которые делает красноармеец в выражениях по неумению, то мы не вызываем его симпатии, а вызываем те же нарекания, которые вызывает в деревне неудачная книжка с обложкой, на которой нарисован оборванный, растрепанный мужик. Такая книга вызывает замечания: „Зачем над мужиком смеются, — в таком виде его изображают“.

Нам необходимо найти тот язык, который можно было бы взять за образец, и стремиться, чтобы к нему приближался бы язык красноармейцев. В каком же отношении язык красноармейцев за год пребывания в армии приближается к языку п[illegible]ному? Разберем это по грамматическим категориям.

Имена существительные. Язык красноармецев за год пребывания в армии в этом отношении не приблизился к языку печатному; количество существительных через год осталось таким же, как до военной службы (20%). Призывники 1901 года имели в словаре своем 29% имен существительных; призывники 1902 года пришли в армию с 23% имен существительных. Такое количество имен существительных у них и осталось, — в этом отношении язык прессы на их словарь не повлиял.

С именами прилагательными дело обстоит иначе. С 5% (с этим количеством пришел в армию молодняк 1902 года) их число поднялось до 6,5% за год. Это значит, что красноармейцы проявили большее умение выражать свои мысли, стали давать своей речи большее количество оттенков.

Местоимения в большинстве случаев употребляются тогда, когда нет подходящего существительного. Те „того“ и „чаво“, которые заменяют собою соответствующие существительные, за год пре-

бывания в армии уменьшаются на 10% начального количества (я уже говорил, что язык прессы содержит в себе 7% местоимений). Красноармейцы-призывники с 17,5% местоимений через год пребывания в армии имеют 15,8% местоимений.

Глаголы составляют 16% в прессе, 18,6% в письмах и 20% слов устного языка красноармейца. Эта последняя цифра не обнаруживает тенденции снижаться во время пребывания в армии.

Следовательно, словарь красноармейцев, призванных в армию, через год приобретает более совершенную форму, однако, не во всех отношениях приближается к литературному.

* * *

В заключение несколько слов о том, как красноармейцы воспринимают слова пассивного словаря. К концу своего пребывания в армии, красноармейцы, ушедшие из армии в 1924 году, в среднем понимали около 60% из тех слов, которые мы проверяли. Красноармейцы, рожденные осенью и весною 1902 года и поступившие в армию в 1924 году, дали при поступлении цифру правильного понимания слов в среднем 62%. В дальнейшем за полгода пребывания в армии увеличение понимания слов выразилось в 2,8%, а за год пребывания в армии дало 8%, увеличившись, таким образом, до 70%.

Следовательно, мы можем сказать, что воспитательное значение пребывания в армии в течение одного года выразилось в увеличении политического словаря красноармейцев на 8% — с 62% до 70%.

Прирост знаний за второе полугодие идет быстрее, нежели за первое. Это об'ясняется тем, что, очевидно, в первый период пребывания в армии у красноармейцев все время уходит на приобретение знаний в военной учебе, тогда как во втором полугодии учеба идет менее активно.

Как понимает красноармеец отдельные слова?

Мы имеем в числе проверенных целый ряд таких слов, которых красноармейцы теперь почти-что не знают. Возьмите хотя бы того же самого Венизелоса, который в 1924 году был на политической сцене. Если его красноармейцы знают, то превратно, а в большинстве случаев совсем не помнят. То же самое можно сказать о словах: *Вандервельде, Афганистан,* — эти слова для большинства красноармейцев ничего не говорят. Есть слова, которые красноармейцы знают очень хорошо. Например: *академия, бастовать, Варшава, врач, гауптвахта* — очень хорошо знают; очень хорошо знают слово *дезертир,* довольно хорошо знают *Демьяна Бедного,* знают слово *живоглот,* знают *Зиновьева,* знают, что такое *золотопогонник, заем, Ирландия,* хотя я думаю, что это слово теперь уже забыли, — актуальность, имевшаяся в 1924 году, прошла; знают слова: *карьера, Колчак* и еще помнят *Кутузку;* почти 100% знают слова: *Моссовет, Наркомзем, оратор;* не забыли слово *Перекоп,* знают — *политпросвет, политрук, политика, предрассудки, программа, профессор, публика;*

Рейхстаг — не знают, слово *реквизиция* — знают хорошо, *санитария* — понимают, *Соединенные Штаты* — тоже знают; *спекулировать* — знают хорошо. Также хорошо знают: *станок, статьи, трибуна, трибунал, член партии, шайка, шерста, шефство* и т. д.

Превратное представление имеют о следующих словах: *автономный*, — понимают, как „богатый"; *анти-религиозный*, — это слово дает одинаковое количество ответов: „верующий" и „безбожник" (понимают только, что это с божеством связано, а значение прибавки „анти" — не улавливается). Слова: Афганистан, блокада, Брестский мир, Вандервельде, Версальский мир — большинство неправильно понимают. Слово *ветеран*, — я уже говорил, — понимают как „ветеринар". Слова *ВЦСПС*, *ВСНХ*, — не знают; вообще с сокращениями беда!

Очень немногие красноармейцы понимают слово *коммунальный*. Слово *кредит*, конечно, не знают: представление о кредите — превратное. Слово *ликвидация* не понимают, — „ликвидацию" знают, как развитие (ликвидация неграмотности — отсюда ликвидация нечто прогрессивное). Слово *монополия* ясно понимается не как особое право, а как водка. *Петиция* понимается не как прошение, а как жалоба.

Приложенная таблица дает представление о распределении слов (см. приложение 3).

Если, учитывая эти знания красноармейцев, просмотреть, что понимают они в предназначенных для них газетах, окажется, что в иных случаях может получиться очень своеобразный эффект. Не мешало бы вспомнить некоторые страницы рассказов Пантелеймона Романова и Чехова о том, как мужик понимает речь, слышанную им на собрании, так как очень и очень часто они могут быть оправданы действительностью. Ведь мы очень часто употребляем слова из политической сферы, которые для нас, в нашем обиходе, кажутся уже совершенно ясными, и которые понятны высококвалифицированной московской рабочей аудитории. Мне кажется, что эти слова мы чересчур легко произносим на собраниях молодежи, которая приходит в армию с очень ограниченным знанием слов, и часто получается очень малый эффект пропаганды, потому что мы предполагаем найти более высокие знания у обрабатываемого коллектива, чем те, которыми он фактически обладает.

Что же получается, если мы все эти слова разобьем по группам и посмотрим, насколько выросли знания у красноармейцев за год пребывания их в армии по отдельным категориям слов?

Мы разбили слова „пассивного словаря" на следующие пять категорий: 1) слова общие; 2) слова, характеризующие политическое развитие; 3) слова, связанные с военным делом; 4) географические названия; 5) сокращенные слова и фамилии политических деятелей. Надо сказать, что из области военного дела мы проверяли только те слова, которые были так или иначе связаны с политической жизнью

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

ВЕЛИЧИНА КОЭФИЦИЕНТОВ ВЕРНОГО ЗНАНИЯ

Величина коэфициентов неверного знания	100—75	75—25	25—1	0
76—100				ветеран
26—76		признание пролетарий	автономный антирелигиозный беспартийный Версальский мир Мопр система соглашатель солидарный	блокада бюрократизм военкор десант Доброхим импорт контрибуция кредит критика монополия ноты петиция премирование УССР
1—25		акт арена Армения банкнота Бессарабия биография вентиляция Вильсон Временное правительство ВЦСПС Германия Государственный аппарат демобилизовать дефицит Донбасс живая церковь залог кайзер колония коммуна компенсация литера нейтральный партизан плакат посол пропаганда Профинтерн Пуанкаре развертка РВСР Роза Люксембург РСФСР синдикат смета союзник Сталин стяг текстильщик титул фабзавуч физкультура фирма хроника ЦКК	Антанта Афганистан Всероссийский староста Генуя Германская революция Дзержинский дипломат докер Донбаль западный интервенция коммунальный Лига Наций ликвидация Лозанна Макдональд Мильеран моральный НКТ Носке Ньюбольд оррач Пилсудский Польша прелиминарный Радек Раковский реакционная власть реформа РКИ спартаковцы стабилизация СТО территориальник Томский торгпредство утилизация Фош Фрунзе цензура ЦИК Эрбет	Болдуин Венизелос компромисс оппортунист

ВЕЛИЧИНА КОЭФИЦИЕНТОВ НЕВЕРНОГО ЗНАНИЯ

0

агент
академия
амбулатория
Англия
аристократ
армия
артель
банкир
бастовать
библиотека
Врангель
враг
гаупвахта
гвардия
горб
дезертир
делегат
Демьян Бедный
Деникин
депутат
держава
диспут
документ
живоглот
журнал
заем
зарплата
золотопогонник
Ильич
инвалид
Индия
иностранец
инспектор
инструктор
инструкция
интендант
Ирландия
исполком
караул
катастрофа

кинтанция
клуб
коллективно
Колчак
командировка
комбат
комиссия
комитет бедноты
комячейка
конкурс
конференция
кооператив
Красная Пресня
кутузка
ленинизм
ленинский призыв
лозунг
лыжи
метр
Моссовет
оратор
организация
отпускник
налет
нап
пенсия
Первое мая
план
подоходно - поимущественный налог
позиция
политика
политпросвет
политработа
политрук
политчас
предрассудок
программа

авангард
авиация
Австралия
Австрия
амнистия
анафема
ассигнация
ассоциация
атака
Баку
белогвардейцы
Берлин
Брестский мир
Бухарин
Варшава
Вашингтон
Венгрия
Владивосток
Внешторг
Воронский
Ворошилов
ВСНХ
выставка
Гапон
гарнизон
гигиена
гимн
ГПУ
Девятое января
дезинфекция
декрет
демократический
дисциплина
доллар
заготконтора
Зиновьев
иго
идея
идол

издательство
империалист
капиталист
капиталистический строй
Карл Либкнехт
категория
Коминтерн
коммерция
коммунист
компартия
комфракция
контрабанда
краском
кризис
Крупская
легальный
лектор
лотерея
Луначарский
маклер
марксизм
марсельеза
международное объединение
Муссолини
наказ
Наркомзем
Наркомпочтель
национализация
нация
ножницы
оккупация
парламент
пароль
партия
партработа
перебежчик
передовица
Перекоп

блок
Вандервельде
Володарский
демонстрация
дискуссия
Нэп
псевдоним
СССР
эквивалент

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Окончание

ВЕЛИЧИНА КОЭФФИЦИЕНТОВ ВЕРНОГО ЗНАНИЯ.

ВЕЛИЧИНА КОЭФФИЦИЕНТОВ НЕВЕРНОГО ЗНАНИЯ	100 — 75		75 — [illegible]	
0	пролетариат промысловый налог профессор публика рабство регистрация резерв революция реквизиция рекрут РКП РКСМ самогон санитария с'езд секретарь сельско-хозяйственный налог Сибирь симулянт смычка Совет национальностей Соединенные Штаты	социалистический строй Союз спектакль спекулировать спец станок статья субсидия танк телеграф территория транспорт тренировка трибунал трибуна угнетенный Украина устав учет флот цеппелин ЦК РКП червонец член партии шайка Швейцария шеренга	печать погром помазанник портфель предатель прогресс пропеллер профсоюз процент Путиловский завод районирование Реввоенсовет режим Рейхстаг репарация репертуар республика ржаная единица Рижский мир Роста Рур Саксония сан санчас сельмаштрест склеп словарь Совнарком солидарность спорт справочник стаж	столица Англии Тихон траур Троцкий уголовный узник ультиматум универсальный университет Урал фашист фонд формировать Франция ходатайство циркуляр частушка Чека чеканить чекист шефство шпик шпион штрейкбрехер эксплоатация энергичный человек эпидемия эскадрилья юбилей Юденич юные пионеры Япония

или бытом красноармейца, т.-е. мы не брали ничего специфически военного, ничего такого, что не касалось бы красноармейского обихода. Этим об'ясняется то, что и начальный уровень знакомства красноармейцев со словами, относящимися к военной области, довольно высокий; 76% этих слов красноармейцам было известно уже при прибытии в армию. За год число это увеличилось до 85%. Меньше всего красноармейцы знают фамилии политических деятелей. Это тоже понятно, потому что сегодня эти слова нужны, а завтра — не нужны. Например *Керзона* уже забыли. Запоминаются только те слова, которые ежедневно теми или иными способами вбиваются в голову. А как только такие, например, слова, как *блокада*, *Брестский мир*, перестали быть актуальными — их забыли. Разницей в колебаниях актуальности об'ясняется и совершенно различный прирост знаний при усвоении различных групп понятий. Наибольший прирост дают

фамилии политических деятелей: знание актуальных фамилий с 27% возрастает за год пребывания в армии до 74%, что соответствует приросту в 200%. Меньший процент дает прирост знаний сокращенных слов. При поступлении в армию красноармейцам в среднем известен только 51% сокращенных слов.

В Москве, где красноармейцы постоянно сталкиваются с сокращениями и т. д., слова эти сами по себе, независимо от того смысла, который за ними скрывается, становятся красноармейцам знакомы, и, таким образом, через год мы имеем прирост словаря красноармейцев до 79%, т.-е. на 28% по отношению ко всему количеству слов и 50% по отношению к первоначальным знаниям.

В области географических познаний прирост выражается в цифре от 54% до 65%, т.-е. на 11% увеличился по отношению ко всему количеству слов и на 20% по отношению к первоначальным знаниям.

Слова общеполитического развития, куда относятся такие слова, как, например, *амнистия*, *автономный*, и т. д., дают незначительный прирост с 76% до 83%, значит на 7% по отношению ко всему об'ему слов и на 10% по отношению к первоначальному знанию слов этой области. Этот прирост, несомненно, малый, но следует принять во внимание то, что это не ударные области целевой пропаганды. В этой области прирост наиболее медленен, но наиболее устойчив.

В заключение следует указать на то, что такого рода проверка результатов политической работы в цифрах, хотя бы приблизительных (потому что нужно учесть всякого рода случайности), показывающая изменение словаря коллектива под влиянием воздействующих на него условий, такого рода метод всегда, как это было видно на опыте, давал большую экономию сил, большую экономию времени. Поэтому сейчас такого рода метод как будто все больше и больше распространяется. Мы получаем от целого ряда военных округов просьбы о высылке инструкций по проведению такого рода испытаний, и на местах, там, где были проведены эти испытания, они дали довольно интересные результаты.

Кроме того, мы сейчас (это уже во многих учреждениях проделывается) подходим к вопросу о рационализации политической работы. Вопрос этот надо поставить в широчайшем смысле, и изучение того, что имеется сейчас определенного в этой области, должно занимать, если не по своей важности, то по своевременности, первое место.

М. КОРОЛЬ

ВОСПИТАНИЕ И АВТОМАТИЗАЦИЯ [1]

ВОПРОСЫ развития навыков автоматического действия не пользуются особой популярностью у нас в армии, даже больше того — эти вопросы пользуются у нас очень дурной славой.

В нашей военной печати изредка появляются различные статьи, в которых указывают на опасность автоматизации, которая проникает в Красную армию, как плохое наследие царской армии, и грозит нам всякими опасностями.

Заслуживает внимания, как характерный, следующий факт: в редакцию „Военного Вестника" в ответ на дискуссию о политработе в бою один красноармеец прислал письмо приблизительно такого содержания: „Тов. Левичев, не прислушивайтесь к тому, что предлагают вам, так как мы не автоматы, а мы люди сознательные".

Эту же точку зрения о несовместимости автоматизма и сознательности разделяет относительно значительное число военных работников. Они считают автоматизм в Красной армии оскорбительным для классовой сознательности и революционности.

В обоснование „неприятия" автоматизма обычно прибегают к следующим доводам: 1) автоматизм является признаком армии капиталистических стран и в частности старой царской армии; 2) структура Красной армии, ее дух, самодеятельность, политическая работа прямо противоположны автоматизации: одно исключает другое.

Указание, что автоматизация в царской армии была направлена к тому, чтобы подавить всякую умственную деятельность солдат, безусловно верно. Прав проф. Рейснер, когда пишет, что: „без применения специальной психической тренировки и дрессуры в искусственных условиях старой казармы и паралича умственной деятельности не было бы возможно обращение эксплоатируемых в орудие для подавления собственных братьев".

Но из этого вытекает, что автоматизация в царской армии и в армиях капиталистических стран является не столько и не только автоматизацией движений, действий, сколько еще и своеобразным способом „политического" воспитания солдата. Оторвав солдат от его класса, наложив железные цепи на его умственную деятельность, дрессировкой и тренировкой вырабатывали из него своего рода держиморду, солдафона, послушное орудие в руках своего командира.

---

[1] Статья в основном является содержанием доклада автора на заседании научно-исследовательской секции Центрального Совета Осоавиахима 24 мая 1927 года.

Проф. Рейснер даже считает, что „дисциплинарные уставы заключают в себе настоящее руководство по массовому внушению, подражательному заражению и организации привычки в наиболее твердых и устойчивых формах". Это преувеличение, с которыми можно согласиться только отчасти, основано на том, что дисциплинарные уставы охраняли тот порядок в армии, который в рамках армейского быта воспитывали навыки бездушного автомата — солдафона.

Но следует ли отсюда делать вывод, что если в царской армии автоматизм имел своей задачей создание бездушного автомата, покорного раба, превращение человека в скотину, деклассирование рабочего и крестьянина — можно ли отсюда делать вывод, что в Красной армии автоматизм не нужен и вреден?

Разве мы отказались от трехлинейной винтовки, потому что она раньше в руках царского солдата была направлена против рабочих и крестьян? Разве мы против дисциплины в Красной армии, потому что в царской армии дисциплина служила средством скрепления военной организации царского самодержавия? Никому и в голову не могли притти такие нелепые мысли.

Формальные сравнения дисциплины у нас и в царской армии могут привести к таким же выводам, что и по вопросу об автоматизации. И в царской армии дисциплина имела своей внешней формой систему подчинения младшего старшему и исполнение приказов. У нас то же самое. Но ведь совершенно ясно, что формальные сравнения не годятся. Весь вопрос в том, на какой классовой базе создана та и другая дисциплина, кому она служит, и в интересах каких классов создана военная организация.

Владимир Ильич Ленин учил нас отнюдь не зарекаться от использования тех способов и знаний, которые имеются у буржуазных армий:

„Как решить задачу сочетания энтузиазма нового революционного творчества с использованием того запаса и склада буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах[1]), без которой он (рабочий класс) не сможет овладеть современным способом ведения войны".

Даже „худшие формы" буржуазной науки и техники милитаризма надо уметь использовать, для того, что вести победоносную войну против буржуазии.

Что такое автоматизация?

Коротко говоря, автоматизация состоит в постоянном приспособлении внутренних отношений всего организма к внешним отношениям. В эту общую формулировку включаем как физиологическую сторону этого процесса, так и социальную его сторону.

---

[1]) Курсив мой. М. К.

Не может быть человека в любой социальной среде, в любом обществе, который не был бы вынужден приспособляться к этой среде, приспособляться в том смысле, что он должен увязать свои внутренние отношения с отношениями извне.

„Всякая деятельность организма — равнодействующая двух факторов: специального раздражения среды и внутренних условий, представляющих собой всю сумму свойств данной индивидуальности и состоящей в свою очередь из наследственных и приобретенных путем жизненного опыта качеств“ (Бехтерев).

„Что собственно есть в факте приспособления? — Ничего — говорит академик Павлов, великий рефлексолог,— кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой. Но ведь это же совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле. Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать, как таковое, лишь благодаря уравновешению отдельных атомов и групп их между собой и всего их комплекса с окружающими условиями. Совершенно так же грандиозная сложность высших, как и низших организмов, остается существовать, как целое, только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собой и с окружающими условиями“.

И вот дальше:

„Движение растения к свету и отыскивание истины путем автоматического анализа не есть ли в сущности явление одного и того же рода? Не есть ли это последние звенья бесконечной цепи приспособлений, осуществляемых во всем живом мире“.

Мы не являемся сторонниками Павлова, пытающегося знаниями и методами физиологии подходить к разрешению общественных и социальных явлений. Такого рода попытки мы отвергаем. Но основная установка, данная Павловым по вопросу о приспособлении, верна как в области чисто биологической, так и социальной.

Останавливаясь на вопросе приспособления каждого организма, в нашем случае возьмем человека, не отвлеченного, а общественного, и обнаружим в нем все процессы приспособления к окружающей его среде.

Перенося этот взгляд на армию, мы можем сказать, что в организме каждого красноармейца мы имеем все процессы приспособления к военной дисциплине, к военной организации, условиям военного быта как в мирное, так и в военное время.

Без такого приспособления не может быть и речи о каких бы то ни было навыках. Военно-воспитанным человеком можно считать того, кто имеет ряд таких навыков, которые необходимы военному человеку. Не было бы летчиков, если бы люди не развивали в себе таких качеств автоматического приспособления к воздушной среде, которые необходимы человеку для работы в воздухе на самолете.

„При повторном действии всякого раздражения общая реакция им вызываемая, постепенно притупляется... Все возбудители благоприятной общей реакции при повторном их возобновлении через отдельные промежутки времени приводят к установлению привычки к этим возбудителям" (Бехтерев).

В неменьшей степени этот пример применим к военному воспитанию. Без дисциплины не возможно достичь боеспособности частей Красной армии. А это в свою очередь приводит к воспитанию привычек, что неизбежно приводит к автоматизации.

„Нынешние условия военных действий,— пишет проф. Рейснер,— необходимо приводят к тому, что центр тяжести переносится с движения массой, толпой или скопом на продвижение отдельными разрозненными единицами. Дальнейшая механизация боя с громадным применением технических и химических способов истребления приводит неизбежно к тому, что слабеет непосредственная опора в массовом соединении и выдвигается на первый план личность отдельного бойца, вооруженного усовершенствованными орудиями войны. Масса устрашающих и поражающих средств, начиная от чудовищного грома и грохота и кончая отсутствием видимого противника, легко приводят к состоянию паники недостаточно устойчивых и тренированных бойцов. С другой стороны, требуется громадная инициатива, самостоятельность и опять-таки личная устойчивость для того, чтобы выполнить индивидуальные боевые задания".

А это привело тов. Рейснера к следующим выводам:

„При помощи дисциплины и безусловного повиновения возможно достичь настоящей боеспособности крупных военных частей. А это в свою очередь требует надлежащего воспитания подсознательной психики с неизбежным автоматизмом и обращением к привычке, подражанию и внушению".

Нет никаких оснований смущаться того, что мы привлекаем в Красную армию кое-что из опыта буржуазных армий. Ведь независимо от того, на какой классовой основе построена армия, идет ли речь о белой армии, о Красной, об архиконтрреволюционной армии — основой дисциплины является исполнение приказа и безусловное подчинение. Это является необходимым условием любой военной дисциплины. Без выполнения этих условий невозможна никакая военная дисциплина ни в какой армии мира, независимо от ее классовой сущности.

Что отличает дисциплину Красной армии от дисциплины любой другой армии любой капиталистической страны?

Нашу дисциплину отличает ее общественно-политическая сторона. Общественно-политическое строение нашей дисциплины имеет совершенно иные корни, чем в армиях капиталистических стран.

Общественно-политическая сторона нашей дисциплины состоит в том, что Красная армия является вооруженным отрядом пролетарского государства, — вот это и определяет общественно-политическую сторону нашей дисциплины.

Военно-организационная сторона нашей дисциплины, опирающаяся на технику войны, требует прежде всего исполнения приказа и подчинения. И эта сторона военной дисциплины является частью дисциплины любой армии. В такой же степени и автоматизация является необходимостью любой армии, независимо от того, на какой классовой основе [illegible] армия создана и построена.

Трудно представить себе воспитание бойцов без воспитания определенных навыков. Возьмем артиллерийскую стрельбу. Для обслуживания орудия необходимы действия целого коллектива, необходима соответственная расстановка людей, определенная система, организация и взаимодействие между людьми. Это в свою очередь приводит к автоматизации движений и действий, без которых невозможно правильное и бесперебойное действие орудия.

Автоматические орудия требуют автоматических действий. Следовательно, нужно развивать и воспитывать в Красной армии эти автоматические действия.

Тут мы подходим к наиболее серьезной части возражения противников автоматизации. Это — совместительство политической активности с автоматизацией.

Политическое воспитание Красной армии в первую очередь основано на развитии самодеятельности. Политическая самодеятельность состоит в том, что наш красноармеец принимает участие в государственной жизни, может быть членом разных обществ, даже не военных и т. д.

Противоречит ли автоматизация движений и действий политическому воспитанию и политработе в Красной армии?

Противники автоматизации говорят: каким образом вы возьмете вооруженного рабочего или крестьянина, не лишенного своего гражданского права, являющегося почетным гражданином Советской республики, и превратите его в автомат?

Такая постановка вопроса совершенно неверна.

Само „политическое воспитание" имеет также в себе элементы автоматизации. Политическое воспитание является также делом воспитания определенных политических навыков. Политическое воспитание не состоит лишь из одного изучения политической грамоты. Необходимо развитие известных политических навыков.

Еще в период подпольной политической работы, политическое воспитание как передовиков рабочих, так и рабочих вождей было основано на ведении практической политической работы, так как

только практическая политическая работа вырабатывает взгляды и навыки, нужные политическому деятелю. Политический деятель в своей оценке того или иного вопроса всегда исходит, независимо от того осознано ли это им или не осознано,— из тех навыков, какие у него имеются в отношении того или иного общественного явления.

Не даром же при политических дискуссиях и при разногласиях по поводу тех или иных партийных вопросов, при анализе ошибок того или иного товарища всегда указывают на его прошлое: как реагировал он в прошлом на то или иное явление. У него имеются определенные, выработанные навыки, которые заставляют его, помимо его воли, бессознательно реагировать на данное явление так, а не иначе.

Политическое воспитание Красной армии в первую очередь стремится выработать навыки сознат... ого советского гражданина. Это осуществляется тем, что красноармейцы активно участвуют в строительстве советского государства и Красной армии, что они связаны с целым рядом общественных организаций. Это влияет на красноармейца извне и содействует выработке у него определенного подхода к различным политическим вопросам.

Нет человека, у которого не было тех или иных навыков и привычек. Сошлюсь в данном случае на Джемса, который привычки называет большим маховым колесом общества, наилучшей его консервативной силой, ибо без привычек невозможна была бы никакая систематическая, планомерная деятельность. Чем старше человек, тем в нем больше этих привычек. Он ими обложен со всех сторон. И даже тогда, когда он хотел бы расстаться с ними, он не может этого сделать, не может освободиться, выпрыгнуть из этой оболочки привычек.

Если военное воспитание имеет своей задачей развитие в бойце уменья воевать, приспособления его к военной машине, знания своего места в военной организации, то политическое воспитание имеет своей целью. своей основной задачей, воспитание в бойце желания воевать, т.-е. понимания неизбежности войны и необходимости сражаться и побеждать.

„До сих пор страх является наиболее ощутительным фактором социальной дисципл ны в человеческих обществах. Страх может задержать и преодолеть и другие инстинкты, даже могучий половой. Но мощно организованный комплекс, воплощающий в себе идеал поведения, может развить такую силу физической и моральной смелости, против которой бессильна эмоция страха“ (Джемсон).

И это также связано с необходимостью воспитания ряда политических навыков, которые и создают политически сознательного человека.

При анализе того или иного явления мы обычно в значительной мере оперируем предвзятыми взглядами, имеющимися у нас, благо-

даря навыкам нашей прошлой жизни. Эти навыки влияют на оценку того или иного явления в ту или иную сторону. Трудно анализировать совершенно беспристрастно, так как имеющиеся у нас навыки, наши привычки реагировать так, а не иначе, на данное явление, заставляет нас притти к определенному нам свойственному решению. Это свойство является особенностью нашей индивидуальности — бессознательно реагировать на явления так, как мы к этому подготовлены нашей прошлой жизнью, жизнью нашего класса и нашими индивидуальными навыками.

Та дискуссия, которая была в нашей военной печати о политработе в бою, выявила, что ряд товарищей, к сожалению, рассматривали бой, как явление, которое не вызывает особенно существенных изменений в состоянии всего человеческого организма. Такого рода взгляды не верны.

В бою мы имеем дело больше с биологической стороной человека, чем с его социальной стороной.

Высказывая эту „ересь", сознаю, как опасно и рискованно без оглядки становиться на этот путь. Но изучение деятельности великих полководцев, умевших руководить людьми в бою, опыт империалистической и гражданской войны твердит, что в бою даже и сознательный человек как-то теряется и действует не так, как действовал бы вне боевой обстановки.

Человек — существо биосоциальное. В условиях мирного времени превалирующее значении в поведении человека имеет его социальная сущность, она является диктатором, она заполняет человека, занимает относительно большее место, чем биологическая его сторона. В бою, наоборот, начинает в большей степени функционировать биологическая сторона человека.

Отсюда вывод, что наша задача воспитать в бойце все нужные качества, в том числе и его „подсознательные", биологические, которые в большей степени будут иметь место в бою.

В бою необходимы прочные навыки, неот'емлемые от человека. Ведь разница между искусным мастером и учеником состоит в том, что искусный мастер имеет ряд навыков и сразу применяет нужный ему в данном случае рефлекс, тогда как ученик, испытывая то или иное движение, вводит целый ряд рефлексов, которые в данном случае лишь затрудняют процесс. Искусный мастер сразу отбрасывает ненужные ему рефлексы.

В бою целесообразно иметь таких искусных мастеров, которые могли бы применять даже бессознательно те именно рефлексы, которые нужны в бою и которые были им своевременно привиты воспитанием в мирной обстановке.

Считаю необходимым оговориться, что вопрос о пропорциях биологического и социального в бойце является только лишь нашим предположением, которое нуждается в разработке и основательной критике.

ТАЛАНКИН

К ВОПРОСУ О „ВОЕННОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ“

ВСЕ чаще и чаще в последнее время раздаются голоса в пользу создания новой отрасли военного дела — военной психофизиологии, или рефлексологии. Тов. Циффер в статье „Тактика и Техника“ [1]) пишет: „создание учения о военной (боевой) психофизиологии и рефлексологии — одна из очередных важнейших и труднейших задач в области военного знания“. Два года тому назад в статье „Проблема военной психологии“ [2]) мы поставили этот вопрос и, произведя разбор военно-психологического творчества т.т. Какурина и Васильева, констатировали, что упомянутые авторы „целиком остаются на почве той военной психологии, учебники которой писали для царской армии“.

Кое-какой сдвиг за последнее время произошел: теперь уже не говорят о военной психологии по образцу и подобию той, какую мы разбирали в своей статье, а пытаются психику бойца истолковывать в свете пока что по преимуществу одного из направлений современной психологии, — так называемой рефлексологии. В таком истолковании психологии бойца одну очень опасную нотку — надо отметить с самого начала. Тов. Циффер в уже упомянутой статье пишет: „психология бойца изменчива. Она слагается из переменных элементов. Один и тот же человек, под действием различных технических средств, в различной боевой обстановке проявляет подчас диаметрально противоположные психические свойства“. Такое понимание поведения бойца ведет к забвению и игнорированию его сознательности. Тов. Король в недавно вышедшей книжке „Вопросы военно-политического воспитания“ высказывает сходную мысль об исключительном преобладании биологического начала в бойце в период боя над социальным. Когда два работника Красной армии, претендующие на применение марксизма в военном деле, об'являют поход на сознательность бойца в боевой обстановке, то это становится опасной тенденцией, с которой надо решительно бороться. У тов. Циффера аргументации в защиту его понимания психологии бойца нет, а тов. Король развивает такую аргументацию на 30 страницах. Поэтому, о том, как тов. Король разрешает вопрос о психологии бойца, и надо толковать.

Прежде всего о самом понятии — психо-физическая подготовка. Мы привыкли думать, что в Красной армии для развития качеств,

---

[1]) „Война и военное искусство в свете исторического материализма“, под редакцией Горева, стр. 52.

[2]) „Толмачевец“ № 1 за 1926 год.

необходимых для бойца, существует политическое воспитание, военное обучение и физическая подготовка. Тов. Король вводит еще понятие о психо-физической подготовке. Каковы же ее задачи в понимании автора? Он пишет: „в систему военно-политического воспитания бойцов должно входить и психо-физическое воспитание навыков и качеств, необходимых воину-гражданину в бою, как-то: воспитание неустрашимости, твердости, храбрости, умения переносить лишения, а также преодоления вредных качеств: трусости, дряблости и т. д.". Ниже, в примечании, он поясняет свою мысль: „психо-физическое воспитание в Красной армии, как и дисциплина, имеет совершенно иные корни и задачи. Развивая классовое сознание на основе политической самодеятельности масс, под руководством революционной партии пролетариата — ВКП, оно имеет задачу воспитать в бойцах все необходимые навыки стойкого и неустрашимого в бою воина революционной Красной армии"[1]).

Незачем останавливаться на очевидной ошибке суждения, что в Красной армии „развитие классового сознания" достигается путем психо-физического воспитания. Каждому красноармейцу известно, что этим делом занимается партийно-политическая работа. Тенденция к замене партполитработы каким-то особым психо-физическим воспитанием проскальзывает у тов. Короля иногда очень ясно. Он убежден, что нужно существенно реформировать всю систему военно-политического воспитания в Красной армии на основе тех законов, которые, он вычитал в „Коллективной рефлексологии" Бехтерева. Итак, психо-физическая подготовка бойца должна развить в нем неустрашимость, твердость и т. д. Изо дня в день над выработкой этих качеств трудятся политическое воспитание, военная учеба и физическая подготовка. Вся подготовка бойца есть именно подготовка его к бою. Вся система подготовки и воспитания в Красной армии основана на этом и готовит бойца к выполнению своих обязанностей в бою. Политическое воспитание дает ему понимание задач Красной армии, понимание своих обязанностей бойца, сознательное отношение к дисциплине, к командирам, к своим товарищам. На основе политической сознательности у него развиваются все необходимые для бойца качества: неустрашимость, твердость, храбрость, инициатива, сметливость, выносливость и т. д. Эти качества воспитывает и воинская учеба: любое упражнение, любое занятие, строевое и тактическое, прививает все качества, необходимые для бойца. Всякий работник армии знает, чему бы боец не учился, соответствующие психо-физические качества у него вырабатываются. Правда, часто плохо. Против этого никто не спорит. Наш командир очень часто еще не умеет учить и воспитывать.

Речь может итти лишь о том, чтобы командиры и политработники знали современную психологию и на основе ее достижений строили бы

[1]) „Вопросы военно-политического воспитания", стр. 68.

соответствующим образом обучение, воспитание и руководство бойцами. Особенно это относится к политическому воспитанию, цементирующему, увязывающему все отрасли учебы и подготовки бойца и создающему из него целостную личность с классовым мировоззрением. Современный бой потребует от бойца чрезвычайного напряжения всех его психофизиологических сил. И то направление современной психологии [1]), которое наиболее близко к марксизму, помогает нам понять, что только тот боец будет на высоте всех требований современного боя, который будет обладать достаточно сильной и ясной целеустремленностью. Под целеустремленностью мы понимаем установку всего психо-физиологического аппарата на определенную цель [1]). Будущая война нами мыслится, как война революционно-классовая. Отсюда ясно, что целевая установка бойца очень проста: победить классового врага. И нет никаких психо-физиологических качеств бойца, которые не определялись бы этой целеустремленностью. По Королю же получается иначе: бойца в бою нужно рассматривать, как животное, притом не из высокоорганизованных, ибо его психические реакции носят по преимуществу биологический характер. Король пишет: „он (социальный человек) сеживается, сворачивается и как символ, или свернутое знамя, сопутствует человеку в бою. На передний план выступает биологический человек со всеми его врожденно-органическими рефлексами, разбуженными войной". На знамени нашего бойца, как социального человека, в бою будет написано: „да здравствует победа над классовым врагом". Король утверждает, что наш боец свернет это знамя, в нем проснутся звериные инстинкты, его рефлексы будут по преимуществу врожденно-органическими. Король неоднократно повторяет эту мысль и утверждает на разные лады: „Летчик в воздухе поглощен машиной и полетом. Его классовая сознательность при полете не играет первой

---

[1]) Наиболее близким к марксизму мы считаем то течение современной психологии, которое возглавляется проф. Корниловым и рядом работников, группирующихся вокруг Московского государственного института экспериментальной психологии и Института по изучению высшей нервной деятельности при Комм. Академии. Правда, и в этом течении можно найти ряд существенных оттенков. Из всех направлений современной психологии: рефлексологии, бихэвиоризма (американская психология поведения), немецкой Gestaltpsychologie, психоанализа (Фрейд) и направления, возглавляемого Корниловым, — последнее безусловно, как стоящее в основном на почве диалектического материализма, и надо считать марксистским. Не надо забывать, что не всегда то, что исходит от психологов-марксистов, является безупречно выдержанным с точки зрения диалектического материализма.

[2]) Профессор Залкинд следующим образом определяет значение целеустремленности: „Такая общая, все увязывающая, единая целеустремленность является совершенно незаменимым биологическим фактором. Она обеспечивает постоянно приподнятый, бодрый тонус всех физиологических процессов, она гарантирует необычайную быстроту, точность и гибкость всех психо-физиологических актов, так как вместо распыления по разным, не скоординированным направлениям, все они концентрируются вокруг обобщающей, доминирующей установки, все устремляются именно по ее путям. Этим достигается колоссальная экономия энергии и сил. Процессы организма, как бы обильны, сложны и ярки они не были, если они протекают при минимуме бесполезных трений, ненужных отвлечений, при ясном целевом уклоне, требуют гораздо меньше биологических фондов, чем тусклые процессы, некоординированные, без четкого целевого компаса. („Жизнь организма и внушение").

роли. В столкновении с неприятелем в воздухе выступают на первое место навыки летчика и бойца. Только при наличии этих навыков он в состоянии бороться и владеть собой и машиной. Что же, у него испортилась классовая и партийная закалка? Нет, она прочна, но в бою она уступает первое место другим рефлексам".

Эту нить рассуждений можно с успехом перенести на бойца любой специальности. Возьмем наводчика пулемета: у него, следовательно, в период боя, когда он должен изготовлять пулемет, быстро и точно наводить его, исправлять при отказах в действии, заботиться о смазке и охлаждении и т. д.,—классовая сознательность играет первой роли, она уступила свое место другим рефлексам. Бедная политработа! В каком положении она оказалась. Готовила бойца к бою, воспитывала его всячески; бой начался — и все результаты политработы превратились в один „символ". В самом деле, что вы сделаете с бойцом, когда в бою он проявляет такие рефлексы, как: „наступления, обороны, сосредоточения, соревнования и подражания". Что сделает бедный политработник, особенно, ежели он рефлексологию понимает так же, как Король, и не знает, как ему с этими рефлексами быть.

Но позовем на помощь современную психологию и мы быстро выйдем из затруднительного положения. Прежде всего, надо усвоить, что к бойцу надо подходить в первую очередь как к существу социальному. Далее мы запомним, что нужно выбраться из дебрей физиологии, хотя бы то была физиология нервной системы, и подходить к бойцу психологически, а не по Королю, т.-е. физиологически. Другими словами говоря, мы предлагаем так называемый об'ективно-психологический подход к бойцу, а не „ветеринарный"—и тогда биологический человек и его врожденно-органические рефлексы предстанут в ином свете. „Нервная система работает, как одно целое" (Шеррингтон). Бой чрезвычайно сложная система раздражителей. Среди раздражителей мы отметим: ружейный и пулеметный огонь свой и неприятеля, огонь артиллерии, газы, поведение врага, поведение командира, слова и вид товарищей (поведение). Действие этих раздражителей не является простым. Все они почти одновременно действуют на нервную систему бойца. Нужно помнить еще об одной системе раздражителей, чрезвычайно существенной и также действующей в период боя. Наш боец является продуктом определенного воспитания. В процессе воспитания на него действовал целый ряд раздражителей, который не вызывал тотчас же соответствующих реакций. Например, бойца учили: „помни, что офицер армии противника—твой злейший классовый враг и старайся в бою попасть в него из своей винтовки". Пока не было боя, пока боец не видел офицера армии противника, то у него и не было соответствующей реакции. В период боя, увидев офицера, боец начинает в него стрелять, т.-е. тут действует след раздражителей, имевших место при воспитании. В бою

мы увидим, как будут действовать следы целого ряда старых раздражителей и вызывать соответствующие реакции. В психологии такое явление носит название — отсроченных реакций. Ясно отсюда, что в бою мы будем иметь и чрезвычайно сложную систему реакций бойца.

У Короля же дело получается чрезвычайно просто, он приводит цитату из Бехтерева: „Основными актами всех живых существ являются акты наступления и обороны, иначе говоря, наступательные и защитные рефлексы, которые могут быть обнаружены не только у низших животных, но даже и у растений. В животном царстве уже простая клетка обнаруживает наступательный рефлекс, а равно и рефлекс обороны". Король считает, что эта цитата вполне раз'ясняет поведение бойца в бою. Все, что в бою боец не делает — все это подводится под категорию или рефлекса защиты, или рефлекса наступления. Любая клетка обладает этими рефлексами. Но между клеткой и человеком дистанция огромного размера. Для Короля она не существует.

Вернемся к вопросу о реакциях бойца в бою. Мы уже установили, что они являются достаточно сложными, так как вся система раздражителей отличается своим многообразием и сложностью. Реакции бойца не будут только биофизическими, нет, в основном они будут являться биосоциальными. В поведении бойца в период боя мы различаем все виды основных реакций: инстинктивные, эмоциональные, сложные; сложная система раздражителей в бою вызовет соответственно чрезвычайно сложную систему реакций. Для того, чтобы понять основной интересующий нас вопрос о соотношении биологического и социального факторов в поведении бойца в бою, нужно несколько подробнее остановиться на характеристике реакций и особенно на вопросе о роли инстинкта и роли сознания. Инстинктивные и эмоциальные реакции и составляют то, что называется биологической основой поведения человека.

В современной психологии хорошо разработана проблема инстинкта у американского психолога Уотсона, который дает такое определение: „Мы определим инстинкт, как наследственную шаблонную реакцию, отдельные слагаемые которой являются преимущественно движениями поперечно-полосатых мускулов. Иначе это можно характеризовать, как комбинацию открытых врожденных реакций, развертывающихся серийно при соответствующей стимуляции. Иллюстрацией этому может служить следующее. В достаточно раннем возрасте ребенок будет реагировать на быстрое угрожающее движение руки или какого-нибудь другого об'екта следующим образом: определенным, резким зажмуриванием глаз (которое не появляется ранее сотого дня приблизительно), поднятием рук и откидыванием назад головы. Во всяком инстинкте более сложного типа мы видим, что человеческое животное делает то же самое,—производит какого-нибудь рода приспособление. Закончен-

ное действие может оказаться или не оказаться приспособительным"[1]) Нужно решительно подчеркнуть качественное отличие проявления инстинктов у человека от проявления таковых же у животного. „Инстинкт не есть простая совокупность рефлексов, а есть качественно совершенно новое образование, возникшее на основе количественного усложнения рефлексов и обладающее такими свойствами, которые рефлексу, как таковому, не присущи",— говорит проф. Корнилов[2]). Нападение и защита в условиях современной войны являются социальными явлениями. На основании сказанного можно сделать определенный вывод, что инстинкты нападения и защиты у современного бойца являются чрезвычайно усложненной совокупностью рефлексов, которую отнюдь нельзя свести к рефлексам нападения и защиты у животных. Боец не действует индивидуально, а в составе определенного соединения, нападает и защищается по приказу командира. Проявление инстинктов нападения или защиты предопределено сложной системой навыков, созданных путем обучения и воспитания.

Другой интересующий нас тип реакций — эмоциональные реакции. Рассуждения на тему об эмоциях бойца представляли всегда чрезвычайно благодарную почву для философствующих фельдфебелей. Так, ген.-лейт. Маслов[3]) глубокомысленно рассуждает о том, что война в отличие от промышленной жизни, является полем для высших идеальных стремлений, что она пробуждает великие и святые чувства. Вопрос о чувствованиях бойца чрезвычайно интересует нас с одной очень важной стороны, как преодолеть эмоцию страха у бойцов и вызвать нужные для нас эмоции. Роль эмоции вообще чрезвычайно велика. „Эмоции владеют нами с самого начала жизни на земле" — пишет Шеррингтон и далее он чрезвычайно сильно подчеркивает роль эмоций, как стимулов: „при возрастающей интенсивности эмоции становятся повелительным стимулом к сильному движению". Современная психология поведения определяет эмоции следующим образом: „Категорические определения в психологии эмоций невозможны, но формулировки возможны и они иногда помогают нам группировать факты. Можно предложить следующую формулировку, которая будет подходить к части реакций эмоциональной группы: эмоция это наследственная „шаблонная" реакция, включающая глубокие изменения механизма тела, как целого, и в частности висцеральной и железистой системы. Под шаблонной реакцией мы понимаем такую реакцию, отдельные подробности которой появляются с некоторым постоянством, с некоторой правильностью и приблизительно в одном и том же последовательном порядке каждый раз, когда представляется возбуждающий

---

[1]) Уотсон. „Психология, как наука о поведении", стр. 215.
[2]) Корнилов. „Учебник психологии", стр. 115.
[3]) Маслов. „Научные исследования по тактике", стр. 477.

стимул... Стимул понимается здесь в широком смысле, включая не только возбуждающий об'ект, но и общую обстановку"[1]).

Очевидно, из эмоций в период боя для человека наиболее характерными будут страх и гнев и то, что мы обычно называем чувством товарищеской солидарности, а в психологии известно под именем эмоции симпатии, или любви. Эмоция гнева у бойца Красной армии в основном диктуется ненавистью к классовому врагу. Глубоко неправильной является точка зрения, полагающая, что эмоции в бою надо целиком свести к элементарным биофизическим реакциям[2]). Если немецкий пролетарий, сознательный социал-демократ, во время боя в период войны 1914—18 гг. всаживал, охваченный эмоцией гнева, свой штык в французского пролетария, то как-раз это обстоятельство об'яснялось тем, что германская социал-демократия проголосовала 4 августа 1914 года военные кредиты и употребила все свои силы для того, чтобы призвать солдата к защите „кайзеровского отечества"; таким образом здесь произошла реорганизация целеустремленности бойца и создана была новая установка его психо-физиологического аппарата. Ни в коем случае нельзя понимать целеустремленность, как нечто неизменное, данное; ее надлежит трактовать, как сложный процесс всего поведения человека.

Как мы видим, с вопросом о биологической основе поведения человека дело обстоит не так просто. Нужно помнить, что никогда нельзя говорить ни об одной реакции человека, забывая об его общем состоянии; на этом и основано понятие поведения, как совокупности всех реакций. Каждая отдельная реакция означает, что реагирует весь организм во всей его совокупности. Рефлексология считает, что нервная система и рефлексы в виде элементов ее деятельности являются источником взаимодействия человека со средой, в то время, как наука о поведении утверждает, что источником поведения надо считать весь организм, как одно целое[3]). Эту вторую точку зрения мы легко поймем, особенно останавливаясь на месте и роли сложных реакций в период боя. Последние вовсе не являются узко ограниченными, или почти не существующими в период боя. Если взять поведение бойца в составе отделения, то мы увидим такого рода сложные реакции, как: различение обстреливаемого и необстреливаемого пространства, узнавание действий неприятеля, выбор между движением к товарищам, командиру, или от них, прицеливание, ряд ассоциативных реакций и т. д. Казалось бы такая реакция, как пристреливание является очень простой,— однако она связана с различением, с узнаванием, а такой заключительный акт реакции, как спуск курка,

[1]) Уотсон. „Психология, как наука о поведении", стр. 184.
[2]) Отсюда нельзя полагать, что из отказа свести эмоции в бою к биофизическим реакциям вытекает отрицание роли бессознательного.
[3]) См. сборник статей проф. Корнилова „Психология и марксизм".

вовсе не происходит по принципу почти безусловного рефлекса. „Отличные стрелки утверждают, что спуск курка происходит у них незаметно, неожиданно, как бы сам собою, и это требование пред'является всем стрелкам при их обучении. Между тем измерения на соответствующем аппарате в „Выстреле“ показали, что, как правило, неожиданного выстрела нет вовсе в природе; после взятия правильной линии прицеливания всегда происходит выдержка до спуска курка. Суб'ективный метод говорит о неожиданном выстреле, об'ективный метод отвергает его; верить приходится последнему“. Мы взяли это очень интересное место из статьи т. Хаханьяна о предмете „Военной психологии“ [1]). Нет нужды доказывать, что сложные реакции в процессе боя у бойца преобладают.

Основной вывод, который теперь мы можем сделать, что к поведению бойца отнюдь нельзя подходить с точки зрения элементарных единиц, какими являются рефлексы: наоборот, реакции и рефлексы надо понимать, исходя из поведения. Мы уже приводили в качестве исходного положения выражение Шеррингтона: „нервная система работает, как одно целое“. Лишь недомыслием или непониманием учения об условных рефлексах можно об'яснить утверждение, что в процессе боя боец проявляет лишь навыки, а сознание не играет роли. Для всякого ясно, что навыки бойца относятся к приобретенным реакциям и являются сложными нервно-психическими процессами, тесно связанными с его сознанием. Воспроизведение навыков (особенно в условиях современного боя) требует большой деятельности сознания. В поведении человека сознание играет огромную роль [2]). Рефлексология пыталась игнорировать проблему сознания, но безрезультатно. Она не смогла понять и об'яснить своеобразие поведения человека в отличие от поведения животного. Вот как расценивает подобную немощь рефлексологии современная психология: „Основная предпосылка рефлексологии — допущение возможности об'яснить все без остатка поведение человека, не прибегая к суб'ективным явлениям, построить психологию без психики — представляет вывороченный наизнанку дуализм суб'ективной психологии, ее попытку изучить чистую, отвлеченную психику. Это другая половина прежнего же дуализма: там психика без поведения, здесь поведение без психики; и там и здесь психика и поведение не одно, а два“ [3]). Следовательно, классовое сознание в бою не исчезает, не заменяется навыками. Система раздражителей в период боя и внутренних и внешних как-раз вызывает появление навыков в значительной мере в зависимости от сознания бойца. Только таким образом можно разрешить вопрос о со-

---

[1]) Хаханьян. „О предмете военной психологии“, статья в журнале „Выстрел“ № 8 — 1926 г.

[2]) Мы различаем психологическое сознание и идеологическую сознательность.

[3]) Выготский. „Сознание, как проблема психологии поведения“, статья в сборнике „Психология и марксизм“, стр. 178.

отношении навыков и сознания. Если же сознательность определяет установку всего психо-физиологического аппарата бойца на определенную цель, то, очевидно, что навыки тесно увязаны и определены такой установкой. Роль сознания в период боя заключается в приспособлении системы навыков к целеустремленности организма.

Конечно, можно найти известные аргументы из области чистой физиологии и биологии и даже-философии, но только не марксистской, против высказанного взгляда на роль сознания в поведении человека и в частности бойца: можно указать на эмоцию страха, на ряд инстинктивных реакций в роде поклонов каждой пуле и снаряду со стороны молодых бойцов и утверждать, что подобные явления имеют чисто биологический характер и содержание. Для подобных слишком рьяных поборников стремления биологизировать поведение человека мы приведем еще одну и последнюю цитату из Уотсона: „как с точки зрения здравого смысла, так и на основании лабораторных экспериментов очевидно, что в жизни особи ее наследственные и приобретенные виды деятельности очень рано начинают перекрываться. Эмоциональные реакции совершенно отделяются от стимулов, которые их первоначально вызывали, а стремления к инстинктивным положительным реакциям, проявляемые ребенком, скоро заслоняются организованными навыками взрослого. Этот процесс маскирования, или внедрения деятельности является частью общего процесса организации. Таким образом, разделение между наследственными видами реакции и приобретенными никогда не может быть проведено абсолютно“ [1]). Цитата достаточно ярко подчеркивает преобладающую роль в жизни человека приобретенных реакций, и бой вовсе не изменяет всей структуры поведения человека [2]).

---

[1]) Уотсон. „Психология, как наука о проведении“, стр. 183. Некоторые могут найти противоречие между отрицанием роли рефлексологии, как науки о поведении, и ссылками в настоящей статье, при анализе биологических основ поведения бойца, на Уотсона, виднейшего представителя американской психологии поведения, близкого к рефлексологии. Прежде всего, марксистская психология считает учение об условных рефлексах одной из глав науки о поведении человека, а во-вторых, Уотсон выгодно отличается от наших рефлексологов признанием взгляда, что человека нужно изучать как целостную личность „в процессе приспособления к повседневным жизненным условиям, так и в необычных ситуациях, в которых он может очутиться“, и, в-третьих, учение об инстинктах и эмоциях Уотсона является вполне приемлемым и весьма ценным для марксистской психологии.

[2]) Если общепризнанной является точка зрения, что учение об условных рефлексах — ценнейший вклад в мировую науку, то не менее общепризнанным являются взгляд (среди марксистов), что применение учения об условных рефлексах в социологии вместо исторического материализма, кроме путаницы и реакционного идеалистического вздора, ничего дать не может. Категорически отказываемся понять и считаем совершенно излишним останавливаться на применении „марксистом“ Королем „коллективной рефлексологии“ к об'яснению того, что „жизнь общества есть не что иное, как жизнь собрания или коллектива отдельных индивидов, что проявления собирательной личности, открываемые при анализе общественной жизни, подчиняются такой же закономерности, какая открывается при строго об'ективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности“, или же „жизнь общественного организма состоит из подражания и конкуренции или соперничества, между которыми устанавливается своего рода взаимодействие, приводящее к подвижному равновесию“. Да ведь это же почти то же самое, что утверждала блаженной памяти органическая социология с ее пророком Спенсером! При чем же тут марксизм?

Можно теперь подвести итоги опыту рефлексологического истолкования поведения бойца. Учение об условных рефлексах — великолепная вещь, но оно не об'ясняет поведения человека и в частности бойца и является лишь материалом для современной психологии. Применение его к об'яснению поведения бойца ведет к полному забвению всего своеобразия человеческого поведения — стирается всякая грань между человеком и животным. „Теория" поглощения социального существа в бойце в период боя биологическим и основана на стирании грани между человеком и животным. Эта теория в применении к Красной армии играет реакционную роль, как игнорирующая сознательность бойца. Она ни в какой мере не соответствует данным той психологии, которая оперирует методом марксизма. Марксистская психология показывает, что в процессе боя сложные реакции и сознание, т.-е. реакции социального характера, играют преобладающую роль.

Итак, на вопрос — нужна ли наука о поведении бойца — мы со всей решительностью и категоричностью отвечаем: нужна. Чем должна быть наука о поведении бойца: военной рефлексологией или военной психо-физиологией, т.-е., другими словами говоря, нужно ли ее мыслить как какую-то новую „беспартийную" отрасль военного дела, вроде инженерного дела, тактики артиллерии и т. п.? Нужно опять со всей решительностью ответить отрицательно. „Ветеринарный" подход к человеку из психологии нами изгоняется. Науку о поведении бойца можно мыслить лишь как часть общей марксистской психологии.

У каждого тактика сейчас наблюдается вполне законное стремление, говоря о таком орудии войны, как человек, дать анализ его поведения в боевой обстановке. Разверните такую популярную в высших военных учебных заведениях книгу, как „Пехота" Лигнау. Не оспаривая ни одного из достоинств книги, нужно обратить внимание на главу „о психической природе бойца". На стр. 23 своего труда тов. Лигнау, в качестве одной из основных предпосылок всех своих суждений о природе бойца, приводит следующее: „психология устанавливает, что бессознательные тенденции, а не разум составляют главную мотивационную силу человеческого мышления и действия" и далее он подчеркивает: „импульс, а не сознательное намерение является первичным источником деятельности". Воистину везет науке о поведении бойца! Король подошел к ней с рефлексологическим аршином и уничтожил всякую грань между человеком и животным, а Лигнау в качестве своего руководителя в сложных проблемах поведения бойца избрал Фрейда. О последнем имеется уже в рядах марксистов более или менее единодушное мнение. Можно полагать, что мы не ошибемся, если в качестве наиболее правильного и господствующего в марксизме мнения о Фрейде приведем отрывок из статьи Деборина „Фрейдизм и социология": „В сущности учение Фрейда враждебно

эволюции и развитию, потому что оно не только консервативно, но и реакционно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Фрейд приходит к глубочайшему пессимизму и к оправданию принципа нирваны"[1]). Лигнау как-раз и заимствует у Фрейда его основную концепцию о преобладании бессознательного в мотивации наших поступков, при чем, все же,— такова участь военных людей,— несколько упрощает Фрейда.

Не останавливаясь больше на том, какое еще понимание психологии бойца можно встретить у наших военных авторов, нам хотелось бы наметить ту сумму вопросов, которые примерно должны войти в науку о поведении бойца. Вот перечень этих вопросов, в порядке последовательности, определяемой самим характером науки о поведении бойца.

I. **Характер изучения бойца в РККА в настоящее время.** Нужно собрать и систематизировать все то, что относится к области изучения бойца в РККА. Одновременно надо критически проверить все методы изучения бойца, сделать их научными, об'ективными.

II. **Общие основы поведения бойца.** Сюда следует включить такие вопросы:

1) **Понятие о поведении, как совокупности реакций.**

2) **Основные моменты акта реакции: сенсорный, центральный и моторный** (по Корнилову). Эти два вопроса будут излагать общие основы психологии и служить введением к основным проблемам поведения бойца в боевой обстановке:

3) **Бой, как система раздражителей**, т.-е. изучение всех биофизических и биосоциальных раздражителей в их диалектическом развитии.

4) **Реакция бойца в период боя.** Чрезвычайно трудно подойти к изучению реакций в период боя экспериментально. До сих пор пользовались лишь методами суб'ективной психологии — рассказы очевидцев. („Врет, как очевидец" — правильная оценка научной достоверности этого метода).

5) **Эмоциональные реакции бойца** (боль, страх, ярость); их надо выделить особо. Учение об ярости имеет большую политическую ценность. Надо дать критику учения об эмоциях бойца буржуазных военных специалистов. Последние утверждают, что лишь тот боец дерется хорошо, который ненавидит врага биологически. Нужно воспитать бойцов таким образом, чтобы они, охваченные аффективной реакцией, всаживали свой штык во врага и т. п.,— иначе нет храбрости и доблестного поведения. Иногда кое-кто и в рядах РККА утвер-

[1]) „Воинствующий материалист". Сборник № 4, ст. Деборина „Фрейдизм и социология".

ждает, что наше воспитание в бойце чувства классовой ненависти лишь к буржуазии, а не ко всей армии противника, как состоящей из рабочих и крестьян, глушит в нем храбрость и стойкость, так как не воспитывает „священного чувства ярости“.

III. **Психология войсковых соединений в боевой обстановке.**

1) **Теория толпы** (буржуазная социопсихология Тарда, Сигеле, Лебона и др.) и **наука о поведении.** Нужно дать основательную критику „теории толпы“, т.-е. взгляда на последнюю, как на бессознательное стадо, нуждающееся всегда в вожаке, который удерживает массу в руках путем подавления ее сознания. Этот взгляд являлся фундаментом старой „военной психологии“. Посмотрите Резанова „Армия и толпа“, учебники военной психологии Компеано, Киркова и т. п., вы увидите везде, что творчество Лебона, Тарда и т. п. являлось весьма удобной точкой зрения для тех, кто стремился воспитать массу в готовности положить свой живот за „веру, царя и отечество“. Буржуазное истолкование психологии масс нашло особенно яркое выражение в трудах Лебона (см. его „Психологию толпы“), и трудно найти что-нибудь более реакционное, брызжущее ненавистью к революционным массам, чем творчество Лебона. Мы категорически утверждаем, что, к сожалению, у ряда наших военных специалистов слишком сильно чувствуется отрыжка „теории толпы“ в их произведениях [1]).

2) **Морально-политическое состояние части, как проблема социальной психологии.** Мы хотим, чтобы было покончено с делением на моральное состояние и политическое состояние части, и предлагаем всегда употреблять существующее уже у нас, правда, несколько неуклюжее выражение: „морально-политическое состояние части“. Необходимо выяснить, из каких моментов морально-политическое состояние складывается и какими факторами определяется. У нас наблюдалась однобокость: не было целостного подхода к поведению бойца, и морально-политическое состояние либо всегда расценивалось лишь с точки зрения самых общих политических факторов, либо лишь одних физических (утомление, плохая пища и т. д.), либо лишь с точки зрения того, какая техника у части, какие велись бои, какой имеется комсостав и т. д. Памятуя о преобладании политических факторов, надо увязывать все моменты морально-политического состояния в целостную картину поведения войсковой части.

3) **Командир и часть,** их взаимоотношения в освещении науки о поведении.

4) **Факторы, дезорганизующие морально-политическое состояние войсковой части:** обще-политические, специфически-военные и физиологические.

---

[1]) См. уже упомянутую нашу статью „Проблемы военной психологии“.

5) **Факторы, укрепляющие морально-политическое состояние части**: обще-политические, специфически-военные и физиологические.

6) **Характер и содержание явлений дезорганизации морально-политического состояния части в боевой обстановке** (бегство, паника, неповиновение командиру и т. п).

7) **О психологической значимости красноармейского актива.**

Все перечисленные вопросы составляют теоретическую часть науки о поведении бойца, но для военных работников важно, чтобы последняя имела прикладной уклон. В этих целях наука о поведении бойца и должна дать специальный отдел: **Значение данных науки о поведении для управления** (для тактики и политработы) **поведением бойцов в революционно-классовой войне.** Сюда, примерно, войдут следующие вопросы:

1. **Проблема поведения бойца и войсковой части в зависимости от революционно-классового характера войны.**

2. а) „**Рефлекс цели**“ (Павлов). б) „**Целеустремленность**“ (Залкинд), **как основные проблемы поведения бойца в период войны.**

3. **Политическая сознательность и целеустремленность.**

4. **Взаимодействие командования и политработы в руководстве поведением бойца**: а) использование энергетического фонда войсковой части, б) эмоциональный момент в работе командования и политорганов, в) меры борьбы с явлениями дезорганизации морально-политического состояния части.

5. „**Военные психоневрозы**“ **и роль командования и политработы в их лечении.**

6. **Использование психологического фактора в борьбе с противником.**

Создание науки о поведении бойца — это дело будущего. Она будет являться продуктом коллективного творчества работников Красной армии. С самого начала дело создания этой новой науки должно происходить под твердой гегемонией диалектического материализма. Не должно быть узкого практицизма, не освещенного теорией. Хаотический сбор материалов по изучению бойца, разбросанных, раз‘единенных, без обобщающей идеи, будет бесполезным. Мы хотим, чтобы неизбежные муки рождения новой науки обошлись без неуклюжих повивальных бабок вроде Бехтерева, как социолога, Фрейда, Лебона и т. п., как психологов масс. Мы надеемся, что Красная армия, состоящая из воинов-граждан, руководимая марксистами-ленинцами, будет иметь именно марксистскую науку о поведении бойца.

ОТСТАВНОЙ

В ПОИСКАХ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

(Теория военного дела и марксизм по данным Госиздата в 1927 г.)

> Когда трудно стало доставать золото, стали искать философский камень,— это легче и должно было дать более скорый эффект.
>
> (Исторический факт)

> „Экономика имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в последнем счете между классами, но отношения эти постоянно **связаны с вещами и представляются в виде вещей**".
>
> (Ф. Энгельс. Рецензия на книгу Маркса „К критике политической экономии". „Das Volk" 1859 г.).

> „Сущность неумения нашего определить зависимость форм организации и действий вооруженных сил от уровня производительных сил заключается в том, что мы забываем или не хотим считаться с тем, что каждый предмет материального снабжения, со всеми его свойствами, является общественным отношением и лишь представляется в виде конечного продукта, некоторой „конкретности", не имеющей никакого отношения ко всем теоретическим тонкостям.
>
> В этом процессе фетишизирования вещей, понятно, более всего повинна специфическая, воспитываемая армией, потребительская точка зрения и кавалерийское отношение к теории".
>
> (Из рукописи 1925 г.).

ИЗУЧЕНИЕ войны и военного искусства в свете исторического материализма находится в младенческом состоянии.

Изданный ГИЗ'ом сборник статей пяти авторов на эту тему пытается дать ответ на все жгучие, злободневные вопросы, рассмотреть ряд важнейших проблем, показать приложение марксистского метода к военному делу, показать его преимущества перед жалким эмпиризмом эпигонов идеализма.

От общей статьи тов. Рязанова, ломящейся в отрытую дверь с доказательствами „приложимости марксистского метода к **изучению** военного дела", до статьи тов. Циффера (глава из труда „Пехота"), долженствующей, повидимому, по мысли составителя сборника, показать на практике приложение марксистского метода к теории военного дела,—сборник представляет собой столь незрелую попытку разрешить все стоящие перед нами в строительстве Красной армии и подготовке ее к защите страны задачи, что оставить ее без детального разбора, значило бы признать за этим сборником большее значение, чем он в действительности может иметь.

Нельзя равнодушно смотреть на то, как марксистская военная мысль выносится напоказ в столь неудачных образцах.

Поверхностный читатель или человек, не знакомый с тем, что делается у нас теперь в области теории военного дела, справедливо может подумать, что большего мы ничего не сделали, а будущий историк, не обладая беспристрастностью А. А. Свечина, пожалуй,

и упрекнет нас в том, что, имея семилетнюю мирную передышку, мы не уделили должного внимания вопросам теории военного дела, не пересмотрели ее должным образом, не нашли те принципиальные теоретические основы, на которые следует опирать всякое практическое мероприятие, коротко говоря, не применили в области военного дела те достижения, которые уже есть в области руководства государством в целом и народным хозяйством в частности.

Доказывать зависимость форм организации и способов действий вооруженных сил от уровня производительных сил у нас, в СССР, пожалуй, излишне, (в это все веруют, и это-то и плохо, никто не думает о том, как эту зависимос доказать), а о том, чтобы конкретно показать, как уровень производительных сил влияет на способы ведения войны, ни один из авторов, участников сборника, не смог или не взял на себя этот труд.

Даже тов. Циффер не может понять, что если исключительные достоинства германской промышленности смогли дать армии 4—5 пушек сверхдальней стрельбы, то все же эти пушки не только не смогли дать победу Германии, но и сколько-нибудь существенно улучшить ее положение.

Тов. Циффер, в своем увлечении качественными успехами техники, совершенно забыл о том, что значимость нового орудия борьбы, в первую очередь, измеряется количественными возможностями его применения. В том положении, в котором была Германия, массовое применение орудий сверхдальней стрельбы было бы неоправданным расточением средств, так как эффект их действия был бы далеко не пропорционален затратам на их постройку, обслуживание и работу.

Утрата конкретных представлений о связи количества с качеством и взаимоотношениях этих двух сторон явления в исторической перспективе знаменует полный отрыв теории от практики и является тем более опасной, что имеет место в области практики, которая считается секретной, относясь к основам строительства вооруженных сил, в конечном счете — к плану ведения войны.

Статья тов. Горева о „Войне, как социальном явлении" является отличным дополнением к Рязановской агитации: кроме трюизмов о зависимости войны и ее форм от хозяйства, политики и классовой борьбы—нет ничего. Анализ явлений и выявление конкретных связей автор считает излишним и полагает, что сейчас еще можно заниматься общими разговорами.

Бесценный теоретический вывод его о том, что „все это вместе взятое теснейшим образом связывает войну с вопросами экономическими и социально-политическими", заставляет лишний раз удивиться и спросить — для кого же писалась эта статья? И место ли подобным выводам в сборнике, к коему приложены отрывки из Маркса,

Энгельса и Ленина, значительно научнее и отчетливее раз'ясняющих этот же вопрос? Автор мог бы не только у Блиоха, но даже и у Гулевича и Михневича найти столь же содержательные формулировки.

О статье А. Свечина говорить вообще не приходится. Какое отношение имеет коллекция кратких справок о жизни и деятельности великих людей с приложением компиляции их мыслей к сборнику „Война и военное искусство в свете исторического материализма"— понять очень трудно.

Как вообще можно историка, полагающего себя и других обязанными об'ективными, относить к той категории ученых, которая способна рассматривать что бы то ни было в свете исторического материализма?

„Заметки" М. Н. Тухачевского являются, повидимому, по происхождению своему лишь заметками на полях книг или в памяти по отдельным большим вопросам. Кроме заметок „Расстановка сил" и „Перспективы войны", которые действительно формулируют воззрения автора их на важнейшие проблемы плана ведения войны и в этом смысле могут быть приравнены к первоначальным наброскам, которые автор делает для себя, чтобы потом их развить в стройное целое,—в „Заметках" нет ничего такого, что можно было бы использовать в целях познания военного дела в свете исторического материализма.

Приведенные беглые замечания по всему сборнику говорят о том, что рассматривать его как целое нельзя, что внутренней связи между составляющими его статьями нет и что для разбора его надо самому составить какую-то систему.

Памятуя о задаче разобрать данную книгу, мы вынуждены в основном руководствоваться тем, что в ней изложено, в частности— важнейшими вопросами.

1. Закономерности в развитии форм ведения войны и история военного искусства.

2. Зависимость форм ведения войны и боя от уровня производительных сил.

3. План ведения войны. Методы определения потребных форм и приемов ведения войны и боя на данной материальной базе при данном уровне производительных сил.

Пересмотреть весь сборник под углом зрения практики и теории, найти такие ответы на вопросы, которые дали бы возможность каждому практику и в особенности работнику планового и руководящего народным хозяйством аппарата понять, чего именно требует война от страны в тех условиях, в которых нам придется ее вести, и в каком виде, а также, что нужно сделать для того, чтобы страну и в особенности народное хозяйство наилучшим способом подготовить к войне,— вот задачи, которые ставит себе настоящая статья.

Поэтому нам придется рассмотреть еще один вопрос.

Проблема плана ведения войны стоит сейчас острее, чем в 1914 г. Тогда войну полагали короткой, план—лишней бумажкой, связывающей „свободное" творчество полководца, а успех войны — зависящим целиком от первого удара.

Пришли иные времена. Вместо ожидания гениев—мастеров свободного творчества—расчет ведется на середняка из рабочего аппарата, который рассчитает и сорганизует исполнение с большой точностью, без особых взлетов мысли.

Надо равняться по эпохе,—трудно было придумать систему Форда, а выпускать фордовские машины могут и ординарные люди,— надо полностью использовать указания великих учителей, развивать и углублять их идеи, а не бездельничать в ожидании появления новых. Новые великие идеи рождаются при проработке и проведении в жизнь старых.

Надо много работать, и главной задачей является определение потребных форм и приемов ведения войны и боя на данной материальной базе, при данном уровне производительных сил. Методы этого определения совершенно не выработаны, а здесь именно узел интересов марксистской военной науки.

Этому вопросу мы, через головы авторов сборника, посвятим несколько страниц.

1. Закономерности в развитии форм ведения войны и история военного искусства.

Блестяще формулированная и показанная Энгельсом зависимость тактики от свойств оружия до сего времени в бо́льшей степени является иконой, на которую молятся в теории, нежели научно исследованной функцией, пользуясь значениями которой возможно предусматривать исторически или социально необходимое изменение форм ведения боя; в практике же руководствуются грубейшей эмпирикой, прикидкой „на-глазок" и „учетом опыта истекших войн". В большинстве случаев показывается скрытая зависимость, а конкретная связь не изучается, данные этой связи не приводятся в систему, кроме как в области походных движений не установлено ни одной закономерности. Уставы являются собранием грубейших опытных данных без попытки установить связь явлений во времени и динамику этой связи.

В простейшем (и поэтому наиболее „изученном") случае — в походном движении—сделаны Левалем, которому А. А. Свечин поет дифирамбы, следующие открытия (стр. 84 сборника):

а) походные колонны имеют растяжку и поэтому между частями должна быть дистанция;

б) одновременный под'ем с бивуака излишен;

в) намечен приблизительно эмпирический коэфициент отсталых в зависимости от длины и темпа (скорости) марша (изучение усталости и т. д.).

Первые два „открытия“ иллюстрируют лишь то, что подавляющее количество мало-мальски способных младших офицеров, способных заметить эти явления в своей практике, до высших должностей не доходили, и этот элементарнейший опыт не мог быть использован и узаконен для широкого употребления.

Третье же из пределов грубейшей эмпирики так и не вышло до сего времени.

Установлен ряд цифр, характеризующих число отсталых при разной скорости и длительности марша, и никто не затрудняет себя изучением закономерностей непропорционального длине марша возрастания нормы убыли отсталыми. Между тем, очевидно, что солдаты в части по выносливости распределяются согласно общему закону распределения численностей (кривая Кетле), и, соответственно, убыль должна возрастать по кривой распределения численностей. Сопоставление эмпирических данных с эмпирическим рядом дает совершенно поразительное совпадение.

Вопрос о длительности боя и норме потерь в зависимости от свойств оружия также не изучен, хотя были попытки установить зависимость нормы потерь от свойств местности. Считается доказанным (и в действительности это так), что с усовершенствованием оружия бой стал более тягучим, сопротивление более упругим, утверждают это десятки авторов по сотне поводов, признано это явление и уставами, а закономерности этого явления не изучены и не изучаются. Между тем организация войск (подвоз средств для ведения боя в частности) и дальнобойность оружия вполне определяют изменение длительности боя, и здесь может быть построен вполне правильный ряд, т.-е. вскрыта закономерность.

В отношении нормы потерь также устанавливается правильное ее изменение, равномерное понижение, причины которого также не изучены, не изучаются, но по необходимости признаются.

Совершенно безобразно трактуется вопрос о норме расхода боеприпасов.

Трудно сравнивать условия и обстановку больших сражений в Японскую войну и средних в войну 1914—1918 гг. Однако, Куропаткин в „Итогах войны“ полагает, что в день на 3" орудие потребно 55 выстрелов, а в 1916—1917 гг., когда у нас не было снарядного голода, расход в день боя не превышал (на круг) 60 выстрелов на пушку. Такая стабильность нормы расходов снарядов на пушку не может быть случайной и зависеть только от технических свойств орудия (одинаковая скорострельность), но несомненно

зависит от тактики противника, остерегающегося подставить мощному орудию слишком большое количество целей, а также и от условий наблюдения, маскировки и т. д.

Можно привести еще много примеров, иллюстрирующих полную теоретическую беззаботность тактической науки и ограничение ее суммированием элементарных выводов из опыта последних войн в своей и чужой интерпретации.

Если элементарная тактика развивается параллельно развитию свойств оружия то тактика общая, всех родов войск, тесно зависит от состояния и уровня производительных сил. Это у нас совершенно игнорируется.

Не на много лучше обстоит дело и с изучением форм войны—стратегии, рассматриваемой как оперативное искусство, так и в более широком ее толковании. Понятно, политический опыт гражданской войны вбил в головы большинства представление о значении классового фактора, как формирующего моральную устойчивость армии, равным образом, опыт войны 1914—1918 гг. заставил оглядываться на каждом шагу назад — на хозяйственные возможности страны. Но в общей системе работы военной науки, и в особенности военной истории, дальше усердных поклонов этому новоявленному богу дело не пошло, да и пойти не могло. Оно не двинется дальше элементарных соображений о том, что для успеха войны надо изготовлять столько-то миллионов снарядов, столько-то винтпатронов, пушек, винтовок и т. д., если не будет поставлено „на ноги" военное искусство, ибо ныне оно обретается в пространстве „ногами вверх".

А если состояние народного хозяйства не дает возможности получить потребные орудия и средства борьбы в данном их сочетании?

Не воевать? Или любоваться „голодом" вооруженных сил по данному виду снабжений?

Понятно, нет,— надо видоизменять тактику, иначе ставить задачи вооруженным силам и слагающим их элементам, перепланировать операции как в отношении их размаха, так и по времени их выполнения, вообще учитывать неизбежные формы деятельности народного хозяйства во время войны и влияние этих форм на способы ведения войны.

Иначе говоря, надо их изучать.

Зависимость форм войны и боя от уровня производительных сил общеизвестна и признана, надо найти вполне конкретные переходные, расчетные коэфициенты и показатели вооруженной мощи — „от станков к батальонам".

Здесь-то и является тормозом военная история и история военного искусства в настоящем ее состоянии. Изолированное исследование развития данной исторической формы или вида вообще есть пустейшее занятие, особенно тогда, когда стремятся в каждой исследуемой форме

найти непосредственно вытекающую из предыдущей высшую ступень развития, иначе говоря, пытаются представить развитие военного искусства, как самостоятельно развивающийся процесс.

Понятно, порожденное историческим фактором явление развивается и само, но отрыв его от породившей его функции редко бывает значительным, так же как и саморазвитие. При значительном отрыве наступает вырождение и гибель этой формы.

Другое дело, раз порожденное это явление действует на источник своего происхождения — это неизбежно, но это же порождает еще больше общих черт в их совместном дальнейшем развитии.

Так, развитие военного дела стало возможно с ростом промышленности (не только качественным, но и количественным, тов. Циффер!) и в свою очередь затем война потребовала стимулирования развития наиболее важных для нее (в данных конкретных условиях) отраслей промышленности народного хозяйства.

Очевидно, что поскольку свойства (качества) оружия определяют тактику низших соединений и родов войск, постольку соотношения между количеством разных видов оружия и боевых средств определяют структуру и организацию армии, так же, как общий размер ресурсов народного хозяйства определяет общую численность и мощь вооруженных сил.

Из сказанного ясно, что на тактические и стратегические формы конкретный уровень производительных сил влияет в большей степени, чем весь предшествующий опыт, оносящийся к качественно и количественно иной базе.

Понятно, опыт прошлого говорит о том, в каком направлении и как следовало бы использовать новые количества и сочетания ресурсов, но следует отметить, что опыт ведущейся войны всегда дает больше, чем вся история военного искусства, изучаемая от Ромула и Рема.

Причины такой бесплодности нашей истории военного искусства в том именно и заключается, что она больше внимания посвящает эволюции воззрений разных генералов или сочиняемых в мирное время уставов, нежели изучению зависимости между современным данной войне уровнем производительных сил и теми формами войны, которые действительно имели место. Изучение истории ведшихся и имевших место войн тогда действительно дало бы многое для понимания „эволюции“ военного искусства, и только так может и должен поставить вопрос марксист.

Помещение же в сборнике „Военное дело в свете исторического материализма“ компилятивной сводки „Эволюции стратегических теорий“ от Ллойда до Шлихтинга, понятно, ничем решительно оправдано быть не может, так как освещает лишь эволюцию намерений и

выводов из опыта войн, (к тому же в трактовке зачастую заинтересованных современников), а не самые войны и формы борьбы.

Однако, самостоятельная эволюция тактических форм все же имеет место. Диалектика саморазвития плацпарадных приемов определяет неизбежность развития даже этого полуразвлечения мирного времени. Правда, развитие это идет скачками — от войны к войне, правда, в изменении тактики трудно усмотреть строгую последовательность, но все же вполне возможно установить, что изменение имеет какой-то закономерный характер.

Правда, во время самой войны быстро одолевается наука современной войны, но справедливость требует отметить, что мы не были свидетелями грандиозных военных катастроф только потому, что все почти одинаково скверно были подготовлены к войне, и сильнее терпели те, которые совсем никуда не годились.

Если бы австрийцы в 1914 году могли применить германскую тактику обороны 1918 года, то, понятно, русская армия не имела бы ни одного успеха и не сыграла бы той роли, которую ей удалось сыграть по той причине, что ее противник и сам лишь не намного лучше ее умел воевать.

Задача в том и заключается, чтобы предвидеть формы будущей войны, заглянуть дальше противника в ту обстановку, которая создается к моменту решения и определить, что надо сделать, чтобы в этот момент добиться победы.

Методом исторического материализма можно разрешить эту задачу, — надо только подойти к ней вплотную, вскрыть закономерности, определяющие формы ведения военных действий вооруженными силами.

Почти все теоретики военного искусства сходятся на общем утверждении о существовании национального военного искусства.

Главным фактором, определяющим национальные особенности военного искусства, в представлении старой школы являлись духовноморальные качества того или иного „народа". Более глубокий анализ этой школой не может быть достигнут, так как находя в тактике элементов вооруженной силы полное сходство (почти одинаковое вооружение), она единственное различие может найти в „духовных средствах". Новое оружие рассматривается ею только с точки зрения внезапности его употребления, в дальнейшем же, как это вполне очевидно, находят средства защиты от него, и его начинает применять противная сторона, т.-е. по внешности тактика опять нивелируется.

Действительно, тактика основных мелких соединений развивается главным образом в связи с усовершенствованием оружия, но ведь достаточно общеизвестно, что тактика действий роты или взвода не имеет ничего почти общего с методом, которым решают задачу комдив или комкор.

Первым проблеском понимания сущности изменений, вносимых в тактику новым оружием, является распространенное суждение об ошибке немцев в применении отравляющих веществ — „следовало употребить их значительно более широко, тогда были бы достигнуты внезапность и решительный результат“.

Повторяем, этот первый проблеск трезвого отношения, понятно, заключается не в том, что на первом плане стоит внезапность (это бросится в глаза даже младшему командиру и рядовому бойцу), а в том, что обращено внимание на значение количества употребленных средств, масштаба их применения на удельный вес нового, фактора, на роль его в структуре вооруженных сил. Так количественная характеристика наличия количества вида оружия в сопоставлении с другими элементами боевой мощи становится показателем качества целого.

Однако, этого не видит тов. Циффер. Он упорно твердит зады и не выходит за пределы увязки качества оружия и форм ведения боя.

Пусть! Ведь в результате он совершенно погряз в деталях, зачастую довольно малосущественных и полностью не увязанных между собой. Это всего лишь иллюстрирующие обрывки без всякой системы, без попытки найти систему. Такая судьба ждет всякого, кто будет отрываться от базы, изучая развитие и состояние какой-либо надстройки, особено в том случае, когда конкретные формы связи и взаимодействия базы и надстройки совершенно не изучены.

Свойства оружия определяют способы действий низших соединений. Самая же организация высших соединений, а следовательно, и способы решения ими тех задач, которые им будут во время войны поставлены, зависят от структуры народного хозяйства, питающего их.

Попытка игнорировать эту зависимость ведет к краху плацпарадной тактики мирного времени, необходимости переучивания армии во время войны, разочарованию войск, потере веры в командование и разлагает армию, подрывая авторитет кадрового командира, воспитанного в довоенной школе.

Чем начинать переучиваться во время войны — лучше уж сразу учиться воевать так, как это придется делать на войне. Тактические утопии обходятся дороже, чем любые вензеля досужих стратегов.

2. Зависимость форм ведения войны и боя от уровня производительных сил.

Понятие „производительные силы“ почему-то в употреблении всех почти авторов, интересующихся вопросом о влиянии их на формы вооруженной борьбы, и, в частности, тов. Циффера, связывается с качественными характеристиками и возможностями производства высококвалифицированных продуктов.

Между тем, понятие „производительные силы" преимущественно относится к структуре хозяйства, к производственным отношениям в обществе.

Правда, накопленный опыт и „кристаллизованный труд" являются весьма важной частью этого понятия, но на уровень состояния производительных сил в большей мере влияют производственные отношения, определяющие обмен и распределение в народном хозяйстве, долю накопления, высоту строения капитала и, через последние два фактора, важнейшую с точки зрения обороны часть структуры народного хозяйства — долю тяжелой индустрии, а следовательно и технику ее производства.

Понятно, что при более высоком строении основного капитала страны, большая часть созданного продукта расходуется на воспроизводство основного капитала и, следовательно, важнейшие для обороны отрасли — машиностроение, металлообработка и химия — и имеют в мирное время максимальные возможности сбыта, а отсюда и технического усовершенствования.

Если учесть характер воздействия момента распределения на структуру производительных сил, то станет очевидным (связываясь с вопросом о моральном состоянии и хозяйственном благополучии широких масс) его значение в оценке путей, по которым идет страна, готовясь к обороне и развивая свои производительные силы. Очевидно, что повышение роли тяжелой индустрии и расширение ее рынков влечет за собой и технические усовершенствования, делает их нужными и применение их выгодным.

Таким образом, рост органического состава капитала влечет повышение техники мирного производства, а за ним и военной.

Понятно, ограничиться вскрытием связей, этапов влияния производительных сил на способы ведения вооруженной борьбы недостаточно, так как задача заключается в том именно, чтобы раскрыть конкретное в применении к данному случаю содержание тех предельных возможностей, которые способно развить данное народное хозяйство в условиях войны.

Задача решалась бы как алгебраическая формула, если бы потребление населения (доля в распределении созданной ценности) сокращалось, при нажиме на него, гармонично во всех частях. Поскольку же каждый из элементов потребления при сокращении общего его об'ема имеет собственную динамику, закономерности которой весьма недостаточно изучены, определить структуру возможного отчуждения продукции народного хозяйства на нужды войны чрезвычайно трудно.

Решение намеченной выше задачи осложняется еще и тем, что в первую очередь может и должно быть сокращено производственное потребление, как за счет накопления (расширенного воспроизводства), так, отчасти, и за счет амортизации.

Неясность перспектив в этой части, неопределенность размеров минимально потребных восстановительных затрат осложняют проблему сжатия всего потребления введением этой переменной, характер изменения которой также весьма мало изучен. Серьезнейшим препятствием для всех расчетов является необходимость учета повышения товарности продукции сельского хозяйства во время войны (из-за ухода в армию значительного количества излишних рабочих рук—едоков) и повышения платежеспособного спроса деревни, главным образом, на машины (частью для замены ушедших рабочих в критический период), оборудование для производства копи и, в значительной степени и части, металл должны будут обслуживать нужды обороны.

Только трудностями определения общего размера ресурсов народного хозяйства для ведения войны и их структуры можно об'яснить чрезвычайную неясность, господствующую в об'яснении влияний структуры народного хозяйства на формы действий вооруженных сил.

Эта работа, непосильная отдельным авторам, должна быть проделана какой-либо научно-исследовательской организацией, и тогда только тактика получит теорию, а стратегия и оперативное искусство реальную базу для расчетов и полемики о преимуществах измора и сокрушения.

В масштабе данной статьи нам достаточно установления структурных особенностей в самых грубых чертах, намечая в динамике только тенденции и направления,—нет нужды давать цифры и приводить расчеты.

Говоря о конкретной армии, о вооруженных силах Советского Союза, мы не можем сказать, что роль и влияние производительных сил у нас игнорируется. Такое утверждение не соответствовало бы действительности. Возможности использования хозяйственных ресурсов во время войны зависят не только от подготовки их к мобилизации, но и от подготовки воор[уже]нных сил к пользованию теми средствами, которые народное хозяйство может предоставить в их распоряжение.

И в этом масштабе, масштабе больших проблем и длительных периодов, постановление IV С'езда Советов говорит:

„IV С'езд предлагает СНК СССР учитывать в перспективных и генеральных планах развития народного хозяйства, а также в ежегодных планах капитального строительства потребности и задачи обороны, стремясь к тому, чтобы обороноспособность государства ни в коем случае не отставала от общего хозяйственного роста страны".

Как же переварена эта директива теоретической работой, рассматриваемой нами?—Никак.

Как оценены особенности народного хозяйства СССР в отношении тех форм, которыми мы будем обороняться?

Где связь между уровнем производительных сил и ответственнейшей частью тактической концепции т. Циффера „Тактика и техника“?

Ведь вопрос о влиянии техники на тактику достаточно избит для того, чтобы ему уделять столько места и внимания; очевидно, надо говорить об удельном весе, о соотношении между техникой и живой силой, о роли и способах маневра при данной насыщенности техникой.

Ведь вопрос о „национальных“ особенностях тактики, несмотря на интернациональную нивелировку свойств оружия, стоит весьма остро. Различие тактики немцев и французов, русских и немцев не может быть сведено к тому, что немцы применили О.В. на два-три месяца раньше, а Антанта опередила немцев в отношении танков. Ведь не эти, наполовину технические, факторы определяли особенности способов действия сторон. Ведь были особенности, вытекавшие из хозяйственного положения страны в целом и вынуждавшие „национальные“ особенности.

Весь ряд вопросов, относящихся к нормам боевого снабжения, разрешается обычно эмпирически, на основе опыта последней войны и весьма гадательных соображений о вероятных особенностях будущей, нимало не интересуясь тем, что если даже и придать развитию народного хозяйства такой уклон развития, который обеспечит произвольно и случайно определенные потребности, то такой вариант плана его развития разве лишь случайно может быть оптимальным и не привести к тяжелым осложнениям во время войны.

Несомненно, что при более умелом, чем у тов. Циффера, анализе роли техники в тактике, возможно отчасти из опыта, отчасти путем расчетов, получить некоторые коэфициенты, которые дадут возможность, исходя из оптимального варианта развития народного хозяйства, делать выводы для суждения о возможных и достижимых тактических формах.

В том-то и суть, что у тов. Циффера, как и у А. А. Свечина, история военного искусства есть история саморазвития данного вида, история надстройки, в которой игнорируется связь с базой, и поэтому не исследуются конкретные связи надстройки с базой; отсюда и творческая импотенция в вопросах, относящихся к нуждам дня, презрение высокой теории к низменной практике и, пожалуй, принципиальная негодность самой теории.

Мало теорию расписать и „исторически“ обосновать. Историю можно подогнать под любую теорию. Особенно историю н а д с т р о й к и, позволяющую любые вольности. Теорию должно строить так, чтобы она отвечала на все принципиальные вопросы дня, чтоб в ней был дан м е т о д для решения каждой, даже мельчайшей задачи повседневности.

Мы, понятно, безрезультатно станем искать у тов. Циффера указаний или данных о том, как нам следует подойти к наметке возможной тактики Красной армии через 5 лет, когда продукция сельского хозяйства и связанная с ней численность вооруженных сил может

вырасти на 20—30%, легкая промышленность на 50—60%, а тяжелая — на 100—120%.

Это вот и плохо! В масштабе таких крупных вопросов теория обязана снисходить к практике. Иначе теория никому, кроме автора ее, не нужна.

Надо отдать должное тов. Цифферу: некоторые его замечания заслуживают пристального внимания, не все они одинаково бесплодны.

Так, например, замечание о том, что „...при всех своих недостатках высший комсостав Красной армии времен гражданской войны, был несравненно выше генералитета старой армии в том отношении, что он в большинстве своем на себе испытал мощь техники (правда, чисто эмпирически познал ее значение[1]) и не был стеснен в ее использовании отвлеченными идеями и схемами, выведенными из опытов полководцев давно минувших дней. Спасительная неграмотность в области „вечных, неизменных принципов" военного искусства и относительная техническая грамотность командиров Красной армии гражданской войны позволила им осуществить совершенно живые приемы и решения боевых задач при борьбе незначительными силами на фронтах громадного протяжения" (стр. 41).

Эту огромную цитату стоило выписать. До сих пор у нас никто не пытался анализировать причины нашей победы по элементам. Господствовали рассуждения „вообще". В отношении высшего комсостава установка Циффера очень интересна и, безусловно, во многих случаях верна.

Беда лишь в том, что об'ективное значение этого замечания совершенно противоположно тому, которого добивается тов. Циффер. Доказывать, что малограмотные практики, в лучшем случае — эмпирики, скорее приспособились к новой обстановке ведения войны, значит выдвигать приоритет практики перед теорией. В историческом сочинении такая оценка может быть принята с интересом; в теоретической статье — она плод недоразумения, так как хоронит теорию и историю.

Правда, это замечание хоронит старую теорию, старую историю, но, ведь, надо доказать, что та теория, которая преподается сейчас, и та история, которую сочиняют теперь, принципиально отлична от старой. Ссылка на „вечные и неизменные принципы" после Клаузевица и Шлихтинга просто неуместна,— во всяком случае „вечное и неизменное" могло еще господствовать в головах философов, профессоров военной академии и членов всякого рода комитетов. Эти именно группы лиц определяли вооружение и способы действий войск (уставы), но давно известно (от Энгельса), что на войне войска действуют так, как безопаснее и выгоднее, а не по уставам.

[1]) И поэтому очень узко,— добавим мы от себя,— у каждого было свое увлечение: у одного — жел. дороги и бронепоезда, у другого — переправы, у третьего — тачанки и т. д.

Поэтому все армии во время войны стали переучиваться, но в т о м-т о и б е д а, что переучиваться стали по впечатлениям боевых офицеров, по их отрывочным представлениям и ощущениям о том, как следует воевать в новой обстановке. Считать такое явление положительным — значит обращать беду в достоинство. Беспомощная теория компенсируется и заменяется практическим боевым опытом. Зачем нужна в таком случае теория? Мирное занятие вроде парадов — для того, чтобы все видели, что военная мысль живет и пульсирует? Кому нужна эта фиктивная, вымышленная жизнь? Что дает она армии? С'экономит ли она десяток или сотню жизней, тысячу, другую патронов и имущество? — Нет!

Фальшивый блеск теоретических изысканий, не дающих возможности сказать, какая тактика возможна и нужна будет при данных изменениях, мало кого введет в заблуждение в стране, которая, планируя на 5 и более лет вперед развитие народного хозяйства, предусматривает изменение экономических отношений, определяет не только свою экономическую политику (стратегию), но и тактику — все частные проблемы политики цен, зарплаты, „ножниц" и другие, определяющие в каком д у х е (вот он метод!) должен действовать каждый хозяйственник.

Нет! Пройдет немного времени и военной науке пред'явят такие требования, которые были поставлены экономической и от разрешения которых зависели мероприятия не меньшей важности, чем число пулеметов на полк или стандартная схема наступления взвода. Экономическая наука дала метод для разрешения этих задач, а военная... Военная наука бьется над значением техники в тактике.

Нет и еще раз нет! Этой военной науке не удастся ответить ни на один поставленный ей вопрос. Она обречена на исследования истории саморазвития военного искусства, на бесплодные экскурсы в общую историю и притягивание за уши технико-производственных факторов к об'яснению изменений в тактике. Она никогда не поймет того, что Энгельс, упирая вопрос в развитие техники вооружений, непрерывно помнил о зависимости всей техники вообще, от классовой борьбы, от производственных отношений, и, если не говорил об этом подробно, то потому лишь, что приводил свои примеры для иллюстрации, а не занимался детальным исследованием проблемы, анализом связей между уровнем производительных сил и формами войны.

Упор Циффера в технику и только в технику так же грубо эмпиричен (см. приведенную выше цитату), как и прежние доктрины „духа", и предложение Циффера изучать развитие техники (и только!) проникнуто грубейшим идеализмом — не товарным, а в данном случае в е щ н ы м ф е т и ш и з м о м, как и методы тех, кто отрицает значение вещей и признает одну лишь силу духа (или, что еще хуже — „сердце героя"!).

Феодально-рыцарское „сердце героя, „национальный дух“ ранней буржуазии и „всемогущая техника“ империализма суть особенности каждой из эпох развития человеческого общества.

Мы уже ушли дальше и мы будем воевать комплексами „производственных отношений“ — классовой борьбой.

Это не фраза из авантюрного расчета на то, что все, что нужно нам, сделает пролетариат воюющей с нами буржуазии, нет, это корни новой теории, которая будет строить тактику по данным об уровне производительных сил, по данным об их структуре, а следовательно, по данным о распределении в народном хозяйстве, о производственных отношениях (в наших условиях) внутри его.

Тот, кто этого не поймет, тот вообще не поймет, как надо строить **нашу** военную науку, и пусть лучше бросит свои бесплодные изыскания. Сейчас их напечатают, а позднее, несмотря на марку Госиздата, отнесут к дореволюционной литературе!

Еще экскурс в область истории.

В давние времена воинствующие материалисты об‘явили смертельную войну всем историям, в частности самостоятельной истории надстроек отдельных предметов, „истории кочерги“, как в те времена ядовито выражались.

Не те времена! Дать теперь Цифферу исследование по истории кочерги, он проанализирует зависимость угла ее крюка[1]) от способов добывания угля, его обработки, рассчитает зависимость этого угла от размеров среднего куска угля—дальность транспортирования и измельчение угля, зависимость угла крюка кочерги от удаления данного завода от угольных шахт — влияние географического фактора. Кто-либо из его последователей исследует проблему скручивания крюка, в зависимости от давления в котле, частоты размешивания угля на колосниковой решетке и т. д.

Мы не склонны совершенно начисто отрицать полезность этого исследования, найдется чудак, который создаст даже музей кочерги от троглодитов до будущих времен,— ему такое исследование пригодится вместо каталога. Но спросим тов. Циффера, возможно ли будет по этой работе сказать что-либо о том, какие кочерги будут в употреблении через 10 лет?

Он скажет, что если сообщить ему все данные о будущем котле, о том, где он будет расположен и какой будет уголь, он по данным истории определит, какая нужна будет кочерга, но при этом забудет, что по существу он воспользовался данными истории для того, чтобы установить лишь зависимость кочерги от материалов и условий. Сама же история кочерги не дает решительно никаких данных для

[1]) Мы говорим о кочерге индустриальной — котельной, а не обыденной — домашней, недостойной внимания серьезного теоретика или историка.

того, чтобы судить о том, какова будет динамика факторов, определяющих форму кочерги.

Однако, в тактике тов. Цифер не так последователен. Он говорит о том, что „в основе умения тактического предвидения лежит знание истории вещей, истории боевых средств“ (курсив наш. От.).

Продолжение излишне... История кочерги выступает во всем величии, самодовлеющая ценность ее утверждается и обосновывается, и глава кончается утверждением, что „одной из основных методологических задач в области тактики, задач, вытекающих из диалектического и материалистического подхода к ней, является повышение удельного веса истории вещей с временным понижением роли и места истории людей“ (стр. 45).

Стоит ли говорить о том, что эта дорога является апофеозом возвеличения вещи, ее фетишизирования! Стоит ли напоминать Цифферу, что вещи делаются людьми и история вещей есть история производственных отношений между людьми!

Связать историю развития производственных отношений с формами ведения войны очень трудно,— в истории прошлых войн для этого почти нет данных.

Из этого следует сделать единственный вывод: всю историю прошлых войн надо оставить любителям, а для теории использовать лишь новейшую, для исследования которой имеется достаточно данных и которые по своей обстановке настолько близки, что не требуют гигантских усилий для элиминирования резко разнящихся данных обстановки.

Создание теории возможно только при диалектическом подходе к истории, при изучении зависимости форм войны от уровня производительных сил на разных этапах. Иначе говоря, полезная история и теория военного искусства вообще мыслимы только как материал для теории зависимостей военной надстройки от хозяйственной базы. Только при такой установке теории можно будет сказать, какие формы ведения войны будут соответствовать тому уровню производительных сил, который будет иметь место через 5 лет.

Эволюция немецкой стратегической теории от Фалькенгайна до Людендорфа, от полководца, хотевшего взять противника боевым измором (верденская мельница), до Людендорфа, стремившегося сорвать оковы позиционной войны и выйти в поле, где качество немецких войск могло бы взять верх над неимоверно возрастающей количественно техникой Антанты, более поучительна, понятно, чем эволюция от Ллойда до Шлихтинга, особенно в изложении А. А. Свечина.

. Следует отметить, что господствующее вознесение качественных моментов техники в ущерб количественным отражает аристократическое презрение „духа“ к количеству, характеризующему „презренные“ массы. Это отношение влечет глубочайшие заблуждения

в оценке количественных моментов, являющихся истинной характеристикой в противоположность внешне-качественной характеристике по данным о технических свойствах и особенностях.

Когда об этом забывает Циффер, ему простить очень трудно, а Свечину совсем нельзя: с него, претендующего на многое, многое и спросится. Мы спросим у него одно: какое отношение к военному делу в свете исторического материализма имеет его статья? Ведь творческое бесплодие Свечина идет от его теории об'ективности,— он считает излишним и недостойным историка критиковать покойников.

Дело заключается в том, что Свечин не хочет считаться с тем, что историческая критика заключается в том, чтобы рассматривать соответствие стратегических теорий современным им формам и материальной базе их времени. Без такой критики „эволюция стратегических теорий" будет лишь компиляцией несвязанных между собой воззрений — опытом истории кочерги! Потому и не следует быть об'ективным, надо беспощадно выбрасывать все, что не может показать потребные нам зависимости, как заведомо бесплодное расходование времени тех, кто по доверчивости станет свечинской историей заниматься.

3. Несколько суммирующих замечаний.

Задача критики поневоле распространяется за пределы аналитического рассмотрения сущности критикуемого предмета.

Опорная точка критики, некоторая невысказываемая принципиальная установка критикующего, неизбежно должна наличествовать; в противном случае критика вырождается в критиканство, необоснованные упреки, мелочные придирки и теряет свою общественную значимость. В дальнейшей полемике положению автора всегда противопоставляется часть всей принципиальной основы критика; однако, не всегда критик приводит в систему свои возражения и полностью противополагает их разбираемой им работе.

Мы полагаем полезным несколько систематизировать высказанные выше положения. Если это и не даст целостной, комплексной конструкции, то очертит ее контуры, покажет в собранном виде те мотивы, по которым мы считаем сборник „Военное дело в свете исторического материализма" не вполне удачным.

Мы вынуждены начинать с азов, с того, что Энгельса извратили, брошенную им в виде иллюстрации фразу о зависимости тактики от свойств оружия фетишизировали, обратили в икону и теперь дробят свои лбы перед ней.

Зависимость тактики от свойств оружия очевидна, но ведь всякому ясно, что не развитием свойств оружия определяется ход истории и что для определения потребных в будущем тактических форм надо заниматься изучением не столько эволюции оружия, сколько разви-

тием производственных отношений в человеческом обществе, определяющих структуру производительных сил, а с нею и структуру вооруженных сил. Доказывать бо́льшую зависимость тактики от структуры вооруженных сил, чем от свойств оружия,—такое же метафизическое развлечение, как и доказательство противоположного. Дело заключается лишь в том, что свойство оружия в свою очередь зависит от уровня (а следовательно, и структуры) производительных сил и, таким образом, основной воздействующий фактор выявляется сам собой.

Связав определение основ и принципов тактики с уровнем и структурой производительных сил, мы переходим к вскрытию факторов, определяющих формы ведения войны. И здесь, рассматривая всю многосложность явлений войны — влияние театра, местных средств, путей сообщения, политического состояния армии, отношений ее с собственным тылом и местным населением,— мы сталкиваемся с уровнем и структурой производительных сил.

Важнейшая в СССР, в случае войны и в мирное время, проблема— вопрос о смычке рабочих и крестьян — является наиболее обнаженным, вскрытым самим ходом истории показателем зависимости форм войны непосредственно (в этом то все дело!) от структуры производительных сил, от соотношения между накоплением и потреблением в народном хозяйстве, от высоты органического строения капитала народного хозяйства. Это теоретическая очевидность выдвигает практическую задачу первоклассной значимости — вскрыть конкретно их отношения, найти коэфициенты, пользуясь которыми можно было бы переходить от показателей, определяющих состояние народного хозяйства, к характеристике военной мощи.

Способы действий вооруженных сил (тактика и операции) определяются не столько числом снарядов, пушек, винтовок, лошадей и т. п., сколько соотношением между всеми составляющими вооруженные силы элементами, структурой их. Маневренная гибкость вооруженных сил, например, в большей степени зависит от соответствия средств подвоза действующим войскам, чем от абсолютных их количеств. И дивизию на широчайшем фронте можно сделать мало подвижной, лишив ее пары артиллерийских транспортов и вынуждая пользоваться обывательским обозом.

Подобных примеров можно набрать сотни, но много важнее установить основные явления войны, влияние их на хозяйственные процессы. Эта задача посложней.

Война вводит в народное хозяйство нового потребителя — мобилизованные вооруженные силы —потребителя, резко отличающегося в настоящее время от нормального, свойственного народному хозяйству в мирное время как по об'ему, так и по структуре спроса.

Главное отличие намечается в структуре потребления вооруженных сил.

Еще 60—70 лет тому назад потребление вооруженных сил главным образом состояло из предметов продовольствия, фуража и обмундирования. Потребление боевых средств по удельному весу в общей массе снабжения вряд ли превышало потребление продукции тяжелой индустрии во всем народном хозяйстве (впрочем, в России прошлого столетия и эта диспропорция имела место) При таком положении война могла равномерно нажимать на все потребление и извлекать материальные ресурсы страны, действительно, до предела возможностей.

Теперь положение резко изменилось. Армия потребляет, примерно на 80—90% всех своих нужд, продукцию тяжелой промышленности, и странам, имеющим еще и в мирное время диспропорции в строении народного хозяйства, очень трудно, почти невозможно, угнаться за противниками, имеющими индустриальный тип хозяйства, в насыщении армии техническими средствами борьбы. Поэтому-то и следует с особой осторожностью копировать иностранные тактические формы, поэтому только и законно требование „национальной“ тактической доктрины, конкретной стратегии данного государства, а не теории вообще.

Если мы рассмотрим основные процессы, имеющие место в народном хозяйстве во время войны, то увидим, что три основных функции его: производственное потребление, личное потребление и потребление войны — имеют весьма различную динамику. Если личное потребление (нормы и фонд) неизбежно будут снижаться, производственное потребление, в зависимости от расчета на длительную или короткую войну, останется стабильным и реконструируется или тоже будет падать, то потребление войны непрерывно будет расти, пока не дойдет до пределов хозяйственных возможностей, после чего тоже начнет падать или, в лучшем случае, останется на некоторое время стабильным.

Динамика этих рядов, темп изменения их и соотношение между ними определяет все решительно формы жизни страны и народного хозяйства, а равно и формы действия вооруженных сил, поскольку исходное положение определяло некоторые исходные же формы тактики, стратегии и экономической политики. Динамика этих рядов, определяясь общими директивами руководства страной во время войны, вместе с тем указывает и сигнализирует необходимость изменения тактических и стратегических форм, а также и методов осуществления экономической политики.

Если руководство вооруженным фронтом своевременно не учтет эти изменения, а подобно Гинденбургу, будет требовать необ'ятные и ненужные массы военных материалов, то добьется лишь того, что

хозяйственная мощь страны будет преждевременно подорвана без особой, даже временной, пользы не только для всей войны, но и для действий одного вооруженного фронта.

Здесь-то заключается сущность тех функциональных растройств, которые война вносит в народное хозяйство.

Война питается, главным образом, продукцией тяжелой промышленности. Эта последняя, главным образом, обслуживает воспроизводство, и, таким образом, война неминуемо с'едает основной капитал. Несоответствие потребления мирного и военного времени влечет в случае войны диспропорции даже в уравновешенном мирном хозяйстве.

Следствием этих диспропорций во время войны являются функциональные расстройства и, следовательно, общее понижение пределов напряжения по сравнению с прежним временем. Тридцатилетняя война в настоящее время просто немыслима. Предельную длительность войны без труда можно связать со сроками износа основного капитала, а если взять вопрос шире и учесть общий уровень и структуру производственных сил, то и с факторами, определяющими темп и потенциал классовой борьбы в буржуазном государстве. А в определении этих величин заключается и решение задачи об основном показателе формы будущей войны — длительности ее в зависимости от возможностей слабейшей стороны.

Из сказанного вытекает, что лозунгу „все на фронт" в будущей войне нет и не может быть места, ибо не только на фронте решаются судьбы войны. А задача заключается в соразмерении усилий фронта и тыла, в рациональной организации всей борьбы в целом и трезвом учете неизбежностей.

Особняком стоит вопрос о теории военного искусства и военной истории.

Для чего нужна военная история — для воспитания мышления, приучения мыслить „эпохами и континентами", или для практического использования в ежедневной работе по строительству Красной армии, по изучению обороны СССР?

Нам представляется, что формы будущей войны больше зависят от данных, образующих контрольные цифры Госплана и кон'юнктурные его обзоры, чем от выводов из всей истории войн, и поэтому история военного дела должна обратить свое внимание на те факторы, которые действительно определяют формы боя на полях сражений, а не на уставные рассуждения, вносящие в теорию военного дела моменты неверной оценки опыта заинтересованными современниками.

Воспитание военного мышления и навыков, понятно, должно черпать материал из истории, но так, чтобы ясно было видно, почему каждая форма себя изжила или каков путь, проделанный ею до на-

стоящего ее состояния. Но это приложимо и нужно в тактике элементарной.

Прикладную тактику эволюцией свойств оружия об'яснять нельзя. Потому то и бесплодны об'яснения упадка или роста того или иного рода оружия, что факторы, изменяющие его роль, сводятся, как и в элементарной тактике, к изменению свойств оружия.

Эти элементарные об'яснения никак не могут считаться научным анализом, и в этом корень их неуспеха. А тот исследователь, который свяжет повышение роли артиллерии, в частности гигантский рост потребления ею снарядов, с повышением органического строения капитала, с возрастанием роли тяжелой индустрии (в политике это не вполне верно оценено тов. Павловичем-Вельтманом), добьется значительных результатов. Он поймет также, что „конная армия"— это оружие страны, имеющей мало снарядов и патронов, но много людей, коней и фуража, и что если конным армиям не будет места в первоначальных столкновениях, то во второй период, когда вооружение за счет противника станет весьма и весьма полезной экономией сил и средств, и конным армиям может найтись место на полях сражений.

Надо проанализировать все факторы, повлекшие возникновение данного вида и определившие его удельный вес, надо параллельно изучить все явления, могущие оказать свое влияние на эти процессы. Корреляция анализируемых рядов лучше всяких мудрствований покажет, где эти зависимости есть, где их нет; даст количественные характеристики этих зависимостей и те именно коэфициенты, о которых говорилось выше.

Это дает больше, чем существующая теория военного искусства. Это даст то именно, что требуется нам на нынешнем этапе строительства обороны СССР. Но для того, чтобы этого достигнуть, надо в первую очередь добиться большей экономической грамотности, чем та, которая имеет место.

Нельзя ограничиваться изучением азбучных истин и популярных статей по экономической политике (рассуждения А. А. Свечина в его „Стратегии" о необходимости доведения нормы накопления до 10%). Общеобразовательный уровень военного работника должен быть выше, чем у любого специалиста техника, потому что он не только исполнитель, но и руководитель, потому что он руководитель в такой области, в которой не только еще не произведена революция, но нет предпосылок для этого, так как история ведет к уничтожению войн.

Тем ответственнее задача. Сложнейшее явление, охватывающее всю жизнь государства, представляющее собой просто с о с т о я н и е государства в некоторые периоды его жизни, у нас недостаточно исследовано.

Работа „Государство и Революция" дала теорию пролетарского государства, наша ставка должна быть поставлена на создание работы

„Война и Революция“, и если до сих пор в области военного дела не поставлена даже еще как следует задача, гениально разрешенная в области политики, то надо коллективным трудом попытаться заполнить этот прорыв И очень жаль, что первый опыт, первый труд о военном деле в свете исторического материализма, вышел неудачным.

Причина неудачи не в том, что работа коллективная. И единоличные произведения, как, например, „Стратегия“ А. А. Свечина, весьма далеки от удовлетворительности. Значит, дело—в поверхностном подходе, в отсутствии желания проникнуть глубже в суть дела. Вот это и плохо.

Надо научиться работать коллективом, а не ждать появления спасительного гения. Гении бывают очень редко. Надо всей массе научных и практических сил сочетать и напрячь все свои усилия для достижения поставленных задач, для создания нашей теории войны, которая не будет нуждаться в озарении светом исторического материализма извне, так как будет марксистской по построению и происхождению.

Б. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ

(Обзор)

Английская военная мысль о возвращении к древним концепциям войны. Необходимость нанесения ударов по городам и населенным пунктам территории противника. Противовоздушная оборона населенных пунктов. Задачи „гражданской воздушной обороны". Пресса во время войны. Статья франц. генералаНиссель о господстве в воздухе. Сравнительная характеристика французских, итальянских и английских воздушных сил. Организация воздушных сил. Критика итальянской идеи о [illegible]зависимой Воздушной Армии". Пожелания французской пехотной мысли. Н[illegible]типы самолета.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ нравы и концепции английской военной мысли стали за последнее время заметно грубеть. Еще совсем недавно считалось, что арена стратегического воздействия должна ограничиваться в теории только вооруженной силой противника, его транспортом, экономикой, государственным имуществом, да еще, пожалуй, частновладельческим достоянием на морских путях (см. „Manual of Naval Prize Law" и Парижскую декларацию 56 г.). Мирное же население и незащищенные города, частная собственность на суше и даже культурные ценности считались военным табу. Стратег, который вздумал бы строить свои планы без такого ограничения, навлек бы на себя всеобщее осуждение. Еще в начале европейской войны Уильямс пространно писал об „общепризнанных человеческой совестью нравственных границах войны", доказывая, что чудовищные гератские гекатомбы Чингисхана в XIII веке и кровавые бойни на берегах Инда, учиненные позже штабом Тамерлана,— неповторимы, неприемлемы и психологически невозможны для военного командования в XX веке. Стратегия воюет только против воюющих — вот основной принцип былого времени. Насилия над мирным населением северо-востока Франции и Бельгии, потопление пассажирских пароходов с женщинами и детьми, воздушные налеты на незащищенное побережье и даже сравнительно невинные обстрелы колоколен древней соборной готики представлялись актом, вопиющим к небу, точно так же, как голодная блокада Германии, обрекавшая невоюющих на вырождение, вызывала негодующие протесты и красноречиво сопоставлялась не более и не менее, как с эпохой мрачных стратегов Ассирии и Вавилона.

Но теперь обстановка, повидимому, изменилась. Соображения выгоды явно берут верх над тем, что в так называемом цивилизованном мире именуется нравственностью. Со стратегии снимаются недавнее табу человеколюбия, и английское Военно-Научное Общество на страницах своего журнала с грубой и бесцеремонной деловитостью отбрасывает прочь те нежные фарфоровые стенки цивилизации и культуры, которыми вчера еще была ограничена арена возможных стратегических замыслов. Молот войны теперь будет бить все: и армию противника, и его мирное население. Так сказано.

Сказанное так поясняется г-ном Рисс-Дженкинс, в его последней статье, с точки зрения „индустриализации современной войны" и необходимости участия в ней всего целиком населения воюющих стран. Полковник Виллиерс-Стюарт говорит то же самое, указывая, что „современная война должна явить собою **возвращение к древним примитивным концепциям воюющего народа**".

Новая французская теория о „полной войне" (см. наш обзор в 4-й книге журнала „Война и Революция", стр. 164), претворенная в жизнь недавно изданным во Франции законом об „организации государства для войны", приводит английских авторов к умозаключению о том, что прежнее деление людей на „комбатантов, то-есть воюющих", и „некомбатантов, то-есть не воюющих", отжило и потеряло ныне всякий реальный смысл.

Невоюющие будут во время войны работать в тех многочисленных и разнообразных индустриальных процессах, которые являются столь необходимыми для современной стратегии. Эти рабочие и работающие должны поэтому считаться также „комбатантами", и мечей стратегии отныне нельзя удерживать от ударов по городам и промышленным центрам страны врага. Таково „натуральное последствие того, что индустрия и индустриальные товары стали базою ведения войны"... и вот почему „фабричный рабочий, наравне с транспортником, входит теперь в сферу активных операций стратегии, делаясь об'ектом ее ударов"...

По словам Дженкинса, „для того, чтобы иметь максимальный и непрерывный поток снабжения в армию, понадобится создать обеспеченные условия напряженнейшей работы ночной и дневной сменами на фабрике и 24-часовой работы на транспорте. Без этого рухнут самые лучшие стратегические планы. Создание условий такой работы есть база любого осмысленного военного плана. Ясно, что стратегия противника должна прежде всего постараться нанести удар этой работе, нарушить установленную для военного времени рутину на фабрике и опрокинуть действенность государственной транспортной системы. Для стратегии противника это — самое главное. Прежде это было трудно, и часто вовсе даже невозможно. Теперь это возможно и, при разумно проведенной подготовке, даже легко. Современная стратегия обладает очень удобным средством для нанесения таких ударов—и этим средством является воздушное оружие".

Воздушное оружие, в его теперешнем техническом состоянии, открыло новые возможности. Эти новые возможности должны быть использованы. Города непременно явятся об'ектом нападения, невзирая ни на какие соображения человеколюбия и морали. Дженкинс рекомендует прежде всего удары по правительственным административным центрам. Он говорит, что в апреле—мае 1918 г. Париж был совершенно деморализован воздушными налетами; эвакуирующиеся из Парижа исчислялись тогда сотнями тысяч человек; однако, если в 1871 г. было сравнительно несложно и нетрудно перенести правительство из Парижа в Бордо, то уже в мае 1918 г. такая идея никому не приходила в голову — настолько сложным стал современный механизм правительства. Самая идея о возможном переносе правительства из угрожаемой с воздуха столицы является в настоящее время нелепостью. Только выживший из ума старик, воспитанный в молодости условиями средины XIX века и ничего не понимающий в современности, может говорить о переносе столиц в военное время. Если административный центр воюющей страны угрожаем с воздуха, то он угрожаем с воздуха — и только. С фактом этим надо считаться. Против него надо бороться. Но говорить о переносе правительства было бы бредом и глупостью.

Нападение с воздуха на столицы и крупные города неизбежно, ибо оно исключительно выгодно противнику. Оно выгодно, по словам Дженкинса, с точки зрения причинения полного расстройства административной жизни страны. Оно выгодно потому, что крупные города обыкновенно оказываются важнейшими узлами государственной транспортной жел.-дор. системы. Оно выгодно потому, что с крупными городами совпадают всегда основные распределительные и складовые пункты всей государственной территории. Оно выгодно потому, что крупные города почти всегда являются значительными индустриальными центрами. Противник, располагающий техникой и продумавший стратегию воздушного оружия, непременно должен использовать это оружие, ибо искусное, тщательно подготовленное и решительно проведенное использование его обеспечит выгоды исключительные и ни с чем не сравнимые по стратегической дальнобойности. Никакие соображения этики здесь роли играть не могут.

Отсюда встает во всем его огромном значении — и из всех важных важнейший — вопрос о противовоздушной обороне населенных пунктов. Естественно, что этот вопрос занял теперь самое значительное место в заботах военной мысли Англии. За недавнее время Военно-Научное Общество провело три доклада по этому поводу; было издано две капитальных книги о противовоздушной обороне населенных пунктов; целый ряд

статей был напечатан в журналах на эту же тему; наконец, два члена правительства посвятили свои доклады все т[illegible] же серьезному и неотложному вопросу.

Тем не менее, все попытки разрешить этот вопрос до сих пор остаются неудачными, и до сих пор еще не знают, каким образом организовать защиту гражданского населения от воздушных атак. Одни из авторов и докладчиков просто занимаются тем, что рисуют всякие ужасы будущего нападения и наводят уныние на публику; другие же, хотя и предлагают те или иные меры, но предложения их носят крайне легковесный и несерьезный характер; не отдавая себе отчета в трудности дела, они хотят обращаться с гражданским населением так, как будто гражданское население целого района было бы каким-то войсковой частью, которую можно передвигать из стороны в сторону, взад и вперед, сообразно интересам обороны. Некоторые же авторы просто отмахиваются от решения этого вопроса; напр., капитан Мак-Нийс предлагает препоручить сей вопрос заботам министерства внутренних дел; полковник Виллиерс-Стюарт считает, что разрешение его просто подлежит заботам муниципальных властей; майор Деннинг возлагает ответственность за организацию обороны гражданского населения от воздушных атак на само воздушное ведомство, которое должно, мол, обдумать весь вопрос и предложить затем какой-либо подходящий план действий.

В своем новом исследовании, Риис Дженкинс указывает, что задача „гражданской воздушной обороны“ должна заключать в себе следующие целеустановки:

1) Промышленную жизнь страны необходимо обеспечить от воздушных налетов противника при помощи не только активных боевых средств армии, но и всех тех предупредительных и дополнительных мероприятий, которые окажутся необходимыми для сохранения спокойного состояния духа рабочих масс. Поэтому в системе мер пассивной обороны должны найти место: камуфляж (маскировка) заводов, создание убежищ, оборудование средств противопожарных и противогазовых, разработка мероприятий по закрытию или уменьшению освещения и по заблаговременному оповещению населения о приближающихся самолетах противника. Кроме того, в мирное же время надо еще разработать систему полицейских мероприятий для предотвращения случаев массовой паники.

2) Перевозка продуктов индустрии военного времени, и в особенности предметов боевого снабжения, должна быть максимально обеспечена от воздушных нападений. Конечно, этого обеспечения достигнуть будет невозможно в светлое время суток; но перевозка грузов по ночам может быть обеспечена при условии соответствующей регулировки скоростей и освещения.

3) Обеспечение бесперебойного распределения пищевых запасов для населения, каковое обеспечение в главной своей части относится опять-таки к транспорту.

Кроме того, необходимо будет принять к самому серьезному учету работу прессы в военное время, ибо печать здесь сыграет огромную роль в качестве осведомителя общественных масс, популяризатора необходимых сведений и, наконец, самое главное — органа для предотвращения паники всякого рода. Надо, ведь, помнить, что противник во всех своих действиях будет стараться воздействовать угнетающим образом на общественное настроение людских масс вражеской страны („психология неприятельского тыла есть одно из самых могущественных средств будущей войны“); и здесь Дженкинс даже вводит в военный словарь один чрезвычайно интересный термин: „психологические атаки“. Надо иметь в виду, что эти психологические атаки войдут серьезнейшим элементом во все военные соображения как обороны, так и наступления. Нападения же с воздуха будут одним из самых действенных средств для воздействия на противящуюся внешнюю волю. Творческая мысль генеральных штабов непрестанно думает в настоящее время о подготовке этих психологических атак. Дженкинс рекомендует поэтому заблаговременно разрабатывать систему мер для влияния на настроение масс, угрожаемых нападением с воздуха и являющихся возможным объектом психологической атаки.

Само по себе исследование Дженкинса, опубликованное Военно-Научным Обществом, не дает, в сущности говоря, подлинного разрешения вопроса об организации

того, что он называет „гражданскою обороною против воздушной угрозы". Его труд только ставит самый вопрос, подчеркивает его значение и резко настаивает на необходимости разработать его в виде проекта целого ряда нужных мероприятий.

Всегда превосходно осведомленный журнал „Naval and Military Record", говоря о психологическом эффекте газовых воздушных атак, сообщает, что английское военное министерство обращает теперь очень большое внимание на подготовку авиохимической войны, проводя ряд опытов с газами в Сетон-Ок и в Портоне. Нет никакого сомнения, что британское правительство, в настоящее время энергично готовящееся к войне, возлагает значительную часть своих воинственных надежд именно на активные наступательные действия английского воздушного флота; именно с этой точки зрения приводимые выше рассуждения английских авторов о воздушных атаках на города противника обретают исключительную выразительность. Подготовка Англии к наступательным воздушным операциям целиком подтверждается и таким совершенно беспристрастным авторитетом, как французский генерал Ниссель, который в сентябрьском номере журнала „Revue des Deux Mondes" помещает интересную статью о „Господстве в воздухе".

—„Каждое государство имеет свои собственные задачи для боевой авиации. И эти задачи определяют собою самый состав воздушного флота. Стратегическое положение Франции, напр., характеризуется тем, что ее территория открыта для наступления противника с сухопутной границы; поэтому ее боевая авиация должна создаться прежде всего в соображении с вероятными операциями ее сухопутной армии, обороняющей эту границу. Первой задачей французской авиации является, таким образом, разведка, и вот причина, почему во французском военном воздушном флоте 50% всего числа самолетов являются разведчиками. Остальные самолеты относятся частью к типу истребителя, для защиты своей авиации и для сковывания авиации противника, и частью — к типу бомбардировщика, задачею которого, кроме участия в бою, является еще и производство репрессалий над территорией противника, в случае, если последний предпримет воздушные атаки французских городов.

Стратегическое положение Италии характеризуется тем, что опоясанная цепью почти непроходимых горных хребтов, ее территория едва ли доступна для сухопутного вторжения неприятеля. Зато Италия, в силу своих географических условий, весьма уязвима для воздушных атак со стороны неприятеля. Этим-то и об'ясняется, что свыше половины всех самолетов Италии относятся к типу истребителей.

Поскольку Франция строит в составе своего воздушного флота главным образом самолеты-разведчики, и поскольку Италия больше всего озабочена постройкою самолетов-истребителей,— постольку в Англии почти вся воздушная сила состоит из наступательных эскадрилий бомбардировщиков, которые предназначены для действий над территорией противника". Вывод ясен.

Упоминание генералом Ниссель о задачах английского воздушного флота ценно особенно потому, что автор своею статьею говорит совсем о другом и вовсе не задается целью выяснения стратегического значения воздушных сил Англии; таким образом, это упоминание, повидимому, является совершенно об'ективным.

В самой своей статье — очень интересной по теме — Ниссель пытается найти разрешение вопроса о наилучшей форме организации воздушных сил для Франции. Он критикует американскую идею разделения всей авиации между ведомствами военным и морским и министерством почт (последнее ведает гражданской авиацией); вместе с тем генерал Ниссель выявляет недостатки английской системы единого министерства воздушного флота с его „Воздушным Советом", аналогичным „Адмиралтейскому Совету" морского флота; не одобряет он также и итальянской системы, где Муссолини является воздушным министром, будучи в то же время и самолично министром военным и министром морским, и где помощник воздушного министра ведает вопросами административными и техническими (а также гражданской авиацией) в то время, как начальник воздушного генерального штаба ответственен за разработку оперативных планов.

В итоге своего исследования генерал Ниссель приходит к выводу, что наилучшей формою организации воздушных сил для Франции было бы разделение их между тремя ведомствами: военным (для нужд сухопутной армии), морским (для нужд морского флота) и воздушным, которое будет ведать только гражданской авиацией и строительно-технической частью, принимающей заказы от военного и морского министерств.

Говоря об итальянских самолетах-истребителях, генерал Ниссель указывает, что хотя они и являются пока господствующим типом самолета в Италии, но тем не менее в настоящее время большое внимание здесь обращается также и на создание активных сил для воздушной бомбардировки; в связи с этим французский автор критикует новое подразделение воздушных сил Италии:

1) Воздушные силы сухопутной армии.

2) Воздушные силы морского флота.

3) Воздушные силы колониальных войск.

4) Независимая „Воздушная Армия", предназначенная для самостоятельных воздушных операций.

Генерал Ниссель полагает, что независимая воздушная армия не должна существовать, так как никаких вообще самостоятельных воздушных операций на авиацию возлагать не следует: все действия государственных вооруженных сил, на суше, на море и в воздухе, должны быть строго координированными, являясь частью единого и общего плана. Модная идея о том, что в то время, как вооруженные силы страны будут развивать свои операции, для них приятным и неожиданным сюрпризом явится какой-то громадный ущерб, нанесенный противнику независимой воздушной армией,— эта модная идея есть порождение ума диллетантствующего и невоенного в высшей степени. Военному уму свойственно стремление к заблаговременной осведомленности и к строгому деловому расчету, в основе которого находится согласованность действий. Каждая копейка, каждый килограмм боевой стали и каждый человек должны итти на единую общую систему операций, и их нельзя отрывать для каких-то дополнительных стратегических сюрпризных замыслов. Стратегия не любит сюрпризов, ибо благоприятного сюрприза она не сумеет надлежащим образом использовать, а неблагоприятный сюрприз всегда опасен и может повлечь за собою катастрофу. Стратегия не любит случайностей (как бы неизбежны на войне они не были) и убежденно подписывается под контовским изречением о „случае, как боге невежд". Она стремится к тому, чтобы все знать, все предвидеть, все учитывать наперед и, конечно, она не станет добровольно создавать для себя каких-то коробочек с сюрпризами. Строить самостоятельную и независимую воздушную силу, которая будет действовать по собственным планам, отдельным от плана армии и морского флота,— нелепо. Эти стратегические пасхальные яйца с сюрпризами свидетельствуют только о несерьезности военного мышления, склонного больше к расчету на случай, чем к расчету на себя.

В противоположность английским и итальянским планам относительно воздушных нападений на неприятельские города, французская военная мысль уклоняется скорее в сторону оценки авиации, как средства главным образом подсобного пехоте. Еще во время марокканских операций французская пехота постоянно проявляла склонность требовать для себя гораздо большего числа самолетов, чем это было возможно или действительно нужно. Пехотные начальники тогда часто ставили условием выполнения порученной им операции — придачу им чрезмерного количества авиации. Эта тенденция продолжается и теперь. Воздушные претензии пехоты проявляются в ряде своеобразных и, в сущности говоря, часто небезынтересных статей, где пехотная мысль воочию стремится давать директивы авиации в свете своих собственных нужд, определенно характеризуя самолет только как оружие сопровождения пехоты. В одной из недавних таких статей, „Voeux d'un Fantassin", то есть „пожелания пехотинца", напечатанной на страницах „La France Militaire", высказывается ряд таких требований, из которых иные не лишены, пожалуй, тактического смысла, и если и спорны или оспариваемы, то, во всяком случае — спорны в пределах реальной деловитости.

Французская пехотная мысль прежде всего останавливается здесь на типах самолета: ...„Мы имеем самолеты разведчики, истребители, бомбардировщики, но настоящего боевого самолета для боя против неприятельской пехоты у нас нет. Такие боевые самолеты, действующие в больших массах совместно со своей пехотою и для ее поддержки, должны быть мощно вооружены пулеметами и специальными бомбами для действия против подвижной цели; эти самолеты должны быть непременно защищены броней, ибо иначе никакой пользы своей пехоте они не принесут, так как на низком потолке боевой самолет сейчас же будет сбит, а на большом потолке он не сможет действенно поражать противника. Современные бомбардировщики, не будучи бронированными, не нужны для пехоты, которая требует аэропланов, способных к настоящему действенному бою против подвижных частей неприятеля, и, значит, неуязвимых на малой высоте. Именно такие боевые самолеты существовали у германцев перед концом войны, и именно такие самолеты предвидятся германской военной мыслью для будущей войны“.

Кроме того, французский пехотинец требует, чтобы была снова продумана идея существовавших в 1915 году так называемых „avions-canons“ (самолеты-пушки), вооруженных 37-*мм* орудием. Тогда это было не совсем удачным типом слишком тяжелого аэроплана, и французы от них скоро отказались. Но американцы подхватили эту мысль, усовершенствовали такой самолет, и кроме того вооружили его орудием значительно более крупного калибра. Восстановление этой идеи во французской армии считается теперь крайне желательным. Надо будет только разработать специальный тип аэроплана, который, в случае удачи технического спроектирования, принесет неоценимую пользу с тактической точки зрения.

Третьим новым типом самолета пехота рекомендует разработку проекта так называемых „аэробусов“ для перевозки войсковых частей по воздуху. Англичане уже имели опыт в этом отношении на иракском театре, где они использовали самолеты, поднимавшие по 20 пехотинцев с оружием и снабжением. Идея аэробусов имеет величайшую будущность, и французские авторы настаивают на ней категорически. Они здесь выходят даже из пределов чисто-пехотных соображений и указывают, что в случае удачи первых опытов можно будет подумать о создании через несколько лет целого флота крупных аэробусов („aèrobus-intercontinental“, т.-е. „междуконтинентальных аэробусов“) которые сразу разрешат собою труднейшую из стратегических задач Франции, а именно — перевозку над Средиземным морем французских африканских войск в Европу. „Море может оказаться не в нашем обладании (английский, итальянский и испанский флоты с их подводными лодками явятся серьезнейшей угрозою для морских войсковых транспортов Франции), и тогда нам придется отказаться от перевозки колониальных контингентов“... „Не следует легкомысленно отбрасывать этой мысли и малодушно кричать об утопиях. Вопрос слишком важен, а современный прогресс техники развивается настолько быстро, что его следует называть не прогрессом, а полетом техники“...

Говоря о вооружении самолетов, пехота настаивает на возвращении к мысли о маленьких стальных стрелах, сбрасываемых с аэроплана (существовавших в 1914 г.). Эти стрелки-пули были забракованы совершенно зря, ибо они являются средством очень действенным и могущим приносить огромную пользу в бою против мест расположения неприятеля. Оружие это действует бесшумно и поэтому еще увеличивает эффект неожиданности. Кроме того, оно очень дешево. Специально останавливается пехотная мысль на усовершенствовании воздушных бомб: для этих бомб необходимо иметь замедлители, так как здесь надо учитывать усовершенствованные типы долговременных укреплений, защищенных сверху броней и даже бетонированных.

Интересно отметить, что в центре всех этих французских пехотных пожеланий находится забота о пулемете аэроплана, о его пушке, о бронебойной и бетонобойной бомбе. Заботы об авиохимии, наоборот, стоят тут на втором плане, подобно тому как почти отсутствует и интерес к идее воздушных нападений на территорию и города противника. Для нашей советской рабочей общественности важно отметить, что об этом последнем вопросе яснее, полнее и отчетливее всего пишут не французские и не чьи-либо иные, а именно английские чернила...

ТАУ

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ В АРМИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

ПОСЛЕ мировой войны Соединенные Штаты провели большую реорганизацию всей своей военной системы. На ряду с маленькой наемной армией и национальной гвардией, существовавшими раньше, были созданы громадные резервные формирования в виде так называемых „организованных резервов", охватывающих ныне почти весь запасный офицерский состав Соединенных Штатов. Если вопрос о комплектовании „организованных резервов" через военизированные гражданские учебные заведения и „гражданские лагери военного обучения" был разрешен сравнительно легко, то относительно дальнейшего усовершенствования офицеров резерва нельзя сказать то же самое. Полагаться на одни только обязательные учебные сборы, которые проходятся каждым офицером резерва в среднем через 5 лет, нельзя. С другой стороны, краткие 15-дневные сборы офицеров резерва можно использовать только для прохождения практических работ в поле. Опыт же показал, что собирать резервный комсостав для прохождения теоретических занятий коллективным путем не всегда (вернее—очень редко) удается. В связи с этим в систему обучения офицеров резерва САСШ, как один из важнейших ее элементов, было введено заочное обучение. В дальнейшем заочное обучение было значительно расширено. и в нем могли участвовать не только офицеры запаса, но и офицеры национальной гвардии, готовящиеся к следующему чину и должности, солдаты и гражданские лица, желающие изучить военное дело и подготовиться к чину офицера резерва, офицеры регулярной армии, готовящиеся к экзаменам в „школу командования и штабной службы" (американская академия генштаба) и т. д.

Заочное обучение имеет целью содействовать укреплению теоретических знаний и квалификации офицеров резерва и помогать им при продвижении по службе. Это далеко не значит, что заочное обучение может полностью заменить всю систему подготовки офицера резерва. Заочные курсы лишь облегчают переход к практической учебе в поле, которая ведется в период обязательных сборов или же во время стажировки офицеров резерва при войсковых частях.

Заочное обучение в армии САСШ разделяется на две самостоятельные части: курсы для отдельных родов войск и служб и курсы для командования и службы генерального штаба. Курсы для отдельных родов войск и служб предназначены для всех офицеров резерва, национальной гвардии и регулярной армии. Курсы генерального штаба предназначены для окончивших курсы, для отдельных родов войск, для причисленных к генеральному штабу офицеров резерва и национальной гвардии и для офицеров регулярной армии, готовящихся в академию генштаба.

Курсы для отдельных родов войск и служб. Нормально для каждого из отдельных родов войск или служб существует три курса: основной курс, курс ротных (или им соответствующих) командиров и курс усовершенствования.

Основной курс включает элементарные вопросы техники и тактики данного рода войск или службы. Курс охватывает все те предметы, которые необходимы офицеру в чине мл. лейтенанта по должности командира взвода. Закончив удовлетворительно курс, офицер имеет право получить чин ст. лейтенанта. Некоторые предметы как, например, гигиена, администрация, военное законоведение и пр. являются общими для всех родов войск и служб. Остальные же предметы, касающиеся материальной части, техники и тактики мелких соединений, проходятся отдельно в зависимости от рода войск. Общее количество времени, потребное на прохождение всей программы основного курса, составляет около 210 часов.

Основной курс для пехоты включает следующие предметы:

	Количество уроков.
1. Организация армии и в частности организация пехоты	5
2. Вооружение, включая вспомогательные виды оружия пехоты и танки	17
3. Чтение карт, съемка и разведывательная служба	18
4. Боевые действия мелких подразделений до роты включительно	34
5. Стрелковое дело	9
6. Полевая фортификация	4
7. Гигиена и санитария	15

Курс ротных (эскадронных, батарейных) командиров. Этот курс предназначен для усовершенствования ротных (или соответствующих им) командиров. Курс рассчитан на 200 часов самостоятельной работы. Окончившие курсы имеют право получить чин капитана.

В програму курса (для пехоты) входят следующие предметы:

	Количество уроков.
1. Военное судопроизводство	11
2. Походное движение	5
3. Тактические задачи (сторожевое охранение, разведка, действия авангарда, ночные действия и пр.)	12
4. Бой роты	20
5. Бой батальона	8
6. Работа штаба полка и бригад	6
7. Материальная часть и действия танков	19
8. Уход за лошадьми	8
9. Военная история, включая боевые эпизоды из деятельности пехоты	

Курс эскадронных командиров включает тактику конницы в различных условиях обстановки, военную историю, выучку лошади и уход за ней.

Курс усовершенствования. Курс охватывает ряд предметов по поднятию знаний старшего офицерского состава. Окончивший курс имеет право получить чин майора. В курс входят следующие общие для всех родов войск предметы: искусство командования (боевые приказы и принятие решения), взаимодействие отдельных родов войск, штабная служба и методы подготовки. Курс рассчитан примерно на 200 часов работы.

Курс пехоты, между прочим, включает следующие предметы:

	Количество часов.
1. Бой батальона (наступление)	10
2. Бой полка	10
3. Бой бригады	11
4. Оборонительный бой	13
5. Охранение, бой за переправы и дефиле, ночные действия и пр.	10

Курс артиллерии включает: ведение и управление артогнем, тактику артиллерии (артдивизион в авангарде и арьергарде, артиллерия в обороне и при наступлении) и методы подготовки.

Курсы командования и службы генерального штаба. Курсы дают материалы по изучению совместных действий всех родов войск и работы командования и штабов крупных соединений (дивизии и корпуса). Удовлетворительно окончивший курсы может быть произведен в чин полковника-лейтенанта или полковника и зачислен в списки кандидатов на должности генерального штаба в военное время. Прохождение программы курсов рассчитано на 500 учебных часов.

Предметы, которые охватывают курсы генерального штаба, следующие:

	Количество уроков	Количество задач на карте	Количество учебных часов
1. Подготовительные материалы (по предметам курсов для отдельных родов войск)	5	1	$58^1/_2$
2. Тактика (дивизия)	2	7	$112^1/_2$
3. Командование, работа штабов, служба тыла и снабжения	3	3	72
4. Специальные предметы (разведывательная служба методы подготовки и вождения войск)	3	1	54
5. Общие предметы (по всем пройденным вопросам)	—	10	45
6. Корпусные и армейские части	2	2	$49^1/_2$
7. Корпус	3	2	54
8. Действия корпуса и армейская операция	1	3	$54^1/_2$
Всего	49	29	500

Заочные курсы включают только такие вопросы, которые можно разрешить или в письменном виде, или же путем разных графических изображений и диаграмм. Каждый курс разделяется на подкурсы (организация армии, тактика, вооружение и пр.). Последние в свою очередь состоят из ряда уроков), например, организация армии состоит из

4 уроков основных и 1 зачетного, включающих общую организацию сухопутных сил, организацию местного управления и организацию отдельных родов и войск и служб).

Все программы подкурсов препровождаются обучающемуся по почте вместе с краткими инструкциями относительно цели и задач данного подкурса. В инструкциях также указываются общие требования к обучающемуся и порядок выполнения уроков. Обыкновенно, выписывающие заочные курсы получают сразу объяснительные инструкции и 2 урока по данному подкурсу. Обучающийся может выполнять уроки когда ему угодно, однако, придерживаясь следующих правил: в течение учебного года каждый выписывающий заочные курсы обязан выполнить не менее 39 часов полученной им работы; в течение каждого квартала (исключая июль—сентябрь) обучающийся должен пройти не менее одного урока.

Курсы для отдельных родов войск и служб составляются управлениями начальников (инспекторов) соответствующих родов войск и служб при военном министерстве или же специальными военными школами. Курсы генерального штаба составляются при школе командования и службы генерального штаба. На работе по составлению заочных курсов сидит специальный штат квалифицированных военных работников. На местах заочные курсы распределяются через штабы корпусных округов, при которых имеются соответствующие отделы по заочному обучению. Непосредственное же руководство заочным обучением децентрализовано и находится в руках офицеров, выделенных округом для инструктирования организованных резервов. Обучающийся, получив два первых урока по почте или непосредственно у инструктора, по выполнении первого из них, возвращает его своему инструктору, который проверяет выполненную работу и затем возвращает ее обратно обучающемуся, приложив третий урок и т. д. Работа обучающегося заключается в том, что он должен отвечать на ряд вопросов, приведенных в данном уроке, решать тактические задачи, производить всякие расчеты, составлять схемы и диаграммы и пр. Удовлетворительное выполнение положенных подкурсов дает возможность резервному офицеру, сочетая заочную учебу с лагерным сбором, успешно продвигаться по службе и в чинах. Аккуратное прохождение заочных курсов освобождает резервных офицеров от теоретических зачетов при сдаче экзамена на следующий чин.

В заочных курсах, помимо того, всегда приводится список необходимой военной литературы, уставов, наставлений и пр., которые потребуются при прохождении данного урока. Обучающиеся могут получить все нужные пособия за небольшую плату через военные издательства добровольных военных обществ („пехотная ассоциация САСШ", „кавалерийская ассоциация САСШ" и пр.) или же через военные библиотеки местных гарнизонов.

К концу 1923 года число участников заочного обучения в САСШ составляло 27.527 чел. (на 4.000 чел. больше, чем в предыдущем году). Основную массу проходивших заочные курсы составляли офицеры резерва (21.258 чел.) и нижние чины резерва (965 чел.) На национальную гвардию падало 3.257 офицеров и 326 нижних чинов, на регулярную армию — 187 офицеров и 183 нижних чина и на частных лиц — 1.351 чел. По отдельным родам войск курсы проходили: 8.106 пехотинцев, 3.275 артиллеристов и 3.217 чел. медицинского персонала.

В настоящее время программа военных заочных курсов состоит из 424 подкурсов, которые практически охватывают все вопросы военной подготовки. Однако, такое количество подкурсов считается слишком большим и в ближайшем будущем можно ожидать сокращения как общего количества подкурсов, так и объема отдельных уроков. Пехотные подкурсы, например, предполагается сократить с 33 до 15. С другой стороны, в авторитетных кругах поднят вопрос об упорядочении способа руководства заочными курсами. То обстоятельство, что непосредственными руководителями на местах являются мало компетентные в вопросах специального инструктирования офицеры, вызвало много нареканий. В будущем предполагается перенести непосредственное руководство или на отделы заочного обучения корпусных округов, или на такие же отделы при специальных военных училищах (пехотная, артиллерийская и др. офицерские школы). Ряд же подкурсов, преподавание которых затруднительно или же совершенно невозможно заочным путем, предположено исключить или же заменить их лекциями и беседами в районах расположения частей „организованных резервов".

З. ШИРИНСКИЙ

ПОЛЯКИ О ПОДГОТОВКЕ МЛАДШЕГО КОМСОСТАВА

Состав армии. Костяк польской армии времен минувшей польско-советской войны 1918—1920 гг. составляли унтер-офицеры, вышедшие из рядов русской, германской и австрийской армий. Это оставило неизгладимую печать на воспитании поль-

ской армии периода ее создания, выразившуюся в разнообразии приемов обучения и подходов к обучаемому молодняку [1]).

Ныне этот боевой унтер-офицер, имеющий за собою громадный опыт позиционной и маневренной войн, уходит из армии, и пост инструктора занимается элементом, не нюхавшим пороху. Унтер-офицер подготовляется ныне в казарменных условиях. Унтер-офицерские кадры комплектуются, преимущественно, из крестьян, имеющих много положительных, с известной точки зрения, сторон: дисциплинированных, послушных и — что самое важное для фашистского правительства — не поддающихся антигосударственной пропаганде. Но есть и отрицательные стороны: польские крестьяне в большинстве малоразвиты и инертны, что не дает возможности воспитать из этого контингента хорошего унтер-офицера.

Лишь ничтожная часть призыва поступает из города (рабочие, ремесленники и т. п.). Горожане недоверчивы, непослушны, легко воспринимают коммунистические идеи, но обладают характером открытым и смелым, умом гибким и восприимчивым, честолюбивы и предприимчивы. Благодаря вышеуказанным отличительным чертам, они быстро продвигаются по службе и при умелом воспитании дают положительный во всех отношениях тип унтер-офицера.

Порядок обучения. Польская армия комплектуется очередным призывом два раза в год: весною и осенью.

16 — 18-месячный срок обучения каждого призыва разбит на три периода, как это видно из нижепомещенной диаграммы [2]).

I период заполняется одиночным обучением (2 мес.), занятиями в составе боевой группы (4 мес.); II — взводное, ротное и батальонное учение, с выделением по 2 мес. на каждый вид вышеуказанных занятий; III — инструкторские занятия, караульная служба и пр. В эти периоды нормального обучения пехотинца вклинивается лагерное время, практические занятия в течение которого ведутся в об'еме боевой группы, роты, батальона и полка. Кроме этого, с целью ознакомления с тактическими свойствами других родов войск и для выработки навыков согласованной работы частей армии в поле, ведутся совместные с другими родами войск занятия.

Если с осенним набором все обстоит благополучно, то весенний набор к началу лагерного периода не успевает пройти занятий по подготовке боевой группы, а между тем, как мы выше отметили, лагерные занятия проводятся в об'еме до полка включительно.

Некоторые из исследователей вопроса о порядке обучения переменного состава предлагают исключить призываемых весной из участия в полевых занятиях более крупного масштаба, равно как не проходить с ними боевых стрельб, считая, что все это с большею для себя пользой весенний призыв сможет пройти в третьем периоде, т.-е. летом следующего года.

Роль унтер-офицера в военное время. Задачи младшего комсостава до мировой войны был и несложны. В связи с возникновением боевых групп, в состав коих входят и элемент огня (ручной пулемет) и элемент маневра (стрелки, вооруженные винтовками и ручными гранатами), а сверх этого боевое средство, отчасти заменяющее артиллерию (ружейная граната), удельный вес унтер-офицера значительно поднялся.

Даже младший унтер-офицер должен уметь согласовывать огонь и движение, а также применять подобный артиллерийскому огонь [3]). Он должен уметь правильно решать в бою полученные свыше или вытекающие из обстановки задачи, принимать самостоятельно решения, бдительно следя, чтобы выполнение его распоряжений не сопровождалось излишними жертвами среди подчиненного ему личного состава. Еще более сложными являются обязанности старшего унтер-офицера, которому зачастую приходится командовать взводом, т.-е. согласовать движение стрелков с действием станковых пулеметов. Кроме того, унтер-офицер не должен забывать о связи с соседями, с авиацией, о взаимодействии с танками. Он должен уметь толково применять саперный инструмент и пр.

В условиях современной войны унтер-офицер является настоящим командиром самостоятельно решающим довольно сложные боевые задачи, ответственным за успех в равной с офицером степени. Он — цемент, спаивающий крупицы армии в монолитную преграду, которой противник преодолеть не сможет, если звенья будут достаточно крепки.

---

[1]) Поруч. Покуса „Организация унтер-офицерских школ". („Беллона", январь, 1927 г., стр. 34—41).

[2]) См. графическое приложение к указанной статье поруч. Покуса и статью капитана генштаба Пенчковского „Заметки по вопросам организации обучения пехоты" — графическое приложение. („Беллона", май 1927 г.).

[3]) Майор генштаба Кара. „Роль унтер-офицера в бою" („Польска Збройна" от 14/V—1927 г.).

ДИАГРАММА СТРОЕВОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕХОТЫ

Год и месяц / Призыв	1925 г.			1926 г.												1927 г.								
	X	XI	XIII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Осенний 1904 г. рожд.	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	л лл	лл	3	3	3	3	3	3						
		шш	шш	шш	шш	шш	ш																	
Весенний 1904 г. рожд.							1	1	1	1	л лл	лл	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3	л лл	лл
								ш	шш	шш	шш	шш	шш											
Осенний 1925 г. рожд.													1	1	1	1	1	2	2	2	2	л лл	лл	лл
														шш	шш	шш	шш	шш	ш					
Весенний 1905 г. рожд.																			1	1	1	1	л лл	лл
																				ш	шш	шш	шш	шш

Условные обозначения:

- | 1 | 1 | 1 | — I период обучения
- | 2 | 2 | 2 | — II »
- | 3 | 3 | 3 | — III »
- | лл | лл | лл | — Лагерный (летний) период обучения
- | шш | шш | шш | — Время обучения в школе младшего комсостава.

О школе младшего комсостава. Задачей полковой унтер-офицерской школы является обучение и воспитание рядового солдата для занятия им должности командира военного времени боевой группы и отделения, инструктора и воспитателя солдат в мирное время, а также хорошего гражданина государства (фашистского), после выхода его в запас.

Школа комплектуется следующим образом: после прохождения обучения в течение одного-двух месяцев в строевых ротах совместно с остальными солдатами того же призыва, подающие надежды стать хорошими унтер-офицерами направляются в полковые школы. Курс в школах младшего комсостава, по одним данным[4]), трехмесячный (весенний призыв) или четырехмесячный (осенний призыв). Весенний курс короче, так как окончание школы ставится в зависимость от срока следующего призыва населения в ряды армии, который обслуживается вновь выпущенными из школы младшего комсостава инструкторами. По другим данным[5]) срок обучения в обоих случаях 5½-месячный, но тогда (смотри диаграмму строевого обучения пехоты) выпуск запаздывает к приему в частях очередного пополнения недели на две, на четыре.

Так или иначе, задержка слушателей унтер-офицерских школ в строевых ротах является излишней и вредной, поэтому предлагается направлять всех кандидатов в унтер-офицеры в полковые школы немедленно после прибытия их в часть. Минимальным сроком обучения признается 5½ месяцев. Понятно, одиночное обучение будущих унтер-офицеров, проходимое ныне в строевых ротах, легло бы тогда на полковые школы.

Подготовка пулеметчиков и других специалистов пехоты. Ныне унтер-офицеры пулеметчики и другие специалисты готовятся путем выделения их на один (последний) месяц в распоряжение одной из рот станковых пулеметов или другой специальности. Этот порядок подвергается резкой критике. Предлагается организовать с первых же дней занятий полковой школы отдельный специальный пулеметный класс. Класс этот, вверенный специалистам, все время работает совместно со всей школой, благодаря чему и остальные офицеры получат практическое знакомство с применением бобомета, пулемета и пр.

Тактические занятия со слушателями полковой школы. Односторонние занятия с обозначенным противником, практикующиеся ныне в польской армии, не получили одобрительного отзыва некоторых ее работников. Выдвигается требование[6]), чтобы занятия в школе младшего комсостава (исключая, понятно, одиночное обучение) были двусторонними.

При такой системе — одна боевая группа или взвод в обороне, другая в наступлении — меняют роли после каждого занятия. Работа в качестве посредников возлагается на переменный состав и лишь главное руководство сохраняет за собой начальник школы. В данном случае исходят из следующих соображений, подтверждаемых практикой. Соревнование и чувство опасения, что товарищами, выполняющими роль посредников, будут указаны исполнителю во время разбора ошибки, вынуждает даже отстающих, даже мало интересующихся исходом занятия, давать максимальное умственное напряжение, лишь бы выполнить все порученное им хорошо, не попасть в просак, выйти с честью из положения и не подвергаться укорам и насмешкам за сделанные во время занятий промахи.

Отмечается, что обычно неуспешность занятий не является результатом природных умственных недостатков исполнителей, а об'ясняется небрежным их отношением к делу, незаинтересованностью в результатах своей работы и безразличием к ее оценке со стороны руководителя-офицера, подавляющего умственную энергию своего ученика несоразмерно большим об'емом профессиональных знаний.

Школы унтер-офицеров профессионалов. Все изложенное выше касается в общем лишь унтер-офицеров срочной службы — основного костяка армии военного времени. Всеми признается, что на подготовку унтер-офицера-профессионала обращено слишком мало внимания, а выпускаемые из полковых школ к роли инструкторов не подготовлены.

Предлагается[7]) (при чем в основном вопросе уже разрешен военным министерством положительно) организовать специальное унтер-офицерское училище с 4-летним курсом обучения. В училище будут приниматься мальчики 14-15-летнего возраста. Окончивший обязан будет прослужить в унтер-офицерских должностях не менее 12 лет.

Набрать 1.000 мальчиков, отвечающих самым строгим требованиям приема, не представит затруднений, так как нищета населения современной Польши является благоприятным для укомплектования унтер-офицерских училищ фактором. Оказывается,

---

[4]) Поруч. Покуса. Там же, стр. 44.

[5]) Капит. генштаба Пончковский. Там же, стр. 234.

[6]) Поруч. Покуса. Там же, стр. 52—54.

[7]) Поруч. Гиттель. „Комплектование унтер-офицерского контингента“. („Польска Збройна“ от 31/VII—1927 г.).

что из 693.600 детей 14-летнего возраста средние учебные заведения посещает лишь 27.500. Остальные, из которых 246 тысяч не учатся вообще, являются богатым материалом, который будет использован для заполнения унтер-офицерских профессиональных училищ.

Выводы: 1. С мнением об увеличении удельного веса младшего комсостава в современных условиях боя мы вполне согласны и считаем, что его значение все больше и больше будет расти в будущем.

2. Совершенно естественно, что рабочий, попавший в армию польского фашизма, отрицательно относится к представителям в ней буржуазной идеологии — офицерам и (как доказали многочисленные судебные процессы) активно проводит организационную и пропагандистскую „антигосударственную" работу; поэтому для нынешней польской армии остается путь царской армии—подбор унтер-офицеров не в рядах рабочих, а из крестьянской среды. Правда, последние неразвиты, но многие из них еще слабо осознали противоречивость интересов своих интересам помещичьей Польши наших дней. Они легко поддаются шовинистической агитации и обработке господами офицерами в пользу фашизма.

3. Еще более резонным и целесообразным, с точки зрения польского фашизма, является предложение организовать унтер-офицерское профессиональное училище.

Отрыв сына обнищавшей интеллигентской семьи, лишенной возможности дать образование своим детям, от общественной среды гарантирует, что попавший в руки фашистов 14-летний юноша станет преданным слугой капитала.

4. Следует признать, что месяц или два, которые кандидат в унтер-офицеры проводит в строевых ротах совместно с другими новобранцами, будут использованы многим продуктивнее в стенах школы младшего комсостава. Срок одиночного обучения может быть сокращен, а время, выделенное на инструкторскую подготовку, соответственно увеличено.

5. Вполне рациональным является предложение создать в школе младшего комсостава отдельный специальный пулеметный класс. При совместных занятиях всего состава школы устраняется отрыв пулеметчиков от основного стрелкового состава школы.

6. Вряд ли можно признать целесообразным исключение новобранцев весенних призывов из плана обучения летнего периода, а также освобождение их от боевых стрельб. Летний период является наиболее плодотворным, дающим лучшие результаты в области боевой подготовки войск, приближая их вплотную к естественным условиям военного времени, втягивая в походную жизнь и внедряя навыки правильной оценки и применения к местности и т п.

7. Проект ввести двусторонние тактические занятия, начиная уже с боевой группы, следует признать удачным.

Возможно ли, однако, успешное применение предлагаемого метода в Польше? Привьется ли он в армии, где „хорошие" взаимоотношения офицеров с нижними чинами частенько базируются на применении физического насилия, т.-е., говоря не на изысканном языке польских судебных отчетов, на мордобое? — Сомневаемся...

О школе младшего комсостава. Задачей полковой унтер-офицерской школы является обучение и воспитание рядового солдата для занятия им должности командира военного времени боевой группы и отделения, инструктора и воспитателя солдат в мирное время, а также хорошего гражданина государства (фашистского), после выхода его в запас.

Школа комплектуется следующим образом: после прохождения обучения в течение одного-двух месяцев в строевых ротах совместно с остальными солдатами того же призыва, подающие надежды стать хорошими унтер-офицерами направляются в полковые школы. Курс в школах младшего комсостава, по одним данным [4]), трехмесячный (весенний призыв) или четырехмесячный (осенний призыв). Весенний курс короче, так как окончание школы ставится в зависимость от срока следующего призыва населения в ряды армии, который обслуживается вновь выпущенными из школы младшего комсостава инструкторами. По другим данным [5]) срок обучения в обоих случаях $5^1/_2$-месячный, но тогда (смотри диаграмму строевого обучения пехоты) выпуск запаздывает к приему в частях очередного пополнения недели на две, на четыре.

Так или иначе, задержка слушателей унтер-офицерских школ в строевых ротах является излишней и вредной, поэтому предлагается направлять всех кандидатов в унтер-офицеры в полковые школы немедленно после прибытия их в часть. Минимальным сроком обучения признается $5^1/_2$ месяцев. Понятно, одиночное обучение будущих унтер-офицеров, проходимое ныне в строевых ротах, легло бы тогда на полковые школы.

Подготовка пулеметчиков и других специалистов пехоты. Ныне унтер-офицеры пулеметчики и другие специалисты готовятся путем выделения их на один (последний) месяц в распоряжение одной из рот станковых пулеметов или другой специальности. Этот порядок подвергается резкой критике. Предлагается организовать с первых же дней занятий полковой школы отдельный специальный пулеметный класс. Класс этот, вверенный специалистам, все время работает совместно со всей школой, благодаря чему и остальные офицеры получат практическое знакомство с применением бобомета, пулемета и пр.

Тактические занятия со слушателями полковой школы. Односторонние занятия с обозначенным противником, практикующиеся ныне в польской армии, не получили одобрительного отзыва некоторых ее работников. Выдвигается требование [6]), чтобы занятия в школе младшего комсостава (исключая, понятно, одиночное обучение) были двусторонними.

При такой системе — одна боевая группа или взвод в обороне, другая в наступлении — меняют роли после каждого занятия. Работа в качестве посредников возлагается на переменный состав и лишь главное руководство сохраняет за собой начальник школы. В данном случае исходят из следующих соображений, подтверждаемых практикой. Соревнование и чувство опасения, что товарищами, выполняющими роль посредников, будут указаны исполнителю во время разбора ошибки, вынуждает даже отстающих, даже мало интересующихся исходом занятия, давать максимальное умственное напряжение, лишь бы выполнить все порученное им хорошо, не попасть в просак, выйти с честью из положения и не подвергаться укорам и насмешкам за сделанные во время занятий промахи.

Отмечается, что обычно неуспешность занятий не является результатом природных умственных недостатков исполнителей, а об'ясняется небрежным их отношением к делу, незаинтересованностью в результатах своей работы и безразличием к ее оценке со стороны руководителя-офицера, подавляющего умственную энергию своего ученика несоразмерно большим об'емом профессиональных знаний.

Школы унтер-офицеров профессионалов. Все изложенное выше касается в общем лишь унтер-офицеров срочной службы — основного костяка армии военного времени. Всеми признается, что на подготовку унтер-офицера-профессионала обращено слишком мало внимания, а выпускаемые из полковых школ к роли инструкторов не подготовлены.

Предлагается [7]) (при чем в основном вопросе уже разрешен военным министерством положительно) организовать специальное унтер-офицерское училище с 4-летним курсом обучения. В училище будут приниматься мальчики 14–15-летнего возраста. Окончивший обязан будет прослужить в унтер-офицерских должностях не менее 12 лет.

Набрать 1.000 мальчиков, отвечающих самым строгим требованиям приема, не представит затруднений, так как нищета населения современной Польши является благоприятным для укомплектования унтер-офицерских училищ фактором. Оказывается,

---

[4]) Поруч. Покуса. Там же, стр. 44.

[5]) Капит. генштаба Пончковский. Там же, стр. 234.

[6]) Поруч. Покуса. Там же, стр. 52—54.

[7]) Поруч. Гнитель. „Комплектование унтер-офицерского контингента". („Польска Збройна" от 31/VII—1927 г.),

что из 693.600 детей 14-летнего возраста средние учебные заведения посещает лишь 27.500. Остальные, из которых 246 тысяч не учатся вообще, являются богатым материалом, который будет использован для заполнения унтер-офицерских профессиональных училищ.

Выводы: 1. С мнением об увеличении удельного веса младшего комсостава в современных условиях боя мы вполне согласны и считаем, что его значение все больше и больше будет расти в будущем.

2. Совершенно естественно, что рабочий, попавший в армию польского фашизма, отрицательно относится к представителям в ней буржуазной идеологии — офицерам и (как доказали многочисленные судебные процессы) активно проводит организационную и пропагандистскую „антигосударственную“ работу; поэтому для нынешней польской армии остается путь царской армии—подбор унтер-офицеров не в рядах рабочих, а из крестьянской среды. Правда, последние неразвиты, но многие из них еще слабо осознали противоречивость интересов своих интересам помещичьей Польши наших дней. Они легко поддаются шовинистической агитации и обработке господами офицерами в пользу фашизма.

3. Еще более резонным и целесообразным, с точки зрения польского фашизма, является предложение организовать унтер-офицерское профессиональное училище.

Отрыв сына обнищавшей интеллигентской семьи, лишенной возможности дать образование своим детям, от общественной среды гарантирует, что попавший в руки фашистов 14-летний юноша станет преданным слугой капитала.

4. Следует признать, что месяц или два, которые кандидат в унтер-офицеры проводит в строевых ротах совместно с другими новобранцами, будут использованы многим продуктивнее в стенах школы младшего комсостава. Срок одиночного обучения может быть сокращен, а время, выделенное на инструкторскую подготовку, соответственно увеличено.

5. Вполне рациональным является предложение создать в школе младшего комсостава отдельный специальный пулеметный класс. При совместных занятиях всего состава школы устраняется отрыв пулеметчиков от основного стрелкового состава школы.

6. Вряд ли можно признать целесообразным исключение новобранцев весенних призывов из плана обучения летнего периода, а также освобождение их от боевых стрельб. Летний период является наиболее плодотворным, дающим лучшие результаты в области боевой подготовки войск, приближая их вплотную к естественным условиям военного времени, втягивая в походную жизнь и внедряя навыки правильной оценки и применения к местности и т п.

7. Проект ввести двусторонние тактические занятия, начиная уже с боевой группы, следует признать удачным.

Возможно ли, однако, успешное применение предлагаемого метода в Польше? Привьется ли он в армии, где „хорошие“ взаимоотношения офицеров с нижними чинами частенько базируются на применении физического насилия, т.-е., говоря не на изысканном языке польских судебных отчетов, на мордобое? — Сомневаемся...

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Е. И. МАРТЫНОВ—„Царская армия в февральском перевороте“. Изд. Научно-уставного отдела штаба РККА. 1927 г. Стр. 212. Тираж 3.000 экз. Ц. 1 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ—„Корнилов“ (Попытка военного переворота). Издание то же. Стр. 196. Тираж 3.000 экз. Ц. 1 р. 10 к.

К 10-й годовщине февральской революции военным издательством выпущены две книги, написанные автором с большим литературным стажем в военно-исторической области, при чем обе книги освещают вопросы, связанные опять-таки с армией. Но обе книги не носят характера специально-военной литературы. Наоборот, как это подчеркивается в предисловии к ним, они являются вкладом в общую литературу о феврале, представляют интерес и для гражданских работников. Тем ответственнее является выступление Мартынова с двумя работами одновременно, и тем большие требования могут быть к нему пред'явлены.

Надо отдать должное автору: он проботал громадный материал как архивный, так и мемуарный. Написаны обе книги с большим умением, читаются они с интересом. И все же обе эти книги нельзя рекомендовать рядовому читателю. Больше того, их ни в коем случае нельзя давать читателю, не знакомому с разбираемыми в них вопросами, не имеющему достаточной марксистской подготовки, ибо как в первой, так и второй книжке автор ряд важнейших вопросов трактует совершенно неправильно. Чем больше вчитываешься в эти книжки, тем отчетливее выявляется слабое место автора: отсутствие материалистического понимания истории, неумение дать четкий, правильный анализ и оценку событиям.

Возьмем первую книжку. Она говорит о февральской революции и роли в ней (в первые дни) армии. И автор считает возможным к этим вопросам подойти без хотя бы в конспективной форме данного анализа характера революции; ничего не говорится о проблеме союза пролетариата с крестьянством (солдаты—крестьяне в шинелях); вопрос о гегемонии пролетариата подан также далеко не с должной убедительностью и т. д. „Это каждый и так должен знать“—могут вам возразить. Хорошо, но тем более должно это относиться и к автору. А между тем, вот к чему привело автора отсутствие ответа на эти вопросы:

1. Две главы—IV и V—посвящены описанию вооруженного восстания (27 и 28 февраля и ночь на 1 марта). Прочтите подзаголовки к этим главам (стр. 93, 117): в них—ни одного слова о выступлениях, руководящей роли рабочего класса. Самый текст этих глав создает впечатление, что рабочий класс сам в вооруженной борьбе с прислужниками царизма почти никакого участия не принимал. Более того, говоря о вооружении пролетариата и организации боевых дружин, автор неоднократно цитирует, и весьма одобрительно, ошибочные мероприятия одного из тогдашних руководителей питерского пролетариата тов. Шляпникова, сводившиеся к тому, чтобы не допустить рабочих к созданию этих дружин и не снабжать их оружием. Автор упоминает об этом на стр. 67, 77, 89 и, наконец, в заключении определенно подчеркивает: „В особую заслугу бюро ЦК (читай Шляпникова. С. Р.) должно быть поставлено то, что оно (он. С. Р.) сумело удержать некоторых увлекавшихся партийных деятелей... настаивавших на безотлагательном формировании боевых дружин“ (стр. 209). На самом деле тактика коммунистических партий в вооруженном восстании в одинаковой мере учитывает как необходимость привлечения армии на сторону пролетариата, так и вооружения рабочих и создания им дружин (об этом можно прочесть и в резолюциях с'ездов партии, Коминтерна, и у Ленина, и т. д.). В наши дни ожесточенных схваток пролетариата с буржуазией это следовало бы сугубо отмечать. У Мартынова этого нет. У него все вооруженное восстание в основном свелось к выступлению волков.

2. Возьмем другой пример: глава I-я—„Армия перед революцией“. Задача автора—показать, что в силу ряда причин армия уже накануне февраля достаточно революционизировалась. Таких причин автор перечисляет целых десять (стр. 19—41). Но не дав классового анализа армии, не вскрыв классовых интересов солдат (рабочие и крестьяне), с одной стороны, и офицеров (мелко-буржуазная интеллигенция, средняя и крупная буржуазия), с другой,—автор суммировал в единое целое такие причины, которые, во-первых, совершенно по разному влияли на различные классовые прослойки армии, во-вторых, приводили к совершенно различным результатам. Возьмем, например, причину 8—недовольство союзниками (стр. 40). Эта причина характерна для офицерства и генералитета и то не в целом. А причина 9—жажда мира—она доминировала над всем именно у солдат. Именно поэтому армия так быстро впоследствии встала под знамена большевиков. А причины 6 и 7—слухи об измене, возмущение придворной камарильей—они отражали боязнь сепаратного

мира с Германией, характерную для буржуазии; отсюда требование войны до победного конца, борьба с большевиками. Автор все это об'единил, не отделяя первостепенных причин от второстепенных, а, самое главное, так и не дал основных причин: борьба за настоящую свободу, за землю, за хлеб,—кроме одной—борьбы за мир.

3. Неправильно мнение автора, что большевики со своей „пораженческой" точки зрения были заинтересованы в подрыве боеспособности армии и разложении ее (стр. 138, 212). Эта кадетская точка зрения, к сожалению, замечается у отдельных работников старой армии. Но эта скверная легенда, пущенная ставкой и поддержанная правой печатью для оправдания мер борьбы с большевиками, абсолютно ни на чем не основана. Партия ставила своей задачей привлечь на свою сторону самые боеспособные части, напр., латышские полки, гренадерский корпус и т. д., а не разложение армии. „Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами.... Я утверждаю, что.... мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт" (Ленин. т. XV, стр. 180). Смешно говорить о разложении армии большевиками, когда партия считала возможным, после перехода власти, революционную войну. В. И. Ленин на Всероссийской парткоиференции в апреле 1917 г. определенно подчеркивал, что „мы не пацифисты и не можем отрешиться от революционной войны" [1]).

Наконец, такие положения, как, напр.: „Монархия в России рухнула не от замены Алексея Михаилом, а по той причине, что Романовская или, точнее, Гольштейн-Готторпская династия успела уже совершенно дискредитировать в глазах народа монархический строй" (стр. 182), или: „Николай II боялся войны и был вовлечен в нее кучкой шовинистов, во главе коей стоял... Николай Николаевич, мечтавший о славе полководца" (стр. 44)—еще больше подчеркивают, что автор стоит не на марксистской точке зрения.

Если мы теперь обратимся к второй книжке, то и здесь отмеченный выше недостаток резко бросается в глаза.

Чем характеризуется период накануне выступления Корнилова? Стремлением окончательно раздавить революционные массы, руководимые большевиками; завершить начавшееся после июльских дней наступление на пролетариат. И в этой борьбе не было никакой разницы между Корниловым и Керенским. „В происходящей борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова—писал тогда же Сталин—выступает не революция и контр-революция, а два различных метода контр-революционной политики" (Сталин „На путях к Октябрю", стр 147) Эта точка зрения сохраняет свою силу по сей день.

А как рисуется движение Корнилова автором? Оно рассматривается им под углом зрения борьбы Корнилова с Керенским, „борьбы, порожденной, главным образом, их личным соперничеством" (стр. 177). Оценка автором корниловщины видна из следующих его слов: „Посреди грандиозных событий гигантской классовой борьбы, развернувшейся после февральской революции, разыгралась мелкая борьба Корнилова с Керенским" (стр. 172). Итак, корниловщина—это мелькая борьба двух соперников!?

Даже не верится, чтобы автор, проработавший такой громадный материал, мог бы сознательно сделать такой вывод. Где причина этого? Ответ один: автор проглядел, вернее, не понял социальных корней корниловского мятежа; проглядел, что поход Корнилова это поход буржуазии и помещиков на пролетариат. Отдельная личность затмила у него класс, орудием которого она сама являлась. „Посреди грандиозных событий гигантской классовой борьбы, развернувшейся после февраля"—как пишет Мартынов,—корниловщина была не мелкой борьбой, а не менее важным моментом, чем апрельские и июльские дни. К слову сказать, автор и эти-то события не очень хорошо понимает, иначе бы он не написал такой, скажем, наивной вещи, что „государственное совещание, закрывшееся в ночь на 16 августа, обнаружило, что общество разделилось на два класса: буржуазию и пролетариат, между которыми соглашение, по существу, было невозможно" (стр. 73). Просто неловко читать сейчас такие вещи!

В августе 1917 г. буржуазия, руками Корнилова, делала свою последнюю ставку. И ставка эта руками пролетариата и передовой части армии была бита. В части, касающейся армии, непосредственным результатом корниловщины был переход всей армии на сторону большевиков. А по Мартынову корниловщина в части, касающейся армии, имеет то значение, что... „окончательно разрушила армию" (стр. 177). Итак, переход всей армии на сторону большевиков = окончательному разрушению армии. Дальше этого идти некуда!

Нет, издательству Наркомвоенмор не следовало издавать этих книг.

С. Е. Рабинович.

Ценность обоих книг, и то весьма относительную, можно усматривать единственно в том фактическом материале, частью архивном, который в них нашел себе некоторую обработку. Конечно, от автора нельзя

---

[1]) См. Протоколы конференции, изд. ГИЗ 1925 г., стр. 43. Об этом же говорится в знаменитых тезисах Ленина, в первом же тезисе; в резолюции Всероссийской конференции военных организаций РСДРП (б)—по вопросу „о войне, мире и наступлении" июнь 1917 г.) и т. д.

ожидать при разработке таких тем чего-либо другого, кроме составления более или менее удачных военно-исторических описаний, типа хроники.

Таковыми по существу и являются обе книжки. Все попытки автора подняться на высшую ступень, дать более углубленный анализ описываемых им событий, явно неудачны и сводятся в лучшем случае к выводам, которые для него лично может быть и являются достижениями, но которые нашему читателю известны и ясны вот уже в течение 10 лет. В большей же части эти попытки свидетельствуют о безнадежно обывательском понимании автором событий войны и революции, борьбы классов в стране и отражения ее в старой армии. Движущие силы революции автору представляются в туманном свете, его внимание приковано к той суетливой возне, которая происходила в так называемой верхушке общества, куда входили царь и его камарилья, деятели из комитета Гос. Думы, министры Временного Правительства и генералитет. Поэтому главное содержание обеих книжек занимают переговоры всякого рода—письменные, по телефону,—совещания, раз'езды, встречи, проекты, а не события. Так как автор, как он сам предупреждает, не был очевидцем и участником событий, то его произведения не являются мемуарами, но по существу к ним весьма приближаются. Автор хорошо знает всю „головку" царской армии, ее обычаи и нравы, почему его характеристика высшего командного состава этой армии составляет наиболее ценную часть обеих книжек, хотя по существу ничего нового к уже известным чертам ее не прибавляет.

Более удачна вторая из рассматриваемых книг („Корнилов"), где автор, ограничившись изображением чуть ли не исключительно борьбы „верхушки" (Керенский—Корнилов), в таком суженном аспекте довольно обстоятельно изложил на основе большого материала сложную и запутанную сеть всех перипетий этой интриги. Независимо от желания автора, Керенский, Временное Правительство, Корнилов с его окружением и вся верхушка армии получили об'ективно очень яркое изображение.

Совершенно неудачна первая книжка — „Царская армия в февральском перевороте". Ее заглавие и не соответствует содержанию, ибо беглое описание выступления петроградского гарнизона и отчасти жалкой роли главнокомандующих фронтами нельзя ни в коей мере считать для этого достаточным, а попытка в 1-й главе дать анализ состояния армии перед революцией поражает полной несостоятельностью автора справиться с этой задачей. Слишком много места уделяется „возне" думских деятелей, министров, приближенных царя и генералов в связи со свержением Николая. Последние две главы являются уже совершенно ненужными.

Нужно ли было выпускать эти книжки? Очевидно, нет (особенно первую).

В заключение несколько слов о предисловиях к обеим книжкам. У нас вообще не совсем благополучно с надлежащей оценкой выпускаемой военной литературы, и предисловия тт. Горева и Толстого об этом наглядно свидетельствуют. Оба они слишком неумеренно рекомендуют книжки читателю. Особенно далеко идет в этом отношении т. Горев, который не только считает, что книжка „Царская армия в февральском перевороте" является „несомненным вкладом в нашу общую литературу о февральской революции", но заявляет, что автор „проявляет в общем довольно правильный взгляд на характер революции и борьбу классов" и т. д.

Нехорошо, когда в десятилетие событий 1917 года Научно-уставной отдел Штаба РККА не нашел выпустить ничего лучшего, чем книжки Е. Мартынова, но уже совсем плохо, когда их сопровождает такая аттестация.

Ст. Ботнер.

Clèment Grandcourt, colonel—„La Tactique au Levant", 1926 г.
Гранкур, полк.—„Тактика в Леванте".

Из военной литературы в области тактики, появляющейся на иностранном книжном рынке, работа Гранкура заслуживает внимания, так как она затрогивает вопросы колониальной войны, вернее — тактические вопросы ведения войны на малокультурных театрах. Хотя ее заглавие, как-будто, касается только войны в Леванте, то-есть в Сирии и Киликии (из которых только часть Киликии, находящаяся к северу от бухты Александретты, имеет равнинный характер; вся же остальная часть, представляющая вытянутую по меридиану полосу, находящуюся между морем и горами Амануса, Ансари Ливана, Хермона и Хорана и наполненную отрогами последних, имеет горный характер), автор основывает свои выводы также и на действиях в Алжире, Марокко, а равно и на нашем западном театре, где он принимал участие в армии Галера во время войны с поляками.

Книга охватывает не только особенности тактических действий, присущих подобным театрам, —она подробно рассматривает вопросы организации, вооружения, снаряжения, комплектования и снабжения. Автор ставит себе задачу—дать рецепт для подавления восстания в колониях, затрачивая возможно менее французской крови и французских средств, используя национальное и религиозное расслоение местных аборигенов и привлекая для подобных операций, преимущественно, пушечное мясо из других колоний, местные условия которых не отличаются от

театра военных действий; поэтому мы видим в Леванте алжирских и тонкинских стрелков и даже врангельцев, которые сперва были назначены в артиллерийские части, а потом из них пробовали формировать самостоятельные роты, но большевистский дух, очевидно, препятствовал им так рабски выполнять веления капитала, как это удавалось проводить в отношении туземцев; автор недоволен ими. Нужно отдать должную справедливость вдумчивому изучению автором местных условий, как в отношении военном, так и политико-экономическом. Хотя исследователь организации вооруженных восстаний не найдет прямого ответа на свою тему, однако, мы советуем ему про[честь] книгу Гранкура, которого интересуют обратные вопросы—подавление восстаний,а равно удержание в повиновении колоний.

Наибольшую трудность ведения операций на малокультурных театрах автор видит, не без основания, в отсутствии хороших и достаточных путей сообщения, в трудности продовольствования значительной колонны и в ограниченности применения технических средств, требующих хороших дорог.

Чувствуется недоверие к местным войскам, хотя без них обойтись трудно; по степени доверия к ним выдается и вооружение, наиболее действительные огневые средства остаются в руках европейцев или наиболее преданных алжирских стрелков. Не приходится говорить, что весь старший и высший командный состав—преимущественно, французы. Содержание армии, находящейся в Сирии, по мнению автора, целиком должно быть возложено на местный бюджет; нравится ли сирийцу—алкуиту или друзу—эта армия или нет, автора этот вопрос совершенно не интересует. Для современной Франции нужен „порядок" в колониях, и этот порядок водворится силою оружия, а средства для того выколачиваются из местного населения.

Бездорожье заставляло французов прибегать к медленной войне, где устройство тыла, обеспечение базы и своевременное выдвижение играли такую же роль, как и боевые действия. Для подвоза и продвижения артиллерии создавались дороги там, где ранее существовали едва проходимые тропы. Это требовало большого количества сапер и рабочих рот.

Значительную долю не всегда удачных действий армии Галлера на нашем фронте автор об'ясняет невнимательным отношением к устройству тыла, недостатком специальных дорожных войск и несоответствием перевозочных средств условиям театра.

Преобладающая роль в действиях на подобных театрах принадлежит пехоте; артиллерия должна быть, преимущественно, гаубичной, калибром 75—100 мм.; основная единица, об'единяющая все роды войск,—батальон 4-ротного состава, с 1—2 батареями и взводом конницы; обоз, преимущественно, вьючный. При соприкосновении с противником, обоз и парк прикрываются соответственным расчленением колонны, при чем в наступательном бою арьергард и особые боковые отряды служат специальным прикрытием обозу. Особое затруднение всегда представлял противник подвижной, хотя и не очень упорный в боях, но хорошо владеющий винтовкой и хорошо знающий местность. Все то, что нам известно по опыту борьбы на кавказском и туркестанском театрах, все это находит и у автора подтверждение. Он предостерегает от разброски по мелким укрепленным этапам, рекомендует сильные подвижные резервы и последовательное продвижение системы укрепленных пунктов с целью изоляции противника от богатых продовольствием районов и уже покорившихся жителей, соединяя всегда это продвижение укрепленных линий с действием подвижных колонн.

Если бы книга не была столь обширна, она заслуживала бы перевода; для наших читателей достаточно было бы из нее сделать только извлечение; для лиц, изучающих борьбу на малокультурных театрах, она представляет большой интерес.

Н. Сапожников.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ „ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ“ ЗА 1927 ГОД

I. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

II. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

III. СТРАТЕГИЯ, ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО.

IV. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

V. ПОДГОТОВКА, ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

VI. ТАКТИКА

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ

VIII. ПОЛИТРАБОТА

IX. МОБИЛИЗАЦИЯ и КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМИИ

X. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

XI. ОСОАВИАХИМ

XII. ИНОСТРАННЫЕ АРМИИ

XIII. БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Русская военная печать.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

сотрудничавших в журнале в 1927 году

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

КО ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В феврале 1928 г. к 10-летию Красной армии редакция выпускает специальный юбилейный номер журнала „Война и Революция“.

Редакция обращается ко всем участникам гражданской войны с просьбой присылать для помещения в журнале фотографии, особо характерные документы и пр.

Все присланное редакция, по использовании, с благодарностью возвратит.

Редакция.

Ответственный редактор: Р. П. ЭЙДЕМАН. Издатель: Изд-во „ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“.

Цена отдельного номера 1 р. 75 к.

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Москва 19, Манежная, 7